

СЕНСАЦИОННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

misterium

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!**

ЛИНДСИ ФЭЙ ПРАХ И ТЕНЬ

**ХОЛМС ПРОТИВ
ДЖЕКА ПОТРОШИТЕЛЯ**

Annotation

С таким трудным делом великому сыщику мистеру Шерлоку Холмсу сталкиваться еще не доводилось. Настоящим испытанием для его дедуктивного метода стала серия загадочных и жутких убийств, потрясших Лондон, а с ним и весь мир в 1888 году. Их совершил самый знаменитый маньяк всех времен и народов, которого навеки запомнили как Джека Потрошителя. Этот неуловимый убийца совершенно нелогичен, а его преступления непредсказуемы. Маньяк живет и творит свои злодеяния в глубокой тени. Мало того, он решился бросить персональный вызов самому Холмсу, затеяв с ним смертельную игру. Он всегда опережает знаменитого детектива на один шаг. Он дьявольски ловок, хитер и коварен. Вычислить и поймать его стало для Холмса делом чести. Ведь цена каждой его ошибки — еще одна человеческая жизнь...

- [Линдси Фэй](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Выражение признательности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
-

Линдси Фэй

Прах и тень

История с Джеком Потрошителем оставила в душе моего друга Шерлока Холмса глубокую рану. Весь Лондон тогда пребывал в смятении. Почти всякий раз, когда я входил утром в комнату Холмса, он лежал на диване после бессонной ночи. В ногах была скрипка, на полу валялся выпавший из длинных пальцев шприц для подкожных инъекций, но никакое снадобье не могло изгнать из памяти Холмса призрак человека, которого мы безуспешно пытались поймать вот уже больше двух месяцев. Насколько хватало сил, я заботился о здоровье друга. Увы, мне плохо удавалось рассеять ужас, охвативший нас после того, что произошло. Я разделял страдания Холмса, и мне было нелегко рассеять мучавшие его сомнения. Этому гениальному человеку, несмотря на те невероятные усилия, что он предпринимал, казалось: он сделал не все, на что способен.

Однажды меня посетила мысль: надо бы занести случившееся с нами на бумагу — не для публикации, конечно, а чтобы осмыслить события и хоть немного унять душевное смятение. Помню, как измучили меня попытки запечатлеть для истории события, произошедшие у Рейхенбахского водопада.^[1] И в этот раз стоило взяться за перо, как ужасная тяжесть наваливалась на меня. Трудные были дни. Не раз и не два, когда дел накапливалось столько, что игнорировать их было уже никак невозможно, Холмс говорил, облакачиваясь на мой письменный стол:

— Давайте займемся Тарлингтоном вместе. А о том деле вам вовсе нет нужды писать, дружище. Мир уже не помнит о нем. Настанет день — и мы тоже забудем.

В этом Шерлок Холмс заблуждался, что случалось с ним крайне редко: мир до сих пор не забыл о Джеке Потрошителе. Редкий мальчик, сколь бы ни был он храбр, не испытывает холодка страха, когда взрослые тревожат в своих разговорах ужасный призрак этого злодея.

Я заканчивал эту хронику, стараясь излагать факты в спокойном, размеренном тоне, как и пристало биографу. Это было много лет назад, когда участие Холмса в деле Джека Потрошителя многие еще оспаривали. Однако затем о нашей роли в расследовании этих злодеяний почти вовсе перестали упоминать. Лишь безусловно удачно завершённые моим другом дела вызывали славословие публики. Если же рассказ не имеет конца, то

это и не история вовсе, поэтому для всего Лондона загадка Джека Потрошителя так и осталась абсолютной тайной.

Возможно, я действую против собственных интересов, однако не в силах заставить себя сжечь записи о расследовании, которое мы проводили вместе с Холмсом. Я намереваюсь препоручить эти бумаги, включая и данное письмо, заботам своего искушенного адвоката. Впрочем, у меня нет абсолютной уверенности, что мое пожелание никогда не публиковать эти записи будет выполнено, сколь бы энергично я на нем ни настаивал. Рассказанная мной история далеко превосходит наши обычные представления о границах человеческого злодейства, поэтому меня трудно обвинить в приукрашивании или желании произвести сенсацию. И все же очень хотелось бы, чтобы к тому времени, когда читатель ознакомится с этими страницами, память о Джеке Потрошителе стала бы легендой былых времен, менее справедливых и более жестоких.

Единственной причиной, заставившей меня написать все это, было искреннее восхищение несравненными талантами и высокими стремлениями, отличавшими моего друга более чем полвека назад. И все же должен с удовлетворением заметить, что уже теперь благодарные потомки отвели великому Шерлоку Холмсу достойное его место в истории. Это случилось сейчас, когда я пишу эти строки, предчувствуя, что близится новая война, которая принесет еще один прилив вселенского горя.

Д-р Джон Г. Уотсон, июль 1939 г.

Пролог

Февраль 1887

— Мой дорогой доктор, боюсь, сегодня вечером мне потребуется ваша помощь.

С немым вопросом во взгляде я поднял глаза от статьи о местных выборах в «Колуолл Газетт».

— Я в вашем распоряжении, Холмс.

— Одевайтесь потеплее. Барометр не сулит сильных атмосферных возмущений, но ветер прохладный. Буду вам признателен, если не забудете положить в карман револьвер. Это очень веский аргумент, к тому же осторожность никогда не помешает.

— Вы, кажется, говорили за обедом, что мы вернемся в Лондон утренним поездом?

Шерлок Холмс загадочно улыбнулся сквозь тонкую пелену табачного дыма, неизменно клубившегося вокруг его кресла в нашей со вкусом обставленной гостиной.

— Если речь идет о моем замечании, что в городе у нас будет возможность поработать гораздо более продуктивно, чем здесь, в Херефордшире, то это действительно так. В Лондоне нас ждут три дела, в разной степени интересные.

— А пропавший бриллиант?

— Я уже разгадал его тайну.

— Дорогой Холмс! — воскликнул я. — Поздравляю вас. Но где же он тогда? Сообщили ли вы о своей находке лорду Рамсдену? Послали весточку в гостиницу инспектору Грегсону?

— Друг мой, я сказал, что разрешил загадку, но вовсе не имел в виду, что все устроил. — Холмс рассмеялся, поднимаясь с кресла, чтобы выбить трубку о каминную решетку. — Эта работа нам еще предстоит. Что касается дела, оно не было особенно таинственным, хотя и повергло в смущение нашего друга из Скотланд-Ярда.

— И все же теряюсь в догадках, — признался я. — Кольцо, украденное из фамильного склепа, абсурднейшим образом отсутствующий клочок лужайки в южной части имения, трагическое прошлое барона...

— Мой дорогой Уотсон, вы обладаете определенного рода талантом, но удивительно редко им пользуетесь. Вы только что перечислили самые главные обстоятельства дела.

— И все же должен признать, что остаюсь в полнейшем неведении. Собираетесь ли вы сегодня вечером встретиться лицом к лицу с преступником?

— Никакого фактического правонарушения пока что не случилось. Но мы сделаем все от нас зависящее, чтобы увидеть преступление в момент его совершения.

— В момент его совершения?! Что вы имеете в виду?

— Ограбление могил, если чутье мне не изменяет. Встретимся у дома в час ночи: к этому времени служители кладбища уже будут спать. Постарайтесь, чтобы вас никто не увидел. Не опаздывайте: это может навредить делу.

С этими словами Холмс проследовал в свою спальню.

Без десяти час я покинул особняк, тепло одевшись. Ночь была холодной, и звезды отражались в инее на траве. Я без труда нашел своего друга: он вышагивал по ухоженной с почти континентальной тщательностью садовой дорожке и был явно впечатлен панорамой прекрасно видных этой ночью созвездий, усеявших небо. Я прочистил глотку. Шерлок кивнул и приблизился ко мне.

— Мой дорогой Уотсон, — сказал он негромко, — значит, вы тоже предпочли риск простудиться перспективе остаться вдали от Мэлверн-Хиллз этой ночью? Наверное, нечто подобное пришло в голову вашей экономке?

— Не думаю, что миссис Дживонз бодрствует и способна это предположить.

— Чудесно. Тогда пройдемся быстрым шагом, чтобы немного согреться.

Мы направились по тропинке, которая сначала вела в глубь сада, а потом повернула в сторону близлежащих утесов. Вскоре Холмс провел меня сквозь заросший мхом лес, и мы покинули границы имения Блэкхит-хаус. Не зная цели нашей прогулки и чувствуя себя от этого крайне неуютно, я не удержался от вопроса:

— Вы как-то связываете ограбление могилы с недавно украденной фамильной драгоценностью?

— Почему вы решили, что недавно? Как вы помните, мы мало что знаем о времени ее исчезновения.

Я задумался. Мое дыхание образовывало в воздухе причудливые облачка.

— Согласен. Раз речь идет об ограблении могил, мы можем скорее не

дать свершиться преступлению, чем обнаружить его.

— Едва ли.

Хотя я и привык к чрезмерной скрытности Холмса на заключительной стадии расследования, его безапелляционность действовала мне на нервы.

— Не сомневаюсь, что очень скоро вы разъясните мне, что значит этот странный акт кладбищенского вандализма.

Шерлок бросил на меня быстрый взгляд.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы вырыть могилу?

— В одиночку? — Я пребывал в затруднении. — Если очень спешить, хватит и дня.

— А в обстановке полной секретности?

— Полагаю, это заняло бы еще несколько дней, — сказал я нерешительно.

— Наверное, столько же времени нужно, чтобы раскопать захоронение. А ваша природная сметка помогла бы сделать это скрытно от посторонних глаз.

— Холмс! — Я чуть не задохнулся от осенившей меня догадки. — Вы хотите сказать, что отсутствующий клочок дерна...

— Тсс! — прошептал он. — Вот. Видите?

Мы забрались на гребень поросшего лесом холма примерно в полумиле от имения и теперь рассматривали неровную лощину, образующую одну из границ расположенного невдалеке города. Холмс указал пальцем:

— Смотрите на церковь.

В дрожащем лунном свете я с трудом различил среди кладбищенских деревьев сгорбленную фигуру. Человек бросал последние комья земли на могилу с миниатюрным надгробным камнем в изголовье. Вытерев лоб тыльной стороной ладони, он направился в нашу сторону.

— Это и есть лорд Рамсен, — пробормотал я.

— Назад, за гребень холма! — скомандовал Холмс, и мы отошли в кусты. — Он почти закончил... Должен признаться, Уотсон, в этом деле мои симпатии полностью на стороне преступника, но вам следует сохранять объективность и в своих суждениях полагаться только на себя. Я намереваюсь предстать перед бароном в одиночку. Будем рассчитывать на то, что он окажется разумным человеком. Если же нет... А сейчас пригнитесь, да поскорее! Ни звука!

Присев на камень, я нащупал револьвер в кармане пальто. Чиркнула спичка, донесся запах сигареты Холмса, затем я услышал негромкий звук шагов по склону холма. Холмс выбрал укрытие с чрезвычайной

тщательностью: скала закрывала меня от посторонних глаз, но в расщелину между ней и прилегающим валуном я мог наблюдать за происходящим.

Выйдя на гребень холма, барон оказался в поле моего зрения. Он тяжело дышал, хватая воздух, лицо его блестело от пота, несмотря на мороз. Бросив взгляд на расстилающийся перед ним лес, он остановился, охваченный страхом, и вытащил пистолет из кармана подбитого мехом пальто.

— Кто идет? — спросил он скрипучим голосом.

— Лорд Рамсен, это я, Шерлок Холмс. Мне надо поговорить с вами.

— Шерлок Холмс! Что вы здесь делаете в такой час?

— Я мог бы спросить вас то же самое.

— Полагаю, это не ваше дело, — огрызнулся барон, но в голосе его прозвучали панические нотки. — Я нанес визит другу...

Холмс вздохнул:

— Не могу допустить, чтобы вы лжесвидетельствовали подобным образом. Я знаю, что ваша сегодняшняя миссия имеет отношение скорее к мертвым, чем к живым.

— Откуда вы это знаете? — спросил барон.

— Мне все известно.

— Выходит, вы обнаружили ее могилу.

Пистолет, направленный в землю, сильно дрожал в руке лорда, описывая небольшие круги, словно он не знал, как им пользоваться.

— Я нанес туда короткий визит нынешним утром, — признался Холмс. — Вы сами сказали, что любили Эленору Роули. И поступили очень разумно, сообщив мне это: все равно после ее смерти не удалось бы утаить ваши многочисленные встречи и оживленную переписку.

— Да, я все вам рассказал!

— Вы мастерски вели свою игру с того момента, когда ваши близкие обнаружили пропажу кольца, — продолжал мой друг, не сводя гипнотического взгляда серых глаз с лица барона. При этом все внимание Холмса, как, впрочем, и мое, было приковано к пистолету. — Вы просили меня и доктора Уотсона содействовать полиции, настаивая при этом, чтобы мы оставались в Блэкхит-хаус, пока все не утрясется. Мои комплименты вашему профессионализму.

Глаза барона сузились от ярости.

— Я был с вами откровенен, проявив всю мыслимую учтивость к вам и мистеру Уотсону. Зачем же вы тогда пришли на ее могилу?

— Лишь потому, что вы утверждали, будто не знаете, где она.

— А что мне было делать? Да, она составляла для меня целый мир,

но... — Он сделал паузу, пытаясь справиться с чувствами. — Наша любовь была ревностно охраняемой тайной, мистер Холмс. Я и так достаточно унизил себя, рассказав о ней наемному детективу.

— Люди вашего положения обычно избегают болезненных тем личного свойства, беседуя с посторонними, — продолжал детектив. — Во время нашей первой беседы в Лондоне вы, очевидно, решили: если выложить начистоту все сразу, я утрачу интерес к делу. Ваша тактика позволила бы вам завершить намеченное, если бы вам попался менее дотошный исследователь. Однако даже ваши рассказы о нахальных деревенских мальчишках, бесчинствующих по ночам на кладбище, оказались похожей на правду выдумкой. Впрочем, я многое понял, увидев в воскресенье вечером, в каком состоянии ваша одежда.

— Как я уже говорил вам, моя собака погналась за фазаном и попала в капкан, поставленный кем-то из жителей деревни.

— Я бы поверил этому, если бы в грязи были перемазаны только ваши брюки, — терпеливо разъяснил Холмс. — Но больше всего были испачканы предплечья, как это бывает, когда человек опирается на локти, чтобы выбраться из ямы глубиной примерно в его рост.

Рамсден поднял пистолет. Глаза его горели безумием, но Холмс спокойно продолжал:

— Вы так страстно любили Эленору Роули, что извлекли свадебное кольцо своей бабушки из семейного склепа. Рассчитывали сделать это в полной тайне: едва ли кому-нибудь, кроме вас, придет в голову разрывать могилу. Вы подарили кольцо мисс Роули, твердо намереваясь жениться на этой дочери местного торговца, чья красота, как мне говорили, сравнима разве что с благородством ее души.

Взгляд барона затуманился, а голова едва заметно поникла, однако пистолет по-прежнему был направлен на Холмса.

— И конечно, сделал бы это, не разлучи меня с ней судьба.

— Сегодня утром я имел долгий разговор с бывшей служанкой мисс Роули. Ваша возлюбленная, заболев, сообщила вам в письме, что уезжает лечиться на континент вместе с родителями.

— Врачи ничего не сумели сделать, — признался барон, нервно стиснув пальцы свободной руки. — После ее возвращения тяготы путешествия ускорили ход болезни. Она тайно известила меня, что ее любовь ко мне неизменна со времен нашего детства. Отец Эленоры поставлял нашей семье галантерейные товары... Через три дня она... — Он весь содрогнулся от невыносимого страдания, прижав руку ко лбу. — Ничто не могло быть хуже случившегося, даже моя собственная смерть.

— Как бы там ни было, леди умерла, — заметил мой друг с сочувствием, — а вы так сильно горевали, что не сразу поняли: она вшила ваш залог любви в подкладку погребального одеяния. Обретя способность трезво мыслить, вы, несомненно, осознали, что ваша фамильная драгоценность безвозвратно утеряна.

— Я тогда сам занемог: совсем лишился разума. Большую часть месяца я был лишь бледной тенью себя прежнего. Полностью утратил интерес к чему-либо, — равнодушно констатировал барон. — Тем временем сумасбродства брата следовали одно за другим, как дни в календаре, а наша семья оказалась вовсе не столь богатой, как представлялось моей матери.

— Проверка бухгалтерских книг выявила отсутствие драгоценности.

— Иначе я никогда бы не забрал кольцо назад — ни при ее жизни, ни после смерти. Да поможет мне Бог! Все беды, которые навлек брат на семью, — ничто в сравнении с моим горем. Возможно ли сочетание слов «грабитель могил» рядом с именем лорда Рамсдена? — Собрав в кулак остаток воли, он все же сумел немного успокоиться и распрямился в полный рост. Глаза его тускло поблескивали. — Думаю, что нет, — продолжал Рамсден, и слова его обрели какую-то новую пугающую четкость. — Может случиться так, что единственный человек, знакомый с сутью дела, погибнет нынешней ночью.

— Но все же такое развитие событий маловероятно, — спокойно заметил мой друг.

— Это вы так думаете! — прорычал его клиент. — Но вы недооцениваете мою...

— Я не столь глуп, чтобы отправиться на подобную встречу одному, — объявил Шерлок Холмс. — Мой друг доктор Уотсон был настолько любезен, что составил мне компанию.

Я осторожно вышел из-за валуна.

— Так, значит, вы захватили с собой шпиона! — вскричал барон. — Вы хотите погубить меня!

— Поверьте, лорд Рамсден, я не причиню вам ни малейшего вреда, — возразил Холмс. — Мы с моим другом готовы поклясться: никто не узнает от нас об этом деле, если кольцо будет возвращено.

— Оно здесь. — Барон приложил руку к нагрудному карману. — Вы говорите всерьез? Это невероятно!

— Вздумай я пренебрегать интересами клиентов, моя скромная карьера уже давно бы потерпела крушение, — заявил мой друг.

— Ни полиция, ни семья, ни кто-либо еще ничего не узнают о кольце

после того, как я верну его на место? Я не заслуживаю такой милости.

— От меня они не услышат ничего, — торжественно заявил сыщик.

— И от меня тоже, — добавил я.

— Мне достаточно ваших заверений.

Голова барона склонилась на грудь, словно он совсем лишился сил, охваченный горем.

— Это не первое преступление, которое я покрываю, и, боюсь, не последнее, — признался мой друг тем же успокаивающим тоном.

— Всю жизнь буду вам признателен за молчание. В этом деле вы проявили безупречную осмотрительность и заслуживаете самых высоких похвал, чего я никак не могу сказать о себе.

— Вот тут я с вами не соглашусь, — начал было Шерлок Холмс, но барон с горечью продолжал:

— Элли предпочла скорее умереть в одиночестве, чем обмануть мое доверие. А что дал ей взамен я?

— Полно, лорд. Едва ли разумно мучиться такими мыслями. Вы действовали в семейных интересах, и в конце концов вам удалось сохранить вашу тайну.

— Без сомнения, вы правы, — прошептал он. — Давайте пройдем в дом, джентльмены. С этим покончено. Поверьте, впредь я буду менее разговорчив.

Я уже собрался уходить, но душераздирающий крик друга заставил меня обернуться. Пистолет выстрелил как раз в тот миг, когда Холмс в отчаянном прыжке ухватил барона за туловище и повалил на промерзшую землю. Через мгновение я был уже рядом с ними.

— Быстрее, господи! Он еще дышит. Можете ли вы...

Увы, лорду Рамсдену ни один человек уже не в состоянии был помочь. Когда я ослабил его воротник, он тихо вздохнул, содрогнулся и затих.

— Холмс, он...

— Мертв. — Мой друг закрыл глаза барона, осторожно коснувшись его лица. Деликатность этого жеста несколько приглушила шок от трагедии. — Если бы я только... Но лорд Рамсден, конечно, так или иначе выдал бы себя. Грегсон, безусловно, осел, но даже он способен увидеть перед собой кирпичную стену. Только я сумел бы вернуть кольцо так, чтобы никто не заметил.

Он быстро нагнулся и вытащил блестящую вещицу из кармана мертвеца.

— Трудно представить, что он пережил, извлекая кольцо из могилы! — в ужасе пробормотал я.

— Да поможет нам Бог, Уотсон. — Мой друг, хотя внешне и сохранял спокойствие, был потрясен. Никогда раньше я его не видел в подобном состоянии. — Никому не пожелаешь такой участи.

Мы молча стояли на коленях в густой тени деревьев, все сильнее ощущая пронизывающий холод.

— Что мы им скажем?

— Ну, это, по крайней мере, ясно, — ответил детектив. — Мы услышали выстрел посреди ночи где-то за садом и отправились посмотреть, что случилось. Барона мы нашли уже бездыханным. Вот и все.

Я кивнул.

— Допускаю, что угроза финансового краха способна подтолкнуть к самоубийству чувствительного человека. Но чтобы кольцо...

— Возможно, барон решил, что его жизнь станет вечной угрозой хранимой им тайне, и я вовсе не хочу, чтобы смерть раскрыла ее, — мягко ответил Холмс.

Нам было тяжело созерцать горе, охватившее домочадцев, когда мы возвратились с печальным известием о кончине лорда. Хозяйка имения, узнав о потере старшего сына, по-видимому, даже не вспомнила о кольце матери. Почувствовав свою полную ненужность среди этого хаоса, мы покинули имение.

На следующее утро встав пораньше, мы зашли в гостиницу, чтобы попрощаться с инспектором Грегсоном и констеблем, прибывшим вместе с ним из Лондона. Они занимали номер из нескольких комнат, превратив гостиную в кабинет. Инспектор выразил искреннее сожаление в связи с нашим отъездом в своей особой, присущей только ему форме:

— Ну что ж, полагаю, вы правы. Когда ты не в силах что-то понять, надо вести себя по-мужски и признаться в этом. И все же, мистер Холмс, я намереваюсь довести игру до конца. Просто не могу позволить себе бросить расследование на полдороге, когда многое еще не ясно.

— Вам удалось обнаружить какие-то новые зацепки? — холодно спросил мой друг.

— Объявился брат покойного барона — азартный игрок и повеса, если вы склонны доверять моим источникам.

— Не думаю, чтобы...

— А теперь это самоубийство! — воскликнул инспектор Грегсон. — Да еще при весьма мрачных обстоятельствах.

— Что вы имеете в виду?

— Чувство вины. Иначе зачем ему было себя убивать? При таком

развитии событий, мистер Холмс, вы, возможно, сумели бы понять, что к чему, если бы остались.

— Я нашел в Лондоне след пропавшей драгоценности, — сказал детектив, недовольно передернув плечом. — Мне необходимо возвратиться в город и переговорить с резчиком по камню, моим добрым знакомым. У нас слишком мало информации, чтобы изучить вновь открывшиеся обстоятельства здесь, в Колуолле.

— Извините, сэр, — раздался голос с другого конца комнаты. — Безусловно, мы располагаем многочисленными свидетельствами.

Холмс повернул голову в сторону юного констебля, осмелившегося высказать подобное замечание.

— Вы так считаете? — спросил он сухо. — А я утверждаю, что расследовать преступление практически невозможно, если оно совершено чуть ли не год назад, а вы даже не в состоянии установить его точную дату.

Этот находчивый ответ вызвал сдавленный смех Грегсона:

— Ну-ну, мой мальчик. Я взял вас сюда, чтобы вы понаблюдали за работой истинного профессионала. Мистер Холмс может дать вам хороший совет. А вам, я думаю, надо больше слушать, оставив свое мнение при себе.

Но смутить констебля оказалось не так легко.

— А как насчет изуродованной лужайки?

— Да что в этом особенного? — рассмеялся Грегсон. — Какое отношение имеет к нашему делу садоводство?

— Я и сам терялся в догадках, пока не увидел мальчишек, совершивших этот акт вандализма, — быстро проговорил Холмс. — Не далее чем вчера, прогуливаясь по конному двору гостиницы, я повстречал юного Фергюса Макартура и его сообщников. Они намазывали седла гостей жиром, пока конюх безмятежно храпел. Если бы успех в этом мире определяли только творческие способности, эта шайка сорванцов в ближайшем будущем заправляла бы делами во всей Британской империи. — Мой друг проворно поднялся с места и взял шляпу, лежавшую на скамеечке у двери. — Я тотчас пришлю вам новые сведения, если сумею раздобыть их в Лондоне.

— Ни минуты не сомневаюсь, однако твердо рассчитываю покончить с делом к этому времени. Тем не менее благодарю вас.

— Желаю вам всего самого доброго, инспектор Грегсон, а также вашему подающему большие надежды юному коллеге.

Холмс в последний раз поклонился и, когда мы вышли, плотно закрыл дверь.

— Назад в Лондон, — пробормотал я в раздумье.

— Да. В Херефордшире нам больше нечего делать, — отозвался мой друг. — Однако я уверен, что сумею найти таинственного покупателя кольца.

Он похлопал себя по нагрудному карману, и на его хмуром лице появилась тень улыбки.

Вскоре после нашего приезда в Лондон Холмс телеграфировал леди Рамсен, что ему удалось разыскать кольцо ее матери. Конечно, постигшее семью горе убило в зародыше не только радость домочадцев, вновь обретших фамильную драгоценность, но и всякое любопытство в связи с пропажей кольца. Детектив был явно удовлетворен таким поворотом дел. Участие Грегсона, таким образом, оказалось весьма незначительным. Но кольцо было благополучно доставлено под эскортом полиции из Лондона в Блэкхит-хаус, и настроение доброго инспектора поднялось настолько, что он поздравил частного детектива с «невероятной удачей».

Две недели спустя, когда я удобно расположился на диване с медицинским журналом, на лестнице послышались знакомые шаги. Взойдя по ступенькам, Холмс прошел в гостиную, с выражением крайнего удивления на лице приблизил какое-то письмо к лампе, а затем с равнодушным видом швырнул его на огромную грудку документов рядом с книжной полкой.

— Холмс, мне кажется, ваши юные помощники^[2] ниже ростом, чем эта чудовищная куча, — съязвил я.

— М-м-м, — рассеянно промычал он. — Не думаю. Малыш Грейвз сильно вырос с тех пор, как вы видели его в последний раз.

Я улыбнулся.

— Тогда что это?

— Вы про письмо?

Холмс извлек конверт из кучи, на мгновение задержал его в руке, а потом передал мне. Послание было написано ярко-красными чернилами странным прыгающим почерком.

Мистер Холмс!

Вы очень умны. Верно? Но даже если вы проницательны, как сам дьявол, то все же не настолько умны, чтобы мистер Никто не наблюдал за вами. Да, я вижу вас достаточно четко и даже ясно.

Вижу вас в аду.

Гораздо раньше, чем вы думаете, мистер Холмс.

Я в страхе взглянул на него:

— Холмс, это письмо содержит неприкрытую угрозу!

— Тон действительно довольно недружелюбный, — согласился он, выгребая табак из недр своего кисета — персидской туфли.

— Что вы намереваетесь делать?

— Ничего. Наверное, ваша переписка менее красочна, чем моя. Каждый раз, просматривая почту, я страстно желаю отыскать дело, достойное моего таланта и стоящее потраченного времени. Однако чаще всего нахожу лишь бессвязные разглагольствования чудаковатой старой девы или скучные лирические излияния новобрачных. Хочу показать вам весьма забавный образчик такого письма. Оно пришло на прошлой неделе из Брайтона.

— Неужели вас несколько не заинтересовало это странное послание?

— К своему стыду, я вынужден иметь дело со многими преступниками, поэтому иногда приходится получать такие письма, — заметил Шерлок раздраженно. — Оно написано на дешевой бумаге и послано из лондонского Ист-Энда. Ни отпечатков пальцев, ни малейшей зацепки, которая помогла бы найти автора письма. Что прикажете с ним делать? Весьма необычный почерк: никогда не доводилось такого видеть.

Он внимательно изучал листок бумаги.

— Ну, и как вы поступите? — вновь поинтересовался я.

— Самое лучшее, мой дорогой Уотсон, — бросить это послание в корзину.

Холмс отшвырнул письмо и резко сменил тему, заговорив о философском аспекте работы Ричарда Оуэна.^[3]

На следующий день я увидел раскрытый на столе Холмса рабочий журнал и убедился, что он не выбросил письмо, а аккуратно подклеил. Я хотел было спросить детектива, не появилось ли у него каких-нибудь зацепок в этом деле, но его неожиданный приезд с известием о вызове в Кэмберуэлл заставил меня надолго забыть об этом странном послании.

Глава 1

Два преступления

Мои попытки написать хронику жизни и карьеры мистера Шерлока Холмса и тем самым ввести сведения о нем в научный оборот были отмечены по заслугам, однако те же люди, что хвалили меня, указывали на нередкие отступления от точной хронологии. При этом они любезно объясняли эти огрехи спешкой или относили их на счет нерадивых литературных агентов. Я сразу должен признаться, что эти ошибки, сколь бы вопиющими они ни казались, были допущены намеренно. Пожелания Холмса, не говоря уже о моей природной осмотрительности, не позволили мне всегда быть абсолютно точным, что столь высоко ценится биографами. Я изменял даты второстепенных дел, чтобы замаскировать более важные, придумывал имена и обстоятельства, тщательно сохраняя суть событий, без чего мои записи вовсе потеряли бы всякий смысл. Было бы нелепо наводить тень на плетень, излагая факты, известные не только лондонцам, но и всему миру. Поэтому я расскажу всю правду о том, что случилось со мной и Холмсом, не скрывая ничего об ужасной серии преступлений, которые пришлось расследовать моему прославленному другу и мне.

1888 год стал знаменательным для Шерлока Холмса. В ту пору мой друг оказывал весьма важные услуги одному из правящих монарших домов Европы и противодействовал профессору Джеймсу Мориарти, ясно осознавая его растущий авторитет в преступном мире Лондона. Несколько широко освещавшихся в прессе расследований этого года явили публике во всей красе замечательный талант Холмса. Среди них были, в частности, ужасное дело о неисправной масляной лампе и случай с таинственно исчезнувшим наперстком миссис Виктории Мендосы. Способности моего друга, стесненные прежде рамками узкой специализации, в тот год буквально расцвели. Он вышел из мрака безвестности и купался в лучах славы.

Несмотря на всегдашнюю занятость моего друга, неизбежную для имеющего успех всеведущего сыщика, тот вечер в начале августа мы проводили дома. Холмс делал химический анализ практически не оставляющего следов яда американской змеи, я же просматривал свежие газеты. К моей радости, небо над крышами зданий окрасило лондонское солнце — самая неустойчивая из всех стихий. Свежий ветерок колыхал занавески открытого окна (необходимая предосторожность во время

химических опытов Холмса), и тут мое внимание привлекла заметка в последнем номере «Стар».

— Я просто не в состоянии понять, что заставляет убийцу так глумиться над человеческим телом.

Шерлок, не отвлекаясь от работы, заметил:

— Насильственное прекращение жизненных функций человеческого тела есть его окончательное осквернение. Именно поэтому такое обвинение можно предъявить любому убийце.

— Но здесь описывается что-то невообразимое! Женщина, чья личность пока не установлена, была буквально исполосована ножом. Ее труп обнаружен в Уайтчепеле.

— Прискорбный, но едва ли загадочный случай. Думаю, она продавала себя за пищу и кров. Эти несчастные женщины часто провоцируют своих клиентов на преступления по страсти.

— Но на ее теле нашли двадцать ножевых ран.

— Вы, конечно, приведете неопровержимый медицинский довод: хватило бы и одной.

— Да, пожалуй. — Я запнулся. — По-видимому, негодяй продолжал наносить удары ножом, когда она была давно уже мертва. Об этом свидетельствует анализ крови.

Детектив улыбнулся:

— Вы в высшей степени наделены способностью сочувствовать ближнему, мой дорогой Уотсон. Вижу, вы пытаетесь найти какое-то объяснение преступлению по страсти, совершенному в порыве отчаяния или из мести. Однако тому отвратительному злодеянию, о котором написано в газете, нет никакого оправдания.

— Полностью с вами согласен.

— Признаюсь, мне трудно вообразить человека, настолько обезумевшего от гнева, чтобы изрезать свою жертву подобным образом. Есть ли еще какие-то сведения?

— Скотланд-Ярду больше ничего не известно.

Холмс, вздохнув, отставил в сторону свои пробирки.

— Будь это в наших силах, мы бы сделали безопасным весь Лондон, мой добрый друг. Однако давайте прервем размышления о безднах порока, в которые погружаются некоторые наши сограждане, и прикинем, успеем ли мы к семи тридцати вечера в Альберт-холл^[4] на четвертую симфонию Брамса. Мой брат Майкрофт посоветовал обратить внимание на музыканта, исполняющего партию второй виолончели. Буду рад, если мы вместе понаблюдаем за этим джентльменом в его естественной среде обитания.

Шерлоку Холмсу понадобилось пять дней, чтобы закончить дело виолончелиста. За это мой друг удостоился благодарности британского правительства, в котором не последнюю роль играл Майкрофт. Я тогда хранил в строжайшей тайне сведения о том, что знаю о высоком положении брата Холмса, поскольку Майкрофт время от времени привлекал моего друга к расследованиям, имеющим государственную важность. При этом ни я, ни даже Шерлок не посвящались в суть этих дел. В следующие недели обычно случались преступления лишь самого банального толка. И тогда, к моему прискорбию, Холмс впадал в беспросветную меланхолию. Это чрезвычайно осложняло мою жизнь, не говоря уже о миссис Хадсон, нашей домовладелице. Холмс просил, чтобы во время таких приступов его поменьше беспокоили. Я же, будучи медиком, с ужасом наблюдал, как мой друг заходит в аптеку и, придя домой, извлекает свой маленький, безукоризненно промытый шприц для подкожных инъекций. Все это предвещало, что в ближайшие дни, а то и недели Шерлок будет самым варварским образом разрушать свое здоровье, если я не вмешаюсь. Напрасно я убеждал Холмса, что недопустимо протыкать женщину ножом двадцать раз подряд, в Уайтчепеле или где-то еще. Порой я ловил себя на том, что мечтаю о каком-нибудь сенсационном несчастье, хотя моя совесть плохо мирилась с подобными мыслями.

В ту роковую субботу первого сентября я встал рано и курил трубку после завтрака в гостиной, когда туда вошел Холмс. Он был одет и читал «Дейли ньюс». Очевидно, мой друг уже выходил из дома: на его обычно бледных щеках выступил румянец. Я с облегчением заметил отсутствие наркотического блеска в глазах Шерлока. Его словно высеченный из мрамора лоб покрылся морщинами от умственного напряжения. Бросив газету на обеденный стол, он раскрыл еще семь или восемь изданий, которые мы выписывали. Быстро отыскав там одно и то же сообщение, он разложил все газеты на стульях и креслах.

— Доброе утро, Холмс, — сказал я.

Казалось, наша гостиная вот-вот исчезнет в шуршащем вихре газетной бумаги.

— Я выходил из дома, — отозвался мой друг.

— Да, я понял.

— Надеюсь, вы уже успели позавтракать, Уотсон.

— Какое это имеет значение?

— Похоже, осквернение трупов становится модным занятием в Уайтчепеле. Обнаружена еще одна убитая женщина с животом, искромсанным ножом после смерти.

— Отчего же тогда она умерла?

— Ей разрезали шею, почти отделив голову от туловища.

— Боже милосердный! Где ее нашли?

— Вроде бы на Бакс-роу, и это сразу же привлекло мое внимание. Я-то думал, первый случай — всего лишь чудовищное отклонение от нормы, а тут еще один вдогонку.

— Первое убийство было ужасным.

— На этот раз девушку зовут Марта Тэйбрам, сначала ее имя называли неверно. Тридцать девять ножевых ранений, — бесстрастно констатировал Холмс. — У Мэри Энн Николс, вчерашней жертвы, частично вырезаны внутренности.

— Надеюсь, вы займетесь этим делом? — спросил я.

— Оно едва ли в моей компетенции, да никто и не обращался...

Тут вошла миссис Хадсон и с молчаливым скептицизмом осмотрела новое убранство гостиной. Наша домовладелица пребывала не в лучшем расположении духа: Холмс со свойственной ему беспечностью воспользовался ложкой для ягод, чтобы перемешать химикалии над горелкой. Конфликт, вызванный безответственностью Холмса, еще не был улажен.

— Пришел инспектор Лестрейд и с ним еще один джентльмен. Вам что-нибудь нужно в моем буфете, мистер Холмс, или вы располагаете всем необходимым?

— Ба! — воскликнул детектив. — Лестрейд иногда появляется в самое подходящее время. Нет, миссис Хадсон. У меня достаточно столовых приборов. Если же мне потребуется вилка для солений, я вам позвоню. Пригласите ко мне инспектора, если это вас не затруднит.

С деланой надменностью миссис Хадсон удалилась. В гостиную вошли инспектор Лестрейд и его спутник. Холмсу нередко выпадала возможность поиздеваться над интеллектом нашего друга Лестрейда, худощавого франта с продолговатым лицом. Однако усердие Лестрейда вызывало уважение даже в тех случаях, когда свойственная ему ограниченность мышления действовала на нервы Холмсу. Никогда раньше я не видел инспектора таким возбужденным и растрепанным. Его компаньон, одетый в темный костюм из твида, держался скромно. Он был бледен, имел внушительные усы и аккуратно подстриженную бородку. Незнакомец смущенно переводил взгляд с меня на Холмса.

Шерлок окинул вошедших взглядом:

— Как поживаете, Лестрейд? С радостью предложим вам кофе или что-нибудь покрепче, если захотите. Счастлив познакомиться с доктором...

— Ллуэллином. К вашим услугам, сэ, — ответил гость, явно чем-то обеспокоенный.

— Рад нашему знакомству. Извините, но, хотя мы и не коллеги, вижу, что вы недавно слегка повредили правую руку. перевязка сделана так, что позволяет мне предположить: она наложена исключительно при посредстве вашей левой руки, а ткань эта не используется в медицинском обиходе. Меня приводят в изумление хирурги, которые настолько обленились, что джентльмены вынуждены сами себя перевязывать.

— Поразительно, сэ: вы не ошиблись ни в едином пункте!

Холмс коротко кивнул.

— А это мой друг и коллега доктор Уотсон.

— Счастлив познакомиться с вами, как и с любым человеком, готовым окунуться в бездну этой ужасной истории.

Шерлок Холмс жестом предложил Лестрейду и его встревоженному спутнику сесть. Спинки стульев все еще были завешены свежими газетами. Мой друг опустил в свое любимое кресло.

— Вы пришли в связи с убийством на Бакс-роу? Вас внезапно разбудили утром, доктор Ллуэллин?

— У меня врачебный кабинет на Уайтчепел-роуд, сто пятьдесят два, в нескольких минутах ходьбы от места преступления. Я получил вызов около четырех часов утра и недавно закончил патологоанатомическое исследование.

— Минуточку, с вашего разрешения. Лестрейд, я, как всегда, рад вас видеть, но почему вы ждали целый день, прежде чем обратиться ко мне?

— Мне поручили это дело всего два часа назад, — возразил инспектор. — Начал его инспектор Спратлинг, продолжил Нельсон. Я же, не мешкая, привел к вам доктора Ллуэллина.

— Приношу свои искренние извинения, инспектор, — улынулся Холмс. — Ваша оперативность на этот раз беспрецедентна.

— Скорее это можно сказать о состоянии трупа. Если бы вам довелось наблюдать то, что я видел в морге, а доктор Ллуэллин — вчера... — Лестрейд покачал головой. — Как бы ни были нетрадиционны ваши методы, нам необходимо завершить расследование в кратчайшие сроки. Есть нечто очень странное в этом деле, мистер Холмс. Извините, если я в чем-то не прав, но, похоже, настало время вступить в игру вам.

Детектив откинулся на спинку кресла, полузакрыв глаза:

— Хорошо. Доктор Ллуэллин, я хочу услышать эту историю в вашем изложении.

— Ну что ж, мистер Холмс, — нерешительно начал доктор. —

Окончив Лондонский университет, я, как уже говорил, получил медицинскую практику на Уайтчепел-роуд. Это оживленная улица, и мои пациенты — вполне респектабельные люди. Болезни, с которыми ко мне обращаются, почти одни и те же изо дня в день: грипп, ревматизм, малярия — исключительно мирные заболевания. Тем не менее я живу в Ист-Энде, и иногда случается работа весьма беспокойного свойства. Однажды мой постоянный пациент ворвался в приемную с ужасной ножевой раной: он случайно забрел в какой-то темный закоулок, где хулиганы решили проверить содержимое его карманов. Полагаю, непосредственная близость трущоб была бы для меня еще более очевидной, если бы мне доводилось порой лечить бедняков, живущих по соседству, но, боюсь, у них нет для этого средств. Если заболеют, обращаются к уличным знахарям, которые пользуют их за гроши джином или настойкой опия. Получив ранение, безмолвно страдают, не рискуя обращаться в полицию. Ужасное убийство в Джордж-Ярд-билдингз^[5] три недели назад оставило глубокий след в моей памяти. Мы все потрясены этим зверством. Не в состоянии выразить словами тот ужас, что я испытал вчера на месте преступления.

Холмс предостерегающе поднял руку:

— Пожалуйста, только то, что вы видели.

— Бакс-роу — грязная, темная боковая улочка, таких в Уайтчепеле множество, стоит только свернуть с главной дороги. Тело было обнаружено у входа в конюшню под развалившимися воротами. Кроме трупа, я не заметил ничего необычного, но инспектор, возможно, расскажет больше.

— Увы, — вздохнул Лестрейд. — Ничего не могу добавить к вашим словам.

— А описание трупа? — подсказал сыщик.

— Около тридцати лет, — вновь заговорил доктор Ллуэллин, промокнув лоб носовым платком. — Каштановые волосы, несколько передних зубов отсутствуют, скорее всего, давно. Тело еще теплое, только конечности успели остыть. Горло самым зверским образом дважды перерезано, убитая почти обезглавлена. Если не считать шеи, верхняя часть тела не повреждена, но нижняя... Ее фактически выпотрошили, мистер Холмс. Юбки задраны до самого пояса, в нижней части живота ужасные глубокие разрезы, так что видны внутренние органы.

Я ошеломленно глядел на доктора, но для Холмса эмоции вторичны, главное — профессиональная сосредоточенность.

— Грудной отдел не пострадал, говорите? Но одежда, конечно, испачкана кровью?

— На ней было коричневое платье, и уверяю вас, на нем ни пятнышка.

— Значит, жертва лежала ничком, когда была нанесена рана в шею. А где она сейчас, Лестрейд?

— В морге. Ее имя — Мэри Энн «Полли» Николс, сообщила подруга Мэри Энн Монк из ламбетского работного дома. Клеймо этого дома, обитательниц которого мы расспрашивали об убитой, было на ее нижней юбке. Потрепанная одежда, черный капор, в кармане расческа, носовой платок и кусок зеркала. Очевидно, это все ее имущество.

— По вашим предположениям, доктор Ллуэллин, когда наступила ее смерть?

— Я оказался на месте преступления в три пятьдесят утра. Она была мертва не более десяти минут.

— А кто ее обнаружил?

— Некий Чарльз Кросс, возчик, направлявшийся к месту работы, — сообщил, заглянув в свои записи, Лестрейд. — Думаю, он просто шел мимо. Бедняга был в ужасе. Вскоре подъехал констебль Нил и послал за доктором Ллуэллином, надеясь, что ее можно спасти. Увы, было уже слишком поздно.

Мы сидели молча, прислушиваясь к шуму ветра. Я поинтересовался, осведомлены ли близкие Полли Николс о ее смерти и была ли вообще у нее семья.

— Лестрейд, — спросил Холмс, — удалось ли полиции прояснить обстоятельства убийства Марты Тэйбрам в начале этого месяца?

Инспектор смущенно покачал головой.

— Проводится повторное расследование. Сам я этим не занимаюсь, но мы все склоняемся к версии, что она шла на свидание с мужчиной. И вот такой страшный конец... Господи, мистер Холмс, уж не думаете ли вы, что эти события как-то связаны?

— Нет, конечно. Лишь допускаю как профессионал: тот факт, что два таких кошмарных преступления совершены в местах, расположенных в десяти минутах ходьбы друг от друга, следует взять на заметку.

Доктор Ллуэллин встал и потянулся за шляпой.

— Очень жаль, джентльмены, но больше сообщить мне нечего. Пора возвращаться к своим делам, а не то мои пациенты станут ломать голову, куда я подевался.

— Будьте так любезны, оставьте вашу визитную карточку, — попросил Шерлок Холмс, рассеянно тряся ему руку.

— Разумеется. Удачи вам. Сообщите, если в дальнейшем понадобится моя помощь.

После ухода доктора Лестрейд с недовольным видом повернулся к сыщику:

— Мне не нравится, что вы без конца твердите о Марте Тэйбрам. Вряд ли один и тот же человек имел дело с обеими женщинами. Гораздо вероятнее, что Полли Николс убили бандиты, ревнивый любовник или ее клиент в пьяном неистовстве.

— Возможно, вы и правы. Однако прошу вас сообщить подробности обоих преступлений.

Лестрейд пожал плечами:

— Пожалуйста, если Тэйбрам вас так интересуется. Меня не затруднит сделать подборку газетных публикаций. Вы получите ее сегодня же.

— Я бы хотел немедленно увидеть все своими глазами.

— Вам достаточно упомянуть мое имя в морге или на месте преступления, мистер Холмс, и вас везде пропустят. Увидимся в Скотланд-Ярде.

Инспектор кивнул на прощание и вышел.

Мой друг прошел к камину, вытряхнул сигару из вазы и закурил в глубокой задумчивости.

— Убийство Тэйбрам — чрезвычайно любопытное дело, — заметил он.

— Вы имеете в виду убийство Николс?

— Я имею в виду именно то, что сказал.

— Раньше вы так не думали.

— Каждое утро я ожидал, что прочитаю в газете: преступление раскрыто. Нечасто удается нанести жертве тридцать девять ножевых ран, а потом раствориться в воздухе. Такой безумный поступок, несомненно, имеет сенсационные мотивы.

— Однако подобные женщины общаются с очень многими людьми, вряд ли их всех удастся выявить.

— Это очевидно, — ответил Шерлок. — Как и то, что Уайтчепел изначально дает злоумышленнику множество преимуществ. С заходом солнца вы едва ли разглядите там собственную руку. К тому же рядом — скотобойни, что позволяет человеку с пятнами крови на одежде пройти мимо, не вызвав никаких лишних вопросов. Стоит подумать, случайна ли близость времени и места этих смертей.

— Это, безусловно, тревожащее совпадение.

Холмс покачал головой и взялся за трость:

— Тревогу вызывает один изуродованный труп. Если их два — это совсем другое дело. Нам следует действовать без промедления.

Глава 2

Свидетельство

Мы тут же отправились на кэбе в морг больницы на Олд Монтегю-стрит. По мере того как мы приближались к Ист-Энду, высота зданий становилась все меньше, а их фасады — все более закопченными. На Уайтчепел-роуд меня, как всегда, поразила царящая здесь суматоха. Проповедник кричал на смеющихся над ним людей, пытаясь отвлечь их внимание от пивной на одной стороне улицы и от столь же голосистого, как он, торговца мужскими рубашками — на другой. Свет и пыль струились из-под колес телег, груженых сеном, мертвые туши только что забитого скота свисали с крюков повозок, наполненных недавно содранными шкурами. Широкая главная улица пульсировала жизненной энергией, но стоило свернуть на узкие боковые проулки с торговыми рядами, как сразу же бросалась в глаза нищета. Перекрестки кишели продающими спички мальчишками, готовыми подраться друг с другом за место; повсюду уже в этот ранний час бродили, шатаясь, или подпирали стены домов пьяные обоих полов.

Морг — унылое место по самой своей сути. Здесь часто бывают лишь те, для кого единственная работа — погребение трупов по договоренности с церковным приходом. И уж, конечно, покойницкая имеет мало общего с медицинским учреждением. Лестрейд предупредил о нашем приезде, поэтому, обнаружив это небрежно сколоченное дощатое строение, мы сразу же увидели то, что настолько потрясло доктора Ллуэлина.

На грубом деревянном прозекторском столе лежал труп женщины ростом немногим более пяти футов. На лице ее с мелкими чертами и высокими скулами были видны неизгладимые следы забот и тяжелого труда. Шея действительно перерезана почти полностью, а живот буквально разорван зверскими, беспорядочно нанесенными ранами.

Я хотел спросить, не заметил ли чего-нибудь Холмс своим наметанным глазом, но он вдруг бросился к трупу, раздраженно восклицая:

— Мы приехали слишком поздно, Уотсон! Все улики смыты безвозвратно. Самым тупым образом!

— Вы ведь знаете, это обычная практика, — кивнул я. — Некоторые даже утверждают, что иначе раны не разглядишь как следует.

Холмс недовольно фыркнул:

— Знаете, Уотсон, сколько часов я потерял, восстанавливая улики,

утраченные из-за нерадивости полиции и ее истерического пристрастия к гигиене? Если бы Скотланд-Ярд оплачивал мне это время, я мог бы отойти от дел уже сегодня. А так мне приходится довольствоваться жалкими остатками улик. Видите ли вы что-нибудь, не замеченное доктором Ллуэллином, не слишком-то сведущим в криминалистике?

— Пока нет.

Его глаза сердито вспыхнули.

— Приступайте же к делу, мой дорогой друг. Экспертиза — превосходная вещь, пусть она порой и бывает неприятна.

Я осмотрел убитую. Конец ее был весьма печален. Женщине еще повезло, если убийца счел нужным первым делом перерезать ей горло, а уже потом выплеснул ярость на бездыханное тело.

— Ее шея отсечена едва ли не до позвоночника, две артерии разорваны, нанесено семь бессмысленных разрезов брюшной полости. По-видимому, она не стала жертвой надругательства иного рода: я не вижу признаков недавнего полового контакта, разрезы имеют ровные края. Какие выводы следуют из этого, Холмс?

Детектив в раздумье склонился над трупом несчастной.

— Обратите внимание на цвет кожи около челюсти: убийца лишил женщину сознания и перерезал горло, когда она лежала на земле. На ее руках нет синяков — она не пыталась отразить нападение. Это объясняет также отсутствие крови на верхней части туловища, о чем упоминал доктор Ллуэллин. Чистота резаных ран, столь проникательно отмеченная вами, свидетельствует о том, что она была мертва, находилась под воздействием наркотиков или по какой-то иной причине была неспособна сопротивляться, когда эти раны были нанесены. В противном случае они были бы зазубренными или рваными. Я полагаю, все разрезы были произведены одним и тем же орудием, а именно шести— или восьмидюймовым ножом, возможно, с обоюдоострым лезвием. Он убил, а после расчленил ее в темноте и лишь потом убежал. Собственной безопасностью он явно пренебрегал, если брать в расчет дополнительное время, которое ему потребовалось.

— Но зачем? Что произошло между Полли Николс и убийцей? Почему он обезумел от ярости?

— Действительно почему? Давайте посетим Бакс-роу. Если нам сказочно повезет, мы, возможно, найдем что-нибудь не растоптанное и не выброшенное в мусор полицией.

Когда мы прибыли на место преступления, суетливая какофония Уайтчепел-роуд сменилась бешеным грохотом Северной железной дороги.

Убогие двухэтажные домики, наскоро построенные и неухоженные, тянулись по одну сторону Бакс-роу, а по другую стояли, как часовые, склады с аскетически невыразительными фасадами.

Холмс соскочил с двухколесного экипажа и подошел к кучке репортеров и полицейских, а я заплатил кучеру, уговорив его дожидаться нашего возвращения.

— Конечно, мистер Холмс, — ответил юный констебль, слегка касаясь своей закругленной шляпы. Вопросы я не слышал. — Нам было приказано выскрести всю территорию, и мы не нашли ничего необычного. Но если нужно, мы дадим вам десять минут.

Каждое сухожилие худощавой фигуры Холмса было наполнено нервной энергией, как всегда случалось с ним на месте преступления. Пыл детектива при расследовании резко контрастировал с той апатией, что охватывала Холмса при отсутствии достойного его дела. Ни один участок двора и близлежащих дорог не избег его строгого испытующего взгляда. Минут через двадцать он нетерпеливо постучал палкой по ограде конюшни и подошел ко мне.

— Узнали что-то новое?

Холмс сжал тонкие губы и покачал головой:

— Судя по крови на земле, убитую не переносили сюда извне, что немаловажно. Ссора завершилась здесь. Могу также сообщить, что аптекарь по соседству недавно стал жертвой ограбления, пара бездельников что-то не поделили и устроили драку на этом клочке земли. Констебль, что стоит слева от вас, — холостяк и имеет терьера. Таким образом, мой друг Уотсон, мы заканчиваем ровно на том же месте, с которого начали.

Он махнул полицейским, чтобы те продолжали заниматься своим делом.

— Полагаю, перечисленные вами факты никак не связаны с интересующим нас преступлением. Тем не менее как вы все это узнали?

— Что? — Его серые глаза внимательно изучали верхние этажи окружающих зданий. — Ах да... Старая дверь с новым замком у разбитого окна, валет пик, разорванный пополам, рядом с явными следами борьбы, отпечатки мужских башмаков с квадратными носками, устрашающий вид штанин констебля Андерсона. Но все это не имеет ни малейшего отношения к расследованию. Тем не менее для нас есть занятие. Вот это окно идеально подходит.

Я с любопытством взглянул вверх. Позади нас располагались склад шерсти Брауна и Игла, а также шляпная фабрика Шнайдера. И то и другое выстроено с той беззаветной преданностью индустрии, что оскорбляет

само понятие «архитектура». Окно, на которое показывал Шерлок, принадлежало квартире, находящейся прямо над нами. Мой друг, не тратя время попусту, подошел к дому и постучал в дверь.

Поначалу я решил, что его таинственные намерения так и останутся для меня загадкой, потому что никто не ответил на стук. Детектив иронично улыбнулся:

— Медленные шаги, по-видимому, женские. Да, и легкая хромота на одну ногу. Конечно, не могу сразу сказать, на какую. Уж извините. А вот и сама дама.

Дверь распахнулась, и наружу высунулось женское лицо в нимбе седых волос. Больше всего оно напоминало морду крота, вылезшего из норы. Стекла очков такие грязные, что было трудно понять, зачем они вообще нужны. Женщина, крепко сжимая трость, разглядывала нас с таким видом, словно мы были двумя паршивыми уличными собачонками.

— Что вам надо? Я не сдаю комнат, а если вы хотите видеть моего мужа или сыновей, они сейчас на работе.

— Вот не повезло! — воскликнул сыщик. — А мне сказали, ваш сын знает человека, у которого можно позаимствовать тележку.

— Да, сэр. — Ее глаза еще больше сузились. — Но мой младшенький вернется не раньше семи часов вечера.

— Вот те на! Не везет нам сегодня, Майлз, — сказал Холмс, скорчив недовольную гримасу. — Я уже был готов согласиться почти на любую цену, чтобы развезти наш товар, но теперь придется искать в другом месте.

— Постойте. Тележка нужна вам сегодня вечером?

Детектив склонился к женщине так близко, что его орлиный профиль почти заслонил ее лицо:

— Да, конечно... Надо перевезти материалы. Боюсь, это мужское занятие, миссис...

— Миссис Грин.

— Ну да, вы ведь его мать. Значит, мистера Грина не будет какое-то время? Очень жаль. Вам ведь не приходилось заниматься подобными делами?

Она поджала губы, так что морщины на лице стали еще заметнее, и, по-видимому, что-то решив для себя, впустила нас в дом. Оказавшись в маленькой, тускло освещенной гостиной со скудной мебелировкой, мы опустились на предложенные хозяйкой стулья.

— Должен признаться, — начал Холмс, — приходится быть настороже после вчерашнего.

Глаза миссис Грин загорелись.

— Вы имеете в виду убийство? Простите, как вас зовут?

— Уортингтон, а это мой помощник Майлз.

Она кивнула с глубокомысленным видом:

— Скверная история.

— И какая ужасная! Вы наверняка что-то слышали, ведь живете по соседству.

— Нет, сэр. Но, надо сказать, сон у меня очень чуткий. Однажды проснулась оттого, что кошка прыгнула на балюстраду.

— Боже правый! Но вы ведь, наверное, спите внизу. Как вы могли это услышать?

Она гордо покачала головой:

— Нет, мы с дочерью спим на втором этаже. Меня очень легко разбудить ночью.

— Тогда вы наверняка должны были проснуться! Ваши окна выходят на место преступления.

— Ну, тогда я бы точно что-нибудь услышала или увидела. Однако безмятежно проспала до самого утра... Жуть-то какая! Но когда вам понадобится тележка?

— Честно говоря, миссис Грин, мне не хотелось бы обсуждать свои дела с кем-нибудь, помимо вашего сына. Мои искренние комплименты: у вас очень воспитанный сын, я ему всецело доверяю. Мы еще зайдем позже.

Холмс сердечно попрощался с женщиной. Сильно хромая на правую ногу, она проводила нас до дверей.

— Вы чрезвычайно умело добились, чтобы нас впустили, — заметил я, когда мы направлялись к кэбу.

Мой друг улыбнулся с отсутствующим видом.

— В этой среде само собой разумеется, что, если в семье есть хоть один мужчина, он обязательно знает человека, у которого можно занять тележку. Вам вряд ли грозит неудача, если местоимения, используемые вами в разговоре, достаточно неопределенны.

— Жаль, что она ничего толком не рассказала.

— Напротив, — мягко возразил мой друг. — Я многое узнал от нее.

— Что вы имеете в виду?

— Хотя злодей действовал хладнокровно, я надеялся, что это чудовищное преступление по страсти. Окна комнаты миссис Грин выходят на место, где было совершено нападение, и я знаю наверняка, что тело Николс никуда не перемещали. Если у миссис Грин чуткий сон и она ничего не слышала, а тело Николс не трогали — значит, ссоры не было. А если это так, то выходит...

— ...что убийство было преднамеренным, — подхватил я. — А если преступление было обдумано заранее...

— Тогда дело хуже, чем я предполагал, — мрачно заключил Холмс. — Извозчик, Уайтхолл, пожалуйста. Скотланд-Ярд.

Мы вошли в штаб-квартиру лондонской полиции через заднюю часть здания и поднялись по знакомой лестнице в кабинет инспектора Лестрейда. Порядок в комнате без окон, где обитал наш коллега, и в лучшие времена трудно было назвать идеальным, а в тот день весь пол был буквально завален клочками бумаги, картами и памятливыми записками. Лестрейд с самодовольной ухмылкой поднял на нас глаза.

Инспектор, кажется, вновь обрел уверенность в себе, подобающую служащему Скотланд-Ярда, и характерные для него назойливость и суетливость, столь раздражавшие Холмса. В течение нескольких лет я имел возможность наблюдать, как эта парочка сотрудничает — порой в делах исключительной важности, а иногда и вовсе незначительных. Несмотря на их общую любовь к справедливости и уважение к талантам друг друга — упорству и целеустремленности Лестрейда, природным способностям Шерлока Холмса, — их встречи редко обходились без взаимных колкостей, намеренных или случайных. Мне давно стало понятно, что каждый будет гнуть свою линию и сердиться на коллегу — тут уж ничего не поделаешь, даже если Холмс будет оказывать знаки уважения Лестрейду, оставаясь при этом для инспектора главной защитой перед лицом непостижимого.

— Ну что ж, мистер Холмс, версия о маньяке-убийце представляется мне несколько надуманной, как вы полагаете? Я собрал для вас свидетельства об убийстве Тэйбрам. Вы не находите, что вряд ли она и Николс пали жертвами одного и того же человека?

— Я никогда не утверждал, что в обоих случаях действовал один и тот же преступник. Однако оба убийства схожи своей исключительной жестокостью.

Лестрейд нервно перебирал бумаги.

— Хорошо, мистер Холмс, продолжайте читать лекции в своем духе. Я же ограничусь фактами. Убитая, некая Марта Тэйбрам, была обнаружена в Джордж-Ярд-билдингз седьмого августа с тридцатью девятью ножевыми ранами. На опознание тела ушла целая неделя, но в конце концов ее бывший муж Генри Сэмюэл Тэйбрам подтвердил, что это именно она. У них двое сыновей, но Марта ушла от мужа, поскольку больше интересовалась джином, чем детьми. Обнаружив, каким способом она пополняет свой бюджет, муж перестал давать ей деньги на содержание.

Трудно судить его за это. — Инспектор прокашлялся. — В последний раз ее видели в компании пьяного сержанта, и, кто бы он ни был, его следы теряются. Тэйбрам зашла в проулок вместе с этим парнем, больше мы не знаем о нем ничего.

— Кому мы обязаны этой информацией?

— Констеблю Беннетту, чей район патрулирования включает Джордж-Ярд-билдингз и район, где промышляет некая мисс Жемчужинка Полл. Допустим, мисс Полл и миссис Тэйбрам случайно встретили около полуночи двух солдат-гвардейцев в пабе «Два пивовара». Выйдя из кабачка, пары расстались, скрывшись в темноте. Уверен, вы и сами легко выстроите такую цепочку событий.

— Да, это нетрудно, благодарю вас. Что еще сказал констебль Беннетт?

— В два часа ночи он повстречал севернее Джордж-Ярд-билдингз юного гвардейца-гренадера. Тот сообщил ему, что дожидается приятеля, ушедшего с девушкой. Через три часа некий Джон Ривз подбежал к Беннетту с известием, что он обнаружил убитую женщину. По словам Беннетта, труп был чудовищно растерзан, а предполагаемое время убийства — два часа ночи. Теперь вы видите: эти два преступления не могут быть связаны.

— Лестрейд, ваш вывод мне непонятен, поэтому вам придется изложить свою версию поэтапно, — пробормотал сыщик.

Инспектор недовольно хмыкнул:

— Очень жаль, что вы не уловили ход моих мыслей. Марта Тэйбрам нырнула в темноту Джордж-Ярд вместе с сержантом, намереваясь заняться своим ремеслом. Юный гренадер ждал, когда его товарищ вернется. Однако не дождался, поскольку тот, закончив свои дела с Тэйбрам, вступил с ней в драку и убил, оставив труп на лестничной площадке Джордж-Ярд-билдингз.

— Ну теперь все проясняется, — рассмеялся Холмс. — Но я хотел бы задать несколько вопросов. Прежде всего: есть ли у вас версия относительно причины их ссоры?

— Конечно, мистер Холмс. Этот молодой солдат, находившийся в увольнении, возможно, оказался мошенником. У покойной не нашли кошелек, поэтому ясно, что причиной ссоры была оплата ее услуг.

— Вот как! У солдата не было денег?

— Они с приятелем уже обошли несколько пабов, и те скудные средства, что он имел, по-видимому, иссякли. Марта Тэйбрам потребовала вознаграждения за свои труды, а гвардейцу нечем было платить, и тогда она проявила настойчивость.

— Как я понимаю, ее ударили около сорока раз обычным складным ножом.

— Да. Но рана, ставшая причиной смерти, была нанесена лезвием типа штыка, что вновь наводит на мысль о солдате, — торжествующе заявил Лестрейд. — И, наконец, ее смерть произошла около двух часов ночи. Это означает, что у Тэйбрам не было времени подцепить еще одного мужчину до того, как ее убили.

Шерлок задумчиво приложил указательный палец к губам.

— Я поздравляю вас, Лестрейд: ваша гипотеза не противоречит известным нам фактам. К несчастью, она никоим образом не учитывает все обстоятельства. Хуже того, мой дорогой инспектор, в ней есть крайне слабые звенья.

— Позвольте спросить: и что же в ней не так? — спросил инспектор.

— Я с удовольствием поясню. Прежде всего, мне кажется крайне подозрительным, что Тэйбрам обнаружили в том же проулке, куда она зашла с солдатом. Вероятно, что-то отвлекло ее и она не успела приступить к работе, а вскоре наступила смерть.

Лестрейд, похоже, собирался что-то сказать, но мой друг опередил его:

— Я еще не закончил. Тот факт, что смертельная рана была нанесена Тэйбрам не тем ножом, которым ее изувечили, и мне представляется чрезвычайно интересным. По всей видимости, штык не дает той свободы движений, которая необходима для такого полета садистской фантазии, но в этом пункте я пока не сделал окончательных выводов. А теперь перейдем к недостатку вашей теории. Убийства, совершаемые из-за денег, — крайне прозаические преступления с весьма банальным исполнением и прозрачной мотивировкой. По вашей версии этот гвардеец убил Марту Тэйбрам, чтобы она замолчала и прекратила требовать у него денег, вместо того чтобы просто дать деру. Он зачем-то отложил штык в сторону, вытащил нож из кармана и принялся колоть ее в грудь, пах и живот, а напоследок ударил штыком, не будучи уверен, что довел дело до конца.

— В таком случае дайте мне иное объяснение известных нам фактов! — вскричал Лестрейд. — Ведь мы ничего не знаем об этом солдате. Единственное, что нам известно, — это, вероятно, крайне извращенная личность.

— Ага! Тут вы правы. По-видимому, это действительно так. Есть у вас какие-нибудь сведения о других свидетелях: так называемой Жемчужинке Полл и втором гвардейце?

Инспектор с угрюмым видом порывлся в картотеке:

— Что касается Жемчужинки Полл, то у нее нет постоянного адреса. К

тому же она дважды участвовала в опознании подозреваемого. В итоге оказалось, что мы напрасно тратили с ней время. А солдат... Он просто растворился в воздухе.

— Еще один вопрос, если позволите.

— Да, пожалуйста.

Лестрейд выглядел так, словно его чувствительная душа подвергается суровому испытанию.

— Констебль случайно не запомнил цвет нашивки на головном уборе солдата?

— Белый, — раздраженно ответил Лестрейд. — А это означает, что он из Колдстримского гвардейского полка. У вас не будет трудностей с идентификацией солдата: его поисками будут заниматься военные. Телеграфируйте мне, доктор, когда преступник будет найден. Всего хорошего, мистер Холмс.

Дверь за нашей спиной с шумом закрылась. Холмс направился по коридору к главному выходу из здания Скотланд-Ярда. Мало кто из полицейских располагал временем, чтобы остановиться и обсудить потрясшие всех события, но все же изредка мы слышали приглушенные голоса тех, кто пытался понять смысл происшедшего. Я не знал, о чем думает мой друг, но версия Лестрейда показалась мне неубедительной.

— Убийство Марты Тэйбрам — на редкость зверское деяние. Уверен, оно не могло произойти из-за нескольких пенсов.

— Согласен, — ответил Холмс, когда мы вышли на улицу со зданиями из прочного красного кирпича и деревьями с густой листвой. — У меня нет ни малейших сомнений, что злоумышленник действовал в порыве сильнейшей страсти.

На открытых пространствах Скотланд-Ярда дул сильный ветер, и, хотя он бодрил, я обрадовался, когда Холмс окликнул кэбмена, и мы неторопливо тронулись в сторону Бейкер-стрит.

— Я еще не все понимаю, Уотсон, — задумчиво сказал мой друг, — но рад, что участвую в расследовании этого дела. Оно гораздо более странное, чем кажется на первый взгляд. Лестрейд изо всех сил старается убедить нас, что эти два убийства никак не связаны между собой. Но посудите сами: в деле Николс убийце непременно надо было зачем-то разрезать труп женщины на части, а в деле Тэйбрам злодей настолько был увлечен процессом, что отложил в сторону штык — орудие убийства — и хладнокровно наносил удары карманным ножом.

— Что же нам теперь делать?

— Мне необходимо обдумать все имеющиеся версии. В конце концов,

мы даже ничего толком не знаем об этих женщинах. Возможно, разговор с их друзьями и возлюбленными окажется весьма полезным.

— По крайней мере, выяснится немало нового.

Холмс кивнул:

— Дело весьма необычное. Нам пока не удалось наметить пути дальнейшего расследования. Как видно, мне предстоит их обнаружить.

Глава 3

Мисс Мэри Энн Монк

На следующее утро, закончив умываться, я услышал доносящиеся снизу голоса. Когда я вошел в гостиную, Холмс стоял, прислонившись к буфету, держа руки в карманах. Он разговаривал с человеком, чей облик не свидетельствовал ни о привычке к гигиене, ни о добром расположении духа.

— А, Уотсон, — сказал мой друг. — Я уже собирался пригласить вас: к нам зашел весьма примечательный посетитель. Хотел бы представить вам мистера Уильяма Николса с Олд Кент-роуд. Он мастер по ремонту типографских машин, если вы сами уже не догадались об этом по кончикам его пальцев.

Наш гость был уже немолодым человеком среднего роста, с хитрыми голубыми глазами и кустистыми седыми бакенбардами. Его сильные, испачканные типографской краской руки заметно дрожали: как видно, недавние события выбили его из колеи.

— Присядьте, мистер Николс, и примите от нас соболезнования в связи со смертью вашей жены. И хотя час еще ранний, не сомневаюсь, что доктор Уотсон будет рад назначить вам что-нибудь укрепляющее. На вашу долю выпало ужасное испытание.

Я налил мистеру Николсу бренди и усадил его на канапе. Он медленно выпил и повернулся к сыщику.

— Долгие годы не брал в рот ни капли, — признался он. — Мне слишком хорошо известно, какая это пагуба. Полли Уокер была в молодости замечательной девушкой, и никто не знал это лучше, чем я. А что касается пьянства и прочих пороков... Полли Николс сильно испортилась, джентльмены, — на этот счет у вас не должно быть иллюзий.

Шерлок бросил на меня взгляд, и я достал записную книжку.

— Мистер Николс, я хотел бы услышать все, что вы сочтете нужным рассказать о вашей покойной жене. Если, конечно, это не будет для вас мучительно больно.

Он пожал плечами.

— Я не смогу сообщить ничего полезного для вас: уже больше трех лет как я перестал знаться с этой женщиной.

— Вот как? Вы окончательно разошлись?

Мистер Николс сжал губы, подбирая слова.

— Я не ангел, мистер Холмс, и расплачиваюсь за собственные ошибки. У меня появилась другая женщина, и Полли так из-за этого разозлилась, что собрала вещички и сбежала. Я все это говорю только потому, что вы и так многое уже знаете. Но, можно сказать, я счастливо отделался: Полли частенько прикладывалась к бутылке. Из-за этого страдали я и дети. Их у нас пятеро, и иногда это становилось для нее тяжким бременем. Она не создана быть матерью. После того как она ушла, я давал ей деньги целый год, а когда узнал, кем она стала, прекратил выплачивать содержание.

— Понимаю. А как же дети?

— О, я забочусь о малышах, мистер Холмс. После того как эта женщина занялась своим мерзким промыслом, я не позволял ей даже касаться их своими грязными руками.

— Значит, вы, будучи человеком безукоризненной моральной чистоты, прекратили с ней всякие контакты?

Я опасался, что подобная издевка оскорбит Николса, но он ответил угрюмо:

— Она-то пыталась связаться со мной, мистер Холмс. Еще как! Морочила голову властям, добиваясь, чтобы я выплачивал ей деньги. Но им-то было ясно: не заслуживает она этого. Лишний груз на мою шею. Жила то с одним мужчиной, то с другим, скиталась по работным домам — ни в одном не задерживалась надолго. Грустно признаться вам, мистер Холмс, но ее смерть не стала для меня таким уж сильным потрясением.

Мой друг холодно вздернул одну бровь, извлекая каминными щипцами уголек и прикуривая от него.

— Мне казалось, что обстоятельства смерти миссис Николс не оставили равнодушными ее родню.

Мистер Николс слегка побледнел.

— Конечно. Я видел ее. Никому не пожелаешь такого конца.

— Рад слышать это.

— Для меня ее смерть — тяжелый удар. Придется сильно потратиться на похороны. Ее отец болен, а у самой не было ни пенни на счету.

— Да, понимаю, для вас настало нелегкое время. Были у нее враги? Нет ли у вас каких-нибудь сведений, которые могли бы помочь нам в расследовании?

— Насколько мне известно, единственным врагом Полли был джин, — не задумываясь, ответил Николс.

— Однако, полагаю, вы согласитесь со мной, что не джин стал непосредственной причиной ее смерти, — резко заметил детектив. — А теперь, мистер Николс, мне необходимо сосредоточиться: покурить и

обдумать сказанное вами. Прошу извинить меня. Желаю вам хорошего дня.

Когда я закрыл дверь за мистером Николсом, мой друг воскликнул:

— Достойный супруг! Во всяком случае, из числа подозреваемых его надо исключить. Преступление, совершенное из ревности, требует более заинтересованного отношения к жертве.

— Похоже, его больше волнуют расходы на похороны, чем сама смерть жены.

Холмс задумчиво покачал головой.

— Мне нетрудно понять, отчего Полли ушла от мужа. Впрочем, они друг друга стоили, если то, что он рассказал о ней, — правда.

Мой друг положил зажженную трубку на каминную полку и направился в спальню.

— Какая на сегодня повестка дня? — крикнул я, угощаясь яичницей с помидорами, оставленной миссис Хадсон на подносе для завтрака.

Появился Холмс, на ходу натягивая сюртук и поправляя воротничок перед стоящим на камине зеркалом.

— Мне нужно ехать в Ламбет на поиски тех, кто знал Николс при жизни. Ее труп опознала мисс Мэри Энн Монк, к ней нам и следует обратиться в первую очередь. У вас назначены сегодня какие-то встречи?

— Я отменил их.

— Тогда заканчивайте с яичницей, а я тем временем вызову кэб. Нас ждет неизведанная страна — ламбетский работный дом.

...Когда мы с грохотом подъехали к воротам работного дома в Ламбете, у меня создалось полное впечатление, что это тюрьма, а не благотворительное заведение, ставящее своей целью облегчить бедственное положение неимущих лондонцев. Казенное строение производило гнетущее впечатление: серый фасад, ни клочка земли поблизости — все подчинено строгому порядку. Нас впустила внутрь угловатая женщина, представившаяся как мисс Шеклтон. Она подтвердила, что работный дом действительно предоставил свой кров мисс Монк. Эта юная особа слишком важничает, питает приверженность к крепким напиткам, достаточно разумна, когда захочет, но плохо кончит, если не будет следить за собой. Сейчас она щиплет паклю в общем зале дальше по коридору.

Пройдя мимо спальных помещений с рядами прикрепленных к столбам коек, мы очутились в большой комнате, заполненной одетыми в дешевую униформу женщинами всех возрастов. Они разделяли старые канаты на отдельные пеньковые волокна для повторного использования.

Холмс навел справки, и вскоре к нам подвели Мэри Энн Монк. Надзирательница велела пройти с ней в гостиную и там задать интересующие нас вопросы.

— Итак, джентльмены. Что вы хотите узнать? — спросила мисс Монк, когда мы оказались в тесной, но прилично обставленной комнате. — Если дело касается Полли, то я не смогу сообщить вам ничего нового.

Мисс Монк совсем не производила впечатления повергнутого в прах создания, чего следовало ожидать в этой отвратительной обстановке. Это была стройная невысокая молодая женщина не старше двадцати пяти. Она казалась еще тоньше в выданной ей одежде, не совсем подходящей по размеру. Темные волосы ниспадали на плечи густыми волнами, руки ободраны о грубую пеньку. Кожа покрыта веснушками — результат короткого лондонского лета. Она была в хорошем настроении, но в живых зеленых глазах и развороте плеч сквозил открытый вызов. Я даже подумал: убийце ее подруги повезло, что он не выбрал мисс Монк своей жертвой.

Детектив сочувственно улыбнулся:

— Присядьте, мисс Монк. Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой друг и партнер доктор Уотсон. Не хотелось бы показаться назойливыми, но мы будем крайне вам признательны, если вы расскажете в подробностях о своих отношениях с миссис Николс.

Он подал ей руку и помог усесться.

Мисс Монк рассмеялась в ответ на эту любезность.

— Хорошо, если вы не против сидеть рядом с такой девушкой, как я. Вы не копы, по обуви видно... Ладно, парни. Что вам нужно и какое, черт возьми, я имею к этому отношение? Мы дружили с Полли больше года, но это совсем не значит, что я имею хоть малейшее понятие, кто убил ее.

Легкомысленные манеры Мэри Энн не скрыли от меня ее явный интерес к делу подруги. Когда она закончила говорить, ее взгляд устремился на потертый персидский ковер под ногами.

— Когда вы в последний раз видели миссис Николс?

— На той неделе я провела четыре дня вне рабочего дома и видела ее на Сковороде.^[6] Мы немного выпили, она подцепила какого-то парня, а я пошла своей дорогой.

— Вы знаете, где она жила тогда?

— На Трол-стрит, но две женщины, с которыми она делила жилье, не сумели наскрести полпенса на три ночи подряд, и их, конечно, выставили. Полли доводилось ночевать под открытым небом и раньше, но она знала: если полицейский поймает ее спящей в парке, она снова окажется здесь, в рабочем доме, поэтому она и сняла койку в ночлежке Уайт-хаус на улице

Флауэр-энд-Дин. Они не возражают, когда девушка приводит с собой дружка.

— Что за женщина была миссис Николс? Есть ли у нее враги, о которых вы знали?

Мэри Энн вздохнула и постучала носком сильно поношенного рабочего башмака по спинке стула.

— Ни одного. Полли была не из тех, у кого есть враги. Она содержала себя в чистоте, подметала пол в своей комнате, когда жила в ночлежке. Для всех у нее находилось доброе слово. Она была хорошей женщиной, мистер Холмс, хотя вы, наверное, знаете, что временами она прикладывалась к бутылке. Не выдерживала обстановку работного дома больше недели подряд: страдала из-за отсутствия джина и хорошей еды. Наверное, вы не в курсе, что не так давно Полли работала служанкой в Уондзуорте. У нее была комната и стол. Два месяца она не пила ни капли спиртного и справлялась со своими обязанностями, но уж слишком религиозными были ее хозяева. В конце концов ей пришлось уйти.

— Миссис Николс сама рассказала вам об этом?

— И так было видно. У нее появилось новое платье, но за ночлежку платить было нечем. Вскоре все выяснилось: она снова стала ходить в обносках.

— Она заложила в ломбард платье, а когда закончились деньги, вернулась в работный дом?

— Да, — весело подтвердила мисс Монк. — Впрочем, у нее был и другой источник существования, который каждая женщина имеет в своем распоряжении.

— По-видимому, так. Значит, вам неизвестно, чтобы кто-то желал ее смерти?

Услышав этот вопрос, наша собеседница покраснела.

— Желать ее смерти? Не в этом дело, мистер Холмс. Мы все рискуем жизнью. Я мечтаю вырваться из Ламбета. Здесь не найти джентльмена, чтобы связать с ним жизнь. У нас нет ничего своего: ни клочка материи, ни зеркала, ни даже, вы уж меня простите, воды для умывания. Вскоре опять придется идти на улицу, как это сделала Полли. С теми же шансами погибнуть. В этих краях полно тупых ублюдков, которым проще убить девушку, чем поцеловать ей руку.

Холмс мягко сказал:

— Если вам в будущем придется столкнуться с подобным негодяем и вы захотите от него избавиться, можете смело на меня рассчитывать. Я задал этот вопрос лишь для того, чтобы узнать, не угрожал ли ей

конкретный человек, не боялась ли она кого-нибудь?

Слова моего друга и его искренность произвели на девушку должное впечатление. Сплетя руки на коленях и тяжело вздохнув, Мэри Энн ответила:

— Ничего такого не знаю, мистер Холмс. Жаль, но мне нечем вам помочь. Надо быть сущим дьяволом, чтобы убить такую женщину, как Полли.

Манера мисс Монк говорить была нескладной и грубоватой, но меня тронули ее слова. Пусть ее образ жизни и заслуживал осуждения, но весь облик девушки внушал уважение.

— Вот моя визитная карточка, мисс Монк, — сказал сыщик, вставая.

— Зачем она такой, как я?

— Ну-ну, вы ведь умеете читать не хуже меня. Когда вы вошли в эту комнату, то пробежали глазами весьма вдохновляющую цитату, столь искусно вышитую и повешенную на стенку. Стих три из Заповедей блаженства,^[7] если память мне не изменяет. Текст никогда не привлекает внимания неграмотного человека.

— Верно, — призналась она с улыбкой. — Но что мне делать с вашей карточкой?

— Если вспомните какую-нибудь подробность или что-то вас беспокоит, дайте знать.

Мэри Энн рассмеялась, выходя вместе с нами в коридор.

— Прислать курьера с посланием? Или самой подкатить в экипаже, запряженном четверкой лошадей?

Шерлок Холмс поднял палец к губам, вручая ей крону.

— Постарайтесь утаить это от хозяйки, — сказал он, открывая тяжелую дверь и спускаясь по ступенькам. — Если не потратите эти деньги на развлечения, при необходимости отправьте мне телеграмму. Удачного дня, мисс Монк.

На прощание он подал ей руку.

— Странный вы человек, — заметила, пожимая ладонь сыщика, мисс Монк. — Вы ведь частный детектив? Я видела ваше имя в газетах. Раз у вас нет никаких зацепок, я, по крайней мере, скажу, кого мы всегда старались избегать. Человека по прозвищу Кожаный Фартук. Вот с кем я не хотела бы встретиться в темном переулке.

Проходя мимо высокой металлической конструкции, отделяющей рабочий дом от дороги, я не удержался от замечания:

— Она производит впечатление весьма разумной молодой особы.

Я ожидал, что Холмс, который относился к женщинам исключительно

как к непредсказуемому и раздражающему фактору в криминальных уравнениях, тут же меня опровергнет. Вместо этого он сказал с довольным видом:

— Вы большой знаток женщин. Мисс Монк способна подметить и запомнить мелочи, а после сообщить их нам. Добавьте к этому хорошее знание окрестностей и наличие подруг, которые помогут, если она к ним обратится.

— Вот почему вы оставили ей свою визитную карточку?

— Природная наблюдательность мисс Монк может оказаться очень полезной. Я бы предпочел десяток таких, как она, пятидесяти сыщикам Скотланд-Ярда.

— Хорошо, что вас не слышит Лестрейд, — рассмеялся я.

— Мой дорогой друг, уверяю вас, я не хотел никого обидеть, — сказал в ответ Шерлок. — У нашего доброго инспектора есть множество замечательных качеств, как и у мисс Монк. Впрочем, не думаю, что хоть некоторые из них совпадают.

Похороны Полли Николс состоялись на Илфордском кладбище шестого сентября днем. Погода была пасмурной, под стать событию: небеса скорбели вместе с людьми, пролившись обильным дождем. Я знал, что на похоронах присутствуют отец миссис Николс, живший отдельно от нее муж и дети. Были там и те, кто знал ее лично, и посторонняя публика, привлеченная жуткими подробностями ее смерти.

Незначительное дело заставило меня посетить в тот день свой банк, и я с величайшей неохотой покинул нашу уютную гостиную. На Бейкер-стрит вернулся насквозь промокшим и застал Холмса за обеденным столом с газетой в одной руке и чашкой чая в другой.

— Мой дорогой Уотсон, ваш вид просто вопиет о том, что вам необходимо подкрепиться, — приветствовал он меня. — Позвольте налить вам чашечку. Есть новости, касающиеся Кожаного Фартука. Как и предполагала мисс Монк, подозрение пало именно на него.

— Я нашел его описание во вчерашнем номере «Стар».

— Вот оно. Хм! Около сорока лет, низкорослый, плотного телосложения, черные волосы и усы, толстая шея. Остальное мало подкреплено фактами: молчаливый, мрачный, внешне отталкивающий. Пресса с радостью употребляет броские, красочные прилагательные. Половина статьи основана на догадках.

— Вы верите написанному в ней?

— Ну что ж, даже если сделать скидку на присущую журналистской

братии истеричность, там есть элементы расследования. Вынужден даже признать, что одна из моих версий оказалась неубедительной. Полли Николс в тот вечер не пустили в ночлежку, но она была уверена, что заработает свои пенни, поскольку надела новый черный капор. Она переходила из одного паба в другой, в последний раз ее видели уже совсем пьяной в два тридцать ночи. Через час ее нашли убитой.

— А о Марте Тэйбрам что-нибудь пишут?

Холмс беспомощно развел руками:

— Жемчужинка Полл, близкая подруга этой женщины, словно сквозь землю провалилась. Солдаты тоже исчезли бесследно. Найти их будет нелегко, но я послал запросы.

— Какие у вас планы?

— Надо будет взглянуть на зловещего Кожаного Фартука, раз мисс Монк считает его опасным. Я установил его личность, хотя полиция все еще окончательно не определилась по данному пункту. Это сапожник по имени Джон Пайзер. Полагаю, не самый изощренный преступник. Его обычная тактика — заговорить с незащитной женщиной и отнять у нее жалкие пенсы под угрозой изувечить ее в случае сопротивления. Этот мерзавец был в прошлом году осужден на шесть месяцев тяжелых физических работ за то, что вонзил нож в руку коллеги-башмачника, который осмелился работать по соседству.

— Вы подозреваете его в убийстве миссис Николс?

— Мне необходимы более достоверные сведения. Собираюсь нанести ему визит сегодня днем.

— Вам потребуется моя помощь?

— Нет-нет, мой дорогой друг, спокойно допивайте чай, а, вернувшись, я попотчую вас своим рассказом. Едва ли это тот случай, когда требуются наши совместные усилия.

Вечером Холмс возвратился домой мокрый от снега. Он тихо рассмеялся, вытягивая длинные ноги перед камином. Вопросительно глядя на друга, я передал ему портсигар.

— Вы хорошо провели день?

— Знакомство оказалось занятным во многих отношениях. Преступник низшей разновидности, каких мне раньше не доводилось видеть. Я зашел к мистеру Пайзеру и выразил свое сочувствие по поводу того, что он так поспешно объявлен главным подозреваемым в деле Николс. Возможно, я напугал Пайзера, но после того, как произошло убийство, башмачник затаился в своем логове, подозревая, что вся округа настроена против него. У нас состоялся весьма увлекательный разговор о

доходах сапожника и способах их пополнения. Возможно, некоторые мои замечания обидели Пайзера, он даже попытался меня ударить, так что пришлось опрокинуть его на пол. Сапожник утверждал, что имеет алиби, но я выразил сомнение в его достоверности. Выйдя от Пайзера, я немедленно дал телеграмму Лестрейду, сообщив полное имя и адрес подозреваемого.

— Вы полагаете, что он виновен?

— Нет, мой дорогой Уотсон. Скорее всего, он здесь ни при чем. Посудите сами: Джон Пайзер — трус, его коммерческие идеи сводятся к грабежу бедных женщин. Способен ли такой человек совершить дерзкое убийство? Если Пайзер запугивает тех, кто намного его слабее, зачем ему подвергать себя опасности и соваться в страшные темные переулки, полные зловещих незнакомцев? Он лишь потерял бы тот доход, что и без того имеет.

— Зачем же тогда вы послали телеграмму Лестрейду?

— Давно не встречал столь омерзительного человека, как Пайзер. Будет совсем неплохо, если его посадят под замок на пару дней — по крайней мере, не будет шляться по улицам. Но я не жалею, что нанес ему визит: этот разговор подтвердил одно очень важное мнение, с которым я не вполне был согласен прежде.

— Какое мнение?

— Люди такого сорта, как Пайзер, повсюду привлекают внимание. Осмелюсь предположить: человек, который вытворяет подобное с трупом своей жертвы, а потом бесследно растворяется в уличной толпе, должен иметь ничем не примечательную наружность. Этот вывод подсказывает мне, что Скотланд-Ярд и наша горячо любимая пресса ищут преступника не там, где нужно. А теперь, еще раз отдав дань благодарности мисс Монк за интересно и с пользой проведенное время, посвятим остаток дня говяжьей вырезке. Холодная погода и столкновение с человеческой низостью истощают силы.

Глава 4

Ужас Хэнбери-стрит

Через два дня после встречи Холмса с Кожаным Фартуком мой сон был прерван в половине седьмого утра визгливым криком, далеким, но все же ужасно резким. Через мгновение я был уже на ногах, хотя и не успел стряхнуть с себя остатки сна. Я выскочил из комнаты с наспех зажженной восковой свечой в руке, желая выяснить, откуда доносится этот душераздирающий звук.

На нижних ступенях лестницы я услышал голос Холмса, прозвучавший для внезапно вырванного из сна человека как сирена. Распахнув дверь гостиной, обнаружил там своего друга, без пиджака, в халате, одевшегося, по-видимому, как и я, впопыхах. Детектив держал за руку маленького оборванца лет шести-семи.

— Знаю, что у тебя сильный характер, — говорил Холмс. — Ты вел себя превосходно, и я горжусь тобой... А! Кстати. Это доктор Уотсон. Ты помнишь его, Хокинс?

Тощий бродяжка встревоженно повернул голову в сторону двери, и я сразу же узнал неброские черты лица и темные ирландские кудри Шона Хокинса, одного из самых младших в отряде работающих на Холмса мальчишек.

— Хокинс, — мягко сказал детектив, — То, с чем ты пришел, чрезвычайно важно. Выкладывай все, что знаешь. Трудно о таком говорить, но все же постарайся. Садись на стул рядом со мной. Нет, не так: откинься на спинку, как это делает твой отец, боксер. Теперь рассказывай все по порядку.

— Я нашел убитую женщину.

Губы малыша Хокинса дрожали.

— Понятно. Эту задачку я в состоянии решить. Где ты ее обнаружил?

— Во дворе соседнего дома.

— Ты ведь живешь в Ист-Энде, на Хэнбери-стрит, двадцать семь? — спросил Холмс, бросив на меня озабоченный взгляд. — Значит, ты видел убитую. Ты, конечно, испуган. Представь себе, что был в разведке и вернулся с занимаемой неприятелем территории.

Мальчишка глубоко вздохнул.

— Я вышел из дома сегодня утром, чтобы проверить, не выбросило ли что-нибудь на берег. Когда нет поручений, я ищу удачи в водостоках. Для

их прочистки у меня есть острая палка. Она висит на крюке во дворе. Я полез снять палку, выглянул через забор и увидел мертвую, изрезанную на куски. Все внутренности наружу.

Хокинс разразился новым потоком слез.

— Ну-ну, не плачь. Здесь тебя никто не обидит, — сказал Холмс, глядя мальчишку по голове. — Ты проявил недюжинную храбрость и ум, проехав незамеченным на запятках двуколки до самого Вестминстера. Я в твоём распоряжении. Мне ехать на Хэнбери-стрит?

Мальчик лихорадочно закивал головой.

— Тогда мы с доктором Уотсоном отправляемся немедленно. Я попрошу миссис Хадсон приготовить тебе завтрак, а твоей маме скажу, что ты спишь у меня на диване. Миссис Хадсон будет счастлива, что у нее гостит герой Хэнбери-стрит. Отличная работа, Хокинс.

Сыщик бросил на меня многозначительный взгляд и скрылся в своей спальне. Я оделся всего на какие-то четверть минуты позже своего друга. Мы стремглав выбежали из дома и вскочили в первый же попавшийся кэб. Миссис Хадсон мы попросили обращаться с нашим маленьким гостем так, словно тот только что вернулся с кровавой колониальной войны.

Кэбмен довез нас до Хэнбери-стрит с предельной скоростью, на которую были способны лошади. Брезжил рассвет, его первые бледные лучи напоминали пальцы скелета. Мы подошли к кучке людей, состоявшей из полисменов, ошеломленных жильцов окрестных домов и бойких репортеров, скрывающих свое смятение под тонким флером задаваемых вопросов. Едва они заметили характерный профиль моего друга, их глаза загорелись, но он обратил на газетчиков не больше внимания, чем на стайку цыплят.

Гладко выбритый юный констебль охранял серую деревянную дверь, ведущую во двор.

— Извините, джентльмены, но я не имею права вас пропустить. Здесь произошло убийство.

— Мое имя Шерлок Холмс, а это мой коллега доктор Уотсон. Мы прибыли в связи с этим преступлением.

Констебль явно почувствовал облегчение:

— Вы как раз вовремя, мистер Холмс. Пройдите через эту дверь и дальше во двор. Инспектор Лестрейд распорядится, чтобы вам показали... труп, сэр.

Мы поспешно двинулись по темному проходу через здание. Детектив распахнул открывающуюся в обе стороны дверь в конце пропавшего

плесенью коридора. Мы спустились по неровным ступенькам и очутились на открытом пространстве, вымощенном большими плоскими камнями. В трещины между ними пробивалась трава. У самых наших ног оказалась голова убитой женщины, тело ее лежало параллельно небольшому забору, о котором упоминал Хокинс. Я тотчас убедился, что ужас, охвативший мальчишку, был вполне оправдан.

— Боже правый, что он натворил! — пробормотал Холмс. — Доброе утро, инспектор Лестрейд.

— Надо же, он говорит «доброе утро»! — закричал жилистый инспектор. — Что, во имя всего святого, привело вас сюда? Мерфи! Куда вы идете, черт возьми! Не надо посылать телеграмму. Похоже, мистер Холмс ясновидящий.

— Уверяю вас, в моих методах нет ничего сверхъестественного. Просто наш коллега живет здесь по соседству.

— Ну надо же! Мерфи, вы можете нас оставить. Проверьте, чтобы у Бакстера все было под контролем.

Когда констебль вышел, Лестрейд недоверчиво покачал головой:

— Мистер Холмс, не сочтите за обиду, но в ваших методах есть что-то необъяснимое. Впрочем, хвала Всевышнему, что вы здесь. Доктор Уотсон, осмотрите, пожалуйста, труп, если способны это вынести. Врач пока не приезжал, а у меня ум за разум заходит.

Чтобы подбодрить себя, я припомнил, что никогда не падал в обморок при виде мертвецов в анатомичке, и подошел к несчастной, лежавшей навзничь на потрескавшихся каменных плитах. Пытался понять, что с ней все-таки случилось. Впечатление было такое, словно она попала на скотобойню, а не в руки убийцы.

— Ее голова почти отделена от тела. На лице синяки, оно распухло. Возможно, ее душили, перед тем как перерезать горло. Только что началось трупное окоченение. Ее убили, предположительно, в половине шестого утра. Живот разрезан полностью, тонкие и толстые кишки вырваны. Как видите, он извлек внутренности из полости живота и выложил ей на плечи. Другие ее раны...

Тут я замолк, потому что меня поразила ужасная мысль. Я пригляделся к телу более внимательно, и озарение ледяным кинжалом пронзило позвоночник. С трудом поднявшись на ноги, я молча уставился в глубь двора.

— Что с вами, Уотсон? — раздался звучный тенор Холмса, доносящийся словно из глубокого ущелья.

— Нет, это просто невозможно...

— О чем вы? Что он с ней сделал?

— Ее матка, Холмс. — Мне стоило больших усилий выдавливать из себя слова по одному. — Ее вырезали. Она отсутствует.

Тишина нарушалась лишь грохотом тележек по дороге и чириканьем воробья высоко на дереве в соседнем дворе. Холмс ошеломленно провел по высокому лбу бледной рукой и подошел ближе. С минуту он внимательно разглядывал труп, затем выпрямился. Мой друг стоически сохранял внешнее спокойствие, но в его глубоко посаженных глазах я увидел отвращение. Впрочем, кроме меня, этого, кажется, никто не заметил. Вручив мне шляпу и трость, Холмс стал внимательно осматривать все вокруг.

Лестрейд издал слабый хрип, словно ему не хватало воздуха, и опустил на прогнивший деревянный ящик. Его лицо выражало изумление.

— Отсутствует? — повторил он. — Господи, этого не может быть! Он ведь выпустил ей наружу все внутренности. Наверное, вы просто не заметили, доктор Уотсон.

Я покачал головой.

— Он забрал всю матку и большую часть мочевого пузыря.

— Забрал? Куда?! Это полная бессмыслица. Ее детородный орган наверняка здесь. Может быть, под этими щепками?

— Думаю, что нет, — отозвался Шерлок Холмс с другого конца двора. — Во всяком случае, я не вижу никаких следов.

После этого ужасного открытия плечи Лестрейда опустились еще ниже.

К тому моменту, когда мой друг завершил осмотр двора, нам с инспектором показалось, что минула целая вечность с тех пор, как мы очутились в этом жутком загоне. Он был открыт небу, но наглухо отгорожен от всякого понятия о человеческой благопристойности, которую мы привыкли почитать с детства.

Наконец Холмс приблизился к нам.

— Труп неопознанной пока женщины лет пятидесяти. Она добровольно вошла во двор вместе с убийцей. Тот схватил ее сзади. Они боролись, и нападавший перерезал ей горло. Потом выглянул за забор, дабы убедиться, что поблизости никого нет. Прежде чем изуродовать труп, он опустошил карманы жертвы, вытащив кусок муслина и два гребня. Затем расчленил тело убитой очень острым ножом с узким лезвием. Он сумел уйти тем же путем, каким пришел, забрав свой... трофей.

— Это ужасно, — пробормотал инспектор. — Совершенно

бесчеловечно.

— Лестрейд, друг мой, не теряйте присутствия духа. Мы серьезно продвинулись со времен дела Николс.

— Дела Николс? Значит, вы полагаете, убийца — один и тот же?

— Глупо думать иначе, — раздраженно ответил детектив.

Инспектор застонал.

— У Скотланд-Ярда нет ни малейших зацепок по тем убийствам, не говоря уже... — Он внезапно умолк. — Боже правый, но ведь у нас есть подозреваемый! Этот ужасный сапожник в кожаном фартуке. Мистер Холмс, ведь вы сами дали мне его адрес!

— Лестрейд, крайне неблагоприятно...

— А вот и врач! Доброе утро, доктор Филипс. Боюсь, джентльмены, придется вас покинуть. У меня срочное дело.

— Задержитесь на минутку — и я избавлю вас от многих хлопот! — закричал Холмс.

— Если вам что-то понадобится, обращайтесь к инспектору Чандлеру. Он где-то поблизости. Мне нужно действовать незамедлительно. Удачного вам дня.

Лестрейд устремился по горячему следу с таким видом, словно узрел воплощенное зло.

— Пойдемте, Уотсон, — сказал детектив. — Похоже, здесь нет никаких зацепок. Попробуем разузнать что-нибудь у окрестных жителей. Здравствуйтесь, доктор Филипс! Все осталось на месте, как было.

Мы покинули двор под аккомпанемент сдержанных проклятий Филипса и быстро прошли по коридору.

— Холмс, скажите, вы что-нибудь понимаете? Кто способен сотворить такое? Шайка извращенцев? Новое воплощение Берка и Хейра?^[8] Мне начинает казаться, что убийства совершаются главным образом для осквернения трупов.

Когда мы вышли на улицу, Холмс остановился, чтобы зажечь сигарету.

— Посмотрим, расскажут ли нам что-нибудь любопытное жильцы домов двадцать девять и двадцать семь.

Очень трудным делом было опросить испуганных обитателей Хэнбери-стрит, не останавливаясь на подробностях преступления — шокирующих, сенсационных и столь притягательных для газетчиков, что весть об этом жутком убийстве распространилась с быстротой молнии. Нам с Холмсом приходилось отвечать экспромтом на множество вопросов — их было не меньше, чем тех, что задавали мы. Лицо моего друга слегка прояснилось лишь дважды: когда мы узнали, что на первом этаже дома

двадцать девять живет продавец мясных обрезков для кошек, и когда молодой человек по фамилии Кадоч рассказал, что слышал крик «нет!» и глухой звук удара о забор примерно в пять тридцать. Это соответствовало приблизительному времени смерти, высчитанному мной. Нам оставалось еще сообщить дрожащей, обеспокоенной матери Хокинса о местонахождении сына и поблагодарить ее.

День уже был в разгаре, когда мы вновь отправились в путь. Мой друг уверенно двигался в выбранном направлении, для меня совершенно загадочном. Шерлок, казалось, был полон сил и энтузиазма, я же едва волочил ноги. Неопределенность мучила меня более, чем когда-либо.

— Позвольте спросить, Холмс, куда мы идем?

— С меня хватит на месяц вперед разрезанных на куски бедных женщин. Мне нужна помощь.

— Чья?

— Реставратора концертных залов по имени Джордж Ласк.

— Это ваш знакомый?

— Предприниматель, проживающий в Майл-Энде. Я однажды оказался ему полезен. Теперь его очередь отдавать долг.

Майл-Энд, названный так, поскольку располагался точно в одной миле к востоку от старинной границы города, значительно разросся во второй половине девятнадцатого века. Появились новые дороги, одно за другим строились жилые и административные здания, но Холмс, похоже, знал каждую улицу и переулок. Вспоминается случай с ткачом Фенчерчем и его снискавшей дурную славу иглой, когда лишь знание Холмсом окрестных закоулков спасло жизнь нам обоим. Вот почему я не был удивлен, когда мой друг провел меня по лабиринту узких проходов к востоку от Уайтчепела и мы внезапно очутились на широкой, обсаженной деревьями улице перед весьма приличным особняком с белыми колоннами.

Сыщик поднялся по каменным ступеням и постучал в полированную дверь, дав взглядом знак следовать за ним.

— Вы должны поддержать разговор на заданную тему, — прошептал он. — Мистер Ласк — весьма словоохотливый джентльмен, его речи льются столь же свободно, как воды Темзы.

Молодая служанка, открыв дверь, провела нас в хорошо обставленную гостиную, где восседал величественный рыжий кот.

Хозяин не заставил себя долго ждать. Распахнув двери, Джордж Ласк воскликнул:

— Да ведь это сам мистер Шерлок Холмс! Как я рад вас видеть! Позвольте напомнить вам, сэр: если бы вы тогда вовремя не обнаружили,

что затевают эти торговцы лесом, я бы полностью разорился. А вы, по-видимому, доктор Уотсон... Меня очень радует, что нашелся человек, который взялся подробно описать деяния мистера Холмса, дабы о них узнали во всем мире. Весьма рад познакомиться с вами.

У мистера Ласка было открытое лицо с выразительными чертами и пронизательным взглядом. Мешки под глазами в сочетании с темным траурным одеянием натолкнули меня на мысль, что он недавно потерял близкого человека. Роскошные усы доходили почти до линии подбородка. Держался Джордж Ласк уверенно и манерами походил на успешного предпринимателя. Волосы, зачесанные назад, открывали лоб. На меня с первого взгляда произвели впечатление его живость и внутреннее достоинство.

— Та проблема не представляла сложности. — Холмс пожал руку хозяина дома. — Я был рад помочь вам.

— Нет, все тогда оказалось не так просто. Но в конечном счете я только выиграл. Присаживайтесь, джентльмены, и расскажите, что привело вас ко мне.

— Мистер Ласк, — сказал детектив, когда мы уселись, — примите наши соболезнования. Минуло так мало времени со дня смерти вашей жены, и мы понимаем, что эта утрата ощущается сейчас особенно остро.

Хозяин не выказал удивления по поводу осведомленности Холмса о печальном событии, случившемся в его семье, однако дал понять, резко дернув бровью, что не хотел бы касаться этой темы.

— Сюзанна была удивительной женщиной, мистер Холмс, и прекрасной матерью. И все же мы, я и дети, должны вынести этот удар судьбы. Теперь расскажите мне о вашем деле.

— Вы знаете о недавней серии убийств на улицах Уайтчепела?

— Конечно, мистер Холмс. Признаться, мне стыдно, что наша страна мирится с нынешним состоянием общественной морали. О бедных необходимо заботиться, иначе они будут нападать друг на друга, как всегда и бывало. Если величайшая империя на земле не готова взять на себя заботу о низших классах общества, не знаю, к чему придет человечество. Рассмотрим, к примеру, вопрос, что такое богатство...

— У меня нет ни малейших сомнений, мистер Ласк, — вежливо заметил сыщик, — что, будь у вас достаточно полномочий, вы бы сделали многое для решения проблем человечества в целом. Я же появился в вашем доме в связи с частностями. Сегодня утром произошла новая трагедия — близ рынка Спиталфилдз.

Мистер Ласк, казалось, был по-настоящему обескуражен.

— Уж не имеете ли вы в виду еще одно убийство?

— Оно произошло сегодня утром у дома двадцать девять по Хэнбери-стрит. Обстоятельства убийств с каждым разом становятся все более жуткими.

— Я ошеломлен, мистер Холмс. Но позвольте спросить: как такое возможно?

Мой друг вкратце изложил подробности утреннего происшествия. Глаза мистера Ласка расширились от изумления, но, когда Шерлок завершил свою печальную историю, хозяин быстро уловил ее суть.

— Итак, — решительно проговорил он, — что нам с этим делать? Я не такой человек, чтобы оставаться в стороне, когда рядом орудует столь безжалостный изверг. Это противоречит самой сущности гражданской ответственности. Я в вашем распоряжении, мистер Холмс.

При этих словах бледное лицо моего друга тронул легкий румянец, и он бросил на меня торжествующий взгляд.

— Всегда знал, что на вас можно положиться, мистер Ласк. Мне нужны люди действия, и вы меня не разочаровали. Ясно одно: вам необходимо сформировать какой-нибудь комитет.

— Комитет?! — воскликнул ошеломленный предприниматель.

— Я прошу вас найти сторонников — людей, которые, как и вы, шокированы этой чередой убийств и вместе с нашей неустрашимой полицией желают положить им конец. Мне нужен отряд простолудинов, чтобы те патрулировали улицы и сообщали о своих наблюдениях непосредственно мне.

— Понял, — с готовностью отозвался хозяин дома. — Мы организуем в Уайтчепеле сознательных граждан, чтобы британский закон уважался даже в трущобах. Господи, будь Сюзанна жива, она бы одобрила это! Хватит уже этому негодяю, сэру Чарльзу Уоррену,^[9] притеснять бедноту, пользуясь поддержкой среднего класса. Комитет сбалансирует весы правосудия, окажет услугу женщинам, чье единственное преступление — терпеть...

— Мы полностью разделяем вашу точку зрения, мистер Ласк, — прервал я речь предпринимателя.

Холмс слегка подтолкнул меня локтем в знак благодарности.

Джордж Ласк, похожий на морского льва, энергично кивая, ходил взад-вперед по ковру решительной походкой выбившегося из низов человека.

— Я привлеку в комитет Федерова, это точно, — называл он кандидатов, загибая пальцы левой руки. — Важную роль сыграют Харрис и Минск, а также Джекобсон, Абрамс и Стоун.

Шерлок Холмс громко рассмеялся, что случалось редко, — когда его что-то одновременно смешило и радовало.

— Мистер Ласк, мы с доктором вынуждены покинуть вас. Список оставляем целиком на ваше усмотрение. Полагаю, вы соберете кандидатов, представите план действий и со временем станете их естественным и полноправным лидером.

— Я немедленно обращусь к ним! На создание комитета уйдет несколько дней, но, когда он будет сформирован, мистер Холмс, вы убедитесь в нашей преданности этому благому делу.

На прощание Ласк пожал нам руки и еще раз пылко заверил детектива в своем энтузиазме. Мы опять оказались на тихой, залитой солнцем улице, где нас вновь стали одолевать жуткие воспоминания о пережитом ранним утром. Когда мы спускались по ступенькам, я уже видел по размеренной поступи Холмса, что он ушел в себя. Опущенные плечи красноречивее слов говорили об обуревавших его эмоциях.

— Из вашего плана явствует, что вы опасаетесь новых убийств.

— Будем надеяться, что мои страхи несколько преувеличены.

— Пока что они не в силах угнаться за фактами.

— Буду рад, если на этот раз мои опасения не оправдаются.

— Привлечь мистера Ласка — удачная идея. Использовать в таком деле вашу команду юных сыщиков было бы чрезмерным риском.

— Верно. Они способны обнаружить многое, но последствия этого непредсказуемы. Конечно, повезло, что Хокинс так быстро информировал нас, но цена непомерно высокая. Я бы предпочел узнать о случившемся из телеграммы, чтобы мальчику не пришлось наблюдать такое жуткое зрелище.

— Согласен.

— Надеюсь, — сказал Холмс, свернув на широкий проспект, — мы окажемся на высоте и достойно примем брошенный нам вызов. В основе моих методов лежит принцип: нет ничего нового под солнцем. Однако я не в состоянии постигнуть, что в этом мире способно породить такие чудовищные злодеяния.

Мне нечего было сказать в ответ на этот полувопрос. Всю дорогу до Бейкер-стрит мысли о трех убитых женщинах не покидали нас.

Глава 5

Мы обретаем союзника

Вернувшись домой, мы стали свидетелями того, как Хокинс разделался с самым обильным ланчем, который мне доводилось видеть в своей жизни. Его соорудила для нашего юного друга сердобольная миссис Хадсон. Вверив мальчугана попечению не слишком приветливого, но недорогого кэбмена, мы сами предались такому же пиршеству. Минуты три вилка мелькала в изящных пальцах Холмса, после чего он с раздражением швырнул ее на тарелку из китайского фарфора.

— Как будто строишь пирамиду из песка, — констатировал он с ноткой презрения к самому себе. — Отдельные штрихи не дают общую картину. В голове никак не укладывается, что Лондон вдруг породил трех одинаково жестоких убийц, разгуливающих по Уайтчепелу. Невероятно также, чтобы шайка мерзавцев тайком совершала столь извращенные деяния в густонаселенном районе. Я уже не говорю о безумном злодействе, учиненном во дворе дома на Хэнбери-стрит. Версия о банде крайне неубедительна. — Он резко встал. — Мне надо идти, Уотсон. Если эти преступления связаны между собой, то и убитые женщины, по-видимому, имеют какое-то отношение друг к другу. Пока мы не знаем даже имя последней жертвы. Нелепо в полном мраке выстраивать логические схемы.

— Когда вы вернетесь? — крикнул я Холмсу, направлявшемуся в свою спальню.

— Я пока еще не нашел ответа на эту загадку.

— Если потребуется моя помощь...

— Не сомневайтесь: в этом случае я залезу на дерево и вывешу флаг. Англия вправе ожидать, что каждый ее подданный исполнит свой долг.

Поклонившись и махнув рукой на прощание, детектив отбыл, и в тот день я его уже не видел.

События последних дней настолько выбили меня из колеи, что я провел большую часть ночи без сна, устремив взор в потолок. Едва лишь утро позолотило кирпичные стены соседних домов, меня обуяло неудержимое желание выйти на улицу. Я как раз обещал молодому врачу, с которым дружил, заглянуть к его пациентке. Мой приятель уехал на уик-энд за город и собирался вернуться в Лондон только в понедельник.

По-видимому, миссис Тистлкрофт ошеломил мой совет ни в коем случае не принимать касторовое масло. Разговаривая с ней через открытое

окно спальни, я порекомендовал также избегать сквозняков. К счастью, я не причинил ей никакого вреда, поскольку она не желала иметь дела с людьми глупыми и безумными. Однако я не исключал, что миссис Тистлкрофт пожалуется на меня доктору Анструтеру.

Возвращаясь по Оксфорд-стрит, я остановился, чтобы купить «Таймс» и узнать, как далеко продвинулся в своем расследовании Холмс. Интересующую меня колонку удалось найти быстро — мало о чем газетчики писали столь же охотно:

«Энни Чэпмэн была известна под именем Сивви. Ее сожитель зарабатывал на жизнь изготовлением сит. Энни была вдовой солдата и до того, как он умер год назад, получала от него 10 шиллингов в неделю. Она была женщиной того же класса, что и Мэри Энн „Полли“ Николс, и обитала в тех же рабочих домах в Спиталфилдзе и Уайтчепеле. Энни Чэпмэн описывали как полную, но хорошо сложенную женщину, тихую и „знавшую лучшие дни“. Инспектор Лестрейд из Скотланд-Ярда, проводивший специальное расследование убийства Николс, занялся и новым делом, поскольку эти два преступления, вероятно, были совершены одним и тем же человеком. После обмена мнениями с Шерлоком Холмсом, известным частным детективом-консультантом, эксперты пришли к общему выводу, что эти преступления связаны между собой. Вопреки всем заявлениям и слухам, способным ввести в заблуждение, убийства были совершены именно там, где обнаружили трупы. Эти злодеяния не были результатом действия банды. Многие высказывают опасения, что, если преступника не поймают быстро, акты насилия могут повториться».

«Как же поспешно Лестрейд изменил свою точку зрения!» — подумал я, усмехнувшись.

Зажав газету под мышкой, я взбежал вверх по лестнице, чтобы проверить, дома ли Холмс. Его не было, но на каминной полке лежала записка, придавленная ножом для вскрытия конвертов.

Мой дорогой Уотсон!

Я занимаюсь изучением увлекательного мира торговли мясными обрезками. Осмелюсь надеяться, что вы дождетесь приезда мисс Монк.

III. X.

Должен признаться, я не без удивления воспринял поручение Шерлока и был весьма заинтригован. Целый час я приводил в некое подобие

системы заметки, сделанные на Хэнбери-стрит, а когда отложил перо и вытянул ноги, в комнату заглянула миссис Хадсон:

— Юная особа спрашивает мистера Холмса. Назвалась мисс Монк. Вы ее ждали?

— Пригласите ее, миссис Хадсон. Она наш компаньон.

Удивленно подняв брови, наша домовладелица вышла. Минутой позже дверь распахнулась. На пороге стояла мисс Мэри Энн Монк, изящная, одетая на этот раз не в униформу рабочего дома, а в собственный наряд: темно-зеленый корсаж, застегнутый на пуговицы семи или восьми разновидностей; жилет, умело переделанный из мужского; синее пальто до колен, под ним несколько юбок — верхняя из зеленой шерсти настолько старая и заношенная, что ее цвет превратился почти в черный. Пышные волосы сколоты булавкой, как видно, впопыхах, и стянуты на макушке узкой лентой. Приблизившись, она протянула руку.

— Очень рад снова вас видеть, мисс Монк. Присаживайтесь.

Манера держаться свидетельствовала о том, что эта девушка знала иные времена. Мэри Энн недолго смогла усидеть на месте и вскоре уже рассматривала набор диковинных безделушек на камине. Прежде чем заговорить, она с минуту нервно перебрасывала из одной руки в другую наконечник копья.

— Не знаю, зачем мистер Холмс пригласил меня на чай и как он узнал, что я снимаю комнату в Миллерз-корт. Впрочем, — добавила она, улыбнувшись, — я уверена, мистер Холмс поступает так, как считает нужным, и ему известно многое, что знать вовсе не обязательно.

— То, что вы говорите, вполне справедливо. Боюсь, пока я не сумею ответить на большинство вопросов, но попросить принести нам чаю вполне в моей компетенции.

При упоминании этого важного пункта в ее глазах появился блеск, который она поспешила скрыть под маской наигранного равнодушия.

— Надеюсь, мистер Холмс на меня не в обиде. Он назначил время встречи — четыре часа, а я явилась раньше. Впервые в английской истории в Миллерз-корт была доставлена телеграмма. У меня еще остались его деньги. Не помню, когда в последний раз ехала в кэбе. Мои подружки были изумлены. Отъезжая, я помахала им из окна.

Мисс Монк рассмеялась, и я последовал ее примеру.

— Поскольку мистер Холмс велел мне позаботиться о вас до его прибытия, думаю, легкая закуска нам не помешает, — сказал я, позвонив в колокольчик.

— Чая вполне достаточно, — устало сказала девушка. — Бьюсь об

заклад, его подадут в хорошей фарфоровой посуде. Возможно, даже со сливками... О, простите, доктор Уотсон! — воскликнула она смущенно. — У меня как раз есть немного заварки в кармане — на троих хватит. Прошлой ночью мне повезло. Не хотите ли отведать?

Мэри Энн извлекла маленький кожаный мешочек, набитый серовато-коричневыми чайными листьями, по-видимому, представлявшими немалую ценность для их владелицы.

— Уверен, что мистер Холмс предпочел бы не пользоваться вашей любезностью, — ведь вы гость в нашем доме. А вот и миссис Хадсон.

Наша домовладелица внесла поднос, доверху заполненный бутербродами, — их было гораздо больше, чем того обычно требовали изменчивый аппетит Холмса и моя воздержанность в еде.

— Я словно вернулась в детство! — воскликнула мисс Монк. — Помню, какие подносы тогда приносили... Бутерброды были уложены в несколько слоев. Разлить чай, доктор Уотсон?

— Без всякого сомнения, — улыбнулся я. — Но скажите, если вас не обидит мой вопрос, где вы родились?

— Здесь, в Англии, — охотно ответила девушка, с удивительным изяществом разливая чай. — Мама была итальянкой, и отец убедил ее бросить семью и выйти замуж за него. Когда-то мы владели землей, но завещание было оспорено... Если не ошибаюсь, мне тогда исполнилось семь лет. Кажется, прошла вечность с тех пор, как родители умерли. Их обоих унесла холера. И вот теперь меня радует один только вид хорошего чая.

Она улыбнулась, но я почувствовал, что коснулся болезненной темы. Я открыл было рот, надеясь, что подходящая реплика явится сама собой, но как раз в этот миг в гостиную вошел Шерлок Холмс.

— Приветствую! — воскликнул он. — Рад видеть вас, мисс Монк. Я потратил время зря, к тому же окунулся в чрезвычайно вредоносную атмосферу. Уж лучше бы плеснул на лицо воды и провел эти часы с вами.

Детектив ненадолго вышел, а когда вернулся, вновь выглядел опрятно, как всегда. Он запустил худощавую руку в тублю с табаком.

— Надеюсь, позволите мне зажечь трубку?.. Вас заинтересовал этот наконечник копья? Предмет весьма древний, но послуживший орудием убийства в недавнем преступлении.

Нервозность, которую, как я льстил себя надеждой, мне удалось немного развеять, вновь вернулась к мисс Монк, едва вошел мой друг.

— Благодарю вас за чай, мистер Холмс, но я уже рассказала все, что знаю. Честное слово.

— Не сомневаюсь. Однако я пригласил вас сюда вовсе не для того, чтобы допрашивать. Ответьте мне напрямик: готовы ли вы помочь нам передать уайтчепелского убийцу в руки правосудия?

— Да чем же я могу быть полезна?! — воскликнула Мэри Энн. — Полли лежит в холодной могиле, кишки другой девушки разбросаны по всей округе...

— Обязан предупредить вас: этот изверг продолжит убивать, пока не будет схвачен, — сказал детектив. — Безусловно, все мы заинтересованы в его скорейшей поимке. И все же я надеюсь, что дружеские чувства к Полли Николс вдохновят вас на более активное участие в этом деле.

— Никак не могу взять в толк, чем способна нам помочь мисс Монк, — вмешался я.

Сыщик неторопливо затянулся, что означало скорее концентрацию внимания, чем расслабленность.

— Я предлагаю вам поработать на меня, мисс Монк. Иначе я потрачу уйму времени, налаживая связи в Ист-Энде, гоняясь за свежими слухами, — на все это меня просто не хватит. Вы же находитесь в идеальной позиции — все видите и слышите, не привлекая внимания.

— Вы будете платить мне за слежку? Но за кем следить? — недоверчиво поинтересовалась мисс Монк.

— За всей округой. Нет более удачного прикрытия, чтобы застигнуть убийцу врасплох, чем пабы Уайтчепела, где вас все знают.

Изумрудные глаза Мэри Энн расширились от удивления.

— Но зачем вам осведомитель-женщина, да еще такая, как я? Почему не использовать специально обученную полицейскую ищейку?

— Думаю, мне не понадобятся детективы. Вы, мисс Монк, замечаете гораздо больше, чем они. Что касается условий оплаты, вот вам аванс пять фунтов на расходы, а в дальнейшем я готов выплачивать фунт в неделю, если это вас устроит.

— Устроит ли это меня?! — воскликнула девушка, изумившись столь щедрому предложению. — Но если мне придется бросить свою обычную работу, как я объясню, что у меня завелись денежки?

Сыщик ответил не сразу.

— Вы можете, например, сказать своим компаньонкам, что заслужили благосклонность клиента из Уэст-Энда, страстного, романтического поклонника, который щедро оплачивает ваши услуги.

Это предложение вызвало у Мэри Энн взрыв смеха.

— Вы с ума сошли! Он меня уничтожит! Кто я такая, чтобы охотиться на Тесака?!

— Вы так его зовете? — улыбнулся Холмс. — Мисс Монк, никто не подходит на роль моего помощника лучше вас.

— Ладно, — сказала она решительно. — Я с вами. Будет здорово, если нам удастся поймать негодяя, убившего Полли. К тому же целый месяц не надо будет лазать по карманам клиентов.

— Доход от кражи носовых платков, — пробормотал себе под нос Шерлок.

— Это точно, — заметил я.

Мы договорились, что мисс Монк ограничит свои наблюдения Уайтчепелом и Спиталфилдзом, запоминая все циркулирующие в этих районах слухи. Отчитываться перед Холмсом ей предстоит дважды в неделю на Бейкер-стрит под предлогом свидания с поклонником. Я отметил, что в походе мисс Монк, когда она спускалась по лестнице к кэбу, ожидающему ее на углу, появилась решительность.

Холмс опустился на диван, пока я искал, чем бы разжечь трубку.

— Мисс Монк будет нам полезна, Уотсон, помяните мои слова, — заявил он, швырнув мне коробок спичек. — *Alis volat propriis*,^[10] если не ошибаюсь.

— Девушка не пострадает?

— Надеюсь, что нет. Пабы безопасны, как церкви, по сравнению с темными переулками, где она занимается своим обычным промыслом. Кстати, сегодняшним утром мне все-таки улыбнулась удача.

— Хотел бы спросить, какое отношение имеют к делу мясные обрезки?

— Мне пока не удалось достоверно выяснить, была ли Энни Чэпмэн — как я обнаружил, ее звали именно так — хоть немного знакома с Полли Николс и Мартой Тэйбрам. Однако ей сильно не повезло, и она пала жертвой уайтчепелского убийцы, покинувшего место преступления с самым отвратительным сувениром, о котором мне когда-либо доводилось слышать.

— Я тоже что-то не припомню ничего подобного.

— На какие мысли наводит вас вышеупомянутый сувенир?

Глаза Холмса оживленно блестели, и это позволяло мне надеяться — он что-то задумал.

— Не хотите ли вы сказать, что нашли ключ к разгадке?

— Дорогой Уотсон, напрягите вашу умственную мускулатуру, чтобы отметить удивительный факт, который не уловил потрясенный Лестрейд.

— Каждое из этих ужасных событий и само по себе достаточно удивительно.

— Ну, не ленитесь, Уотсон, сделайте над собой усилие. Допустим, вы убийца и уже предали смерти свою жертву. Вы разрезаете ее и извлекаете матку...

— Да, конечно! — воскликнул я. — Что же, черт возьми, он с ней делает?

— Браво, Уотсон! Мерзавец, конечно, не будет прогуливаться по улице с этим предметом в кармане.

— Но при чем тут мясные обрезки?

— Вы все поймете. Этим утром я нашел именно то, что искал: мясные обрезки для кошек, спрятанные под камнем во дворе дома номер двадцать семь. Помните, я интересовался, насколько оживленно шла тем утром торговля у миссис Хардимэн из дома двадцать девять?

— Понял! Он купил пакет мясных обрезков.

— Превосходно, мой дорогой Уотсон. Благодаря вам я чувствую себя так, словно сам побывал там.

— Он спрятал мясные обрезки, положил вырезанную матку в окровавленный пакет и прошел по улице, не вызывая ничьих подозрений.

— Вам еще предстоит освоить искусство дедукции.

— Но кто же он?

— Миссис Хардимэн дает следующее описание: человек заурядной внешности, среднего роста, очень вежливый. Ей показалось, она уже видела его раньше, но не помнит, где именно и покупал ли он у нее до этого мясные обрезки. Как видите, наши выводы подтвердились: он не из тех людей, что остаются в памяти. А это мясо для кошек еще раз указывает на заранее обдуманное намерение, что все больше меня тревожит.

— Зачем же, черт возьми, ему понадобилась такая ужасная добыча?

— Пока не могу вам ответить. Во всяком случае, это самая лучшая зацепка, которую мы сейчас имеем. Предоставим возможность мисс Монк разузнать что-нибудь интересное, а тем временем постараемся добавить хотя бы некоторые штрихи к портрету небрежно одетого злоумышленника, имеющего пристрастие к столь непостижимым и скандальным сувенирам.

Глава 6

Письмо Боссу

На следующее утро я размешивал тлеющие в камине угли, когда Холмс, читавший газету с чашкой кофе в руке, издал громкий негодующий возглас:

— Черт бы побрал этого дурака! Впрочем, если ему нравится тратить время, пытаюсь доказать невозможное, мы не в силах бороться с этим.

— А что случилось?

— Лестрейд арестовал Джона Пайзера, что совершенно противоречит здравому смыслу.

— Но только по вашей версии, — напомнил я.

— Я отправлял ему телеграмму, что искать надо в другом месте! — возмущался Шерлок. — Даже «Ивнинг стандарт» не верит, что Пайзер имеет хоть малейшее отношение к этому делу!

— А что пишет по этому поводу бульварная пресса?

Схватив газету, мой друг прочитал:

— «Создается впечатление, что в трущобах Уайтчепела обитает отвратительное чудовище в человеческом обличье, руки которого запятнаны кровью жертв целой серии зверских убийств...» Ха! «... вселяющее ужас извращение природы... грязный негодяй... ненасытный, как тигр-людоед, вкусивший человеческой плоти».

— Бога ради, мой дорогой друг!

— Я этого не писал, — сказал он насмешливо.

Раздался короткий стук в дверь.

— Вам телеграмма, Холмс. — Пробежав ее глазами, я не смог сдержать улыбки. — Мистер Ласк — действующий президент Уайтчепелского комитета бдительности. Шлет приветы и уверения в своей лояльности.

— Превосходно! Я рад, что эти активные представители общественности с пользой растрачивают свою энергию. Последуем их примеру: нам необходимо узнать больше о покупателе мясных обрезков, и как можно скорее.

Увы, мы с Холмсом достигли весьма скромных успехов, как ни старались: нам не удалось установить личность человека, словно растаявшего бесследно в то утро в прохладном сентябрьском воздухе. Комитет бдительности с самого начала действовал энергично, организовав

наблюдение за округой и ночные патрули, однако его члены столкнулись со вспышками ксенофобии. Озлобленная толпа готова была избить любого несчастного иностранца, чьи «пронырливые манеры» и «бесчестное поведение» ясно свидетельствовали о его испорченности. Все обитатели Уайтчепела, от набожного активиста благотворительного движения до последнего вора, в один голос твердили, что урожденный англичанин не способен убить несчастную женщину таким зверским образом.

Энни Чэпмэн тайком похоронили четырнадцатого сентября, в пятницу, на том же кладбище для нищих, где неделей ранее была предана земле Полли Николс.

— *Pulvis et umbra sumus*,^[11] — заметил в тот вечер Холмс, вытянув ноги у камина и задумчиво глядя в огонь. — Мы с вами, Уотсон, Энни Чэпмэн, даже сам высокочтимый Гораций — лишь прах и тень, которую отбрасываем, не более того.

Шерлок сокрушался несколько недель после смерти Энни Чэпмэн, что след убийцы остывает с каждым движением стрелки часов. Но я знал: он считает плодотворным сотрудничество с мисс Мэри Энн Монк. Зацепки, которыми мы располагали, были ненадежными и не давали пока возможности делать выводы, поэтому мы с нетерпением ждали очередной встречи с мисс Монк, вошедшей во вкус своего нового ремесла. Под колким юмором моего друга скрывался холодный профессионализм, но я видел, что он действительно рад видеть Мэри Энн. И я с радостью предвкушал оживление и энтузиазм, которые воцарялись в нашей унылой гостиной с ее появлением.

Двадцать третьего сентября следствие по делу Полли Николс пришло к потрясающе невежественным выводам. В среду коронер объявил новую версию: якобы одержимый алчностью студент-медик убил Энни Чэпмэн, чтобы продать ее детородный орган некоему неразборчивому в средствах американскому врачу. Эта новость совершенно серьезно была изложена на следующий день в «Таймс». Холмс какое-то время молча смотрел в потолок, а затем впал в неистовство: опустил в кресло и стал жать на спусковой крючок револьвера. Вскоре слева от нашего камина на стене появилась выбитая пулями «татуировка» в виде маленькой короны, как раз над переплетенными литерами V и R, которые уже были там прежде.

— Мой дорогой друг, наверное, мне следует предупредить вас, что любые последующие украшения инициалов Ее величества будут непочтительными, слишком кричащими.

Стараясь держаться позади Холмса и ожидая появления мисс Монк, я раскрыл окна.

— Вы ставите под сомнение мою преданность монархии?

— Нет, всего лишь уместность использования вами огнестрельного оружия.

Шерлок удрученно вздохнул и убрал револьвер в ящик стола.

— Мисс Монк с минуты на минуту будет здесь. Возможно, она предоставит нам новые свидетельства об этом дьяволе-американце, коллекционере женских репродуктивных органов.

— Ну, вы и скажете, Холмс!

Детектив виновато улыбнулся и, безошибочно распознав на лестнице шаги женщины в тяжелых башмаках, открыл дверь.

— Бог мой, что у вас тут? Пожар? — спросила, кашляя, Мэри Энн.

Она не отказала себе в удовольствии истратить часть своей недельной зарплаты на серебристую ленточку, которой украсила подол пальто. Я также с радостью отметил, что ее маленькая фигурка приняла более округлые формы.

— Нет, просто Холмс иногда по ошибке принимает нашу гостиную за стрельбище, — ответил я. — Присаживайтесь, мисс Монк.

— Видать, пропустили стаканчик? Был у меня дружок, выпьет бутылку джина — и так ему станет славно на душе, что палит куда попало... У вас-то что-нибудь более изысканное? Виски, наверное?

Я спрятал улыбку за газетой, Холмс же откровенно рассмеялся и направился к шкафу за стаканами.

— Ваша реплика вдохновила меня. Виски с содовой — именно то, что сейчас нужно.

— Черт бы побрал этот холод! — сказала, усевшись у огня, Мэри Энн, с довольным видом сжимая в руках стакан с виски. — Словно вся в ледышку превращаешься. Однако, джентльмены, на этой неделе я заработала на полено, что горит в камине.

— Вот как! — воскликнул Холмс, откинувшись в кресле и закрывая глаза.

— Я выследила солдата.

Холмс подался вперед, сгорая от нетерпения:

— Какого солдата?

— Парня, что потерял своего приятеля, зарезавшего ту первую девушку, Марту Тэйбрам!

— Превосходно! Расскажите обо всем подробно. Почему вы не послали мне телеграмму? Повод достаточно важный.

— Это случилось сегодня, — с гордостью начала она свой рассказ. — Я заскочила в «Найтз стандарт» выпить стаканчик джина. Каждое утро это

делаю, чтобы продрать глаза, а потом выдержать на холоде целый день. В этом кабаке обычно накурено, хоть топор вешай, но с утра народу мало. Смотрю, на углу стоит этот солдат, я его едва признала. Думаю, выйду — разговорю его немного, но не успела встать, как он меня заметил и вошел в паб. Хорошо сложенный рыжеволосый голубоглазый мальчик с крепкой челюстью и темными, подкрученными кверху усами. «Привет!» — подходит он ко мне. «Здравствуй, — отвечаю. — Выпьешь стаканчик джина с одинокой девушкой?» — «Вряд ли ты надолго останешься одна», — говорит он, улыбаясь. Я про себя и думаю: если это все, что ему от меня нужно, пусть проваливает, я не нуждаюсь в клиентах. Но он, наверное, увидел, что я недовольна, и говорит поспешно: «Хотел сделать вам комплимент, мисс». — «Тогда ладно. Посиди рядом со мной, придумай другой, получше». «Очень великодушное предложение», — говорит он и остается сидеть. Беседа никак толком не начнется, но мы пьем помаленьку. Он настоящий простофиля, и вскоре язык у него развязывается: «Уволился из армии на прошлой неделе и сразу же поехал в Лондон. Пару месяцев назад мы были здесь в отпуске большой компанией. Хочу найти одного своего дружка». — «Он тебе что-то должен?» — спрашиваю. — «Не в этом дело. Так или иначе, мне нужно его разыскать». — «Зачем?» — «Понимаешь, он совершил убийство».

Можете бросить на кон последний шестипенсовик, джентльмены, и смело биться об заклад: теперь-то я не упущу его из виду, пока не услышу всю историю. Постаралась, чтобы он видел, какое сильное впечатление произвели его слова. Это оказалось не слишком трудно: я была в шоке. «Убийство?! Как же он решился на такое? Потерял голову, когда его застукали на краже? Или подрался?» — «Думаю, все гораздо хуже. Мой приятель — весьма опасный тип». — «Состоит в банде?» Он качает головой и говорит задумчиво: «Насколько мне известно, он действовал в одиночку». Я сижу и жду, когда он продолжит свой рассказ, а он видит, что я ловлю каждое его слово. «Знаешь, когда мы приезжали сюда в последний раз, была убита женщина. Думаю, это сделал мой приятель. К сожалению, ему удалось скрыться». — «Я просто в ужасе!» — воскликнула я, понимая, что он говорит о Марте Тэйбрам. Внезапно я вся похолодела, глядя на него: «Постыдился бы рассказывать такие истории, когда девушек в Уайтчепеле буквально наружу выворачивает от страха из-за этих слухов о Тесаке!» — «Вот ты мне не веришь, а между тем каждое мое слово — правда. Мой приятель — парень что надо, таких друзей днем с огнем не сыщешь, но характер у него, скажу я тебе... Когда мы в последний раз были в Лондоне, он познакомился с девушкой. Сначала все было тихо-мирно: мы шлялись

по пабам, а потом он увлек ее в проулок. Я остался ждать. Через несколько минут их все еще не было, и я уже понял, что дело неладно, но никуда не уходил. А конец истории я тебе уже рассказывал: с той ужасной ночи я не видел Джонни Блэкстоуна, но разыщу его во что бы то ни стало». Он замолчал, ушел в себя. Потом очнулся и увидел, что я сижу рядом. «Наверное, напугал? Не хотел обременять тебя своими трудностями, но уж больно на душе тяжело. Мне ясно, что нужно делать: найти его, и как можно быстрее».

— Важен один момент, — прервал ее Холмс. — Этот гвардеец считает, что его пропавший приятель мог совершить и другие убийства?

— Вот это его и мучило, — тихо ответила Мэри Энн. — Я пыталась еще что-то из него вытянуть, но, видно, показалась ему и без того такой испуганной, что он словно воды в рот набрал. Все извинялся, что расстроил меня. Я успела даже выпросить его имя. Сделала вид, что мне нехорошо и говорю ему: «Мне надо домой». Он берет меня под руку и выводит из паба. На ступеньках я пошатнулась и схватила его за куртку, а он подхватил меня, как настоящий джентльмен. Правда к тому времени я слегка его обчистила.

— Вытащили у него бумажник? — недоверчиво переспросил Холмс.
Должен признаться, я был благодарен ему за это уточнение.

— Прошу прощения, — зарделась девушка. — Так давно этим занимаюсь, что трудно избежать жаргона. Верно, я его украла. А имя парня — Стивен Данлеви, — закончила она свой рассказ.

Мы с Холмсом ошеломленно посмотрели друг на друга.

— Мисс Монк, — сказал мой друг, — вы прекрасно выполнили свою работу.

— Конечно, я его надула, но вышло хорошо — есть чем гордиться.

— Боюсь, украв бумажник у этого парня, вы сожгли все мосты.

— Не беспокойтесь, мистер Холмс, — рассмеялась она. — Я положила его на прежнее место.

И тут мы услышали приглушенные голоса внизу, похожие на спор. Не успели мы понять, что происходит, как на лестнице послышался стук костылей. Звуки эти с ошеломляющей быстротой достигли порога, и секундой позже в гостиную ворвался, как снежный вихрь, один из самых необычных знакомых Холмса.

Мистеру Роулэнду К. Вандервенту из Центрального агентства новостей было около тридцати лет. Очень высокого роста, почти вровень с Холмсом, он казался гораздо ниже: в детстве его изуродовал полиомиелит, согнув в поясе. Копна непокорных, очень светлых, почти белых волос в сочетании с хрупкими ногами и костылями создавали впечатление, будто

его только что ударило электрическим током. Однажды мистер Вандервент наблюдал любительскую встречу по боксу с участием Шерлока Холмса и с тех пор относился к нему с величайшим уважением, периодически сообщая ему по телеграфу самые интересные новости, поступавшие в агентство. Зная Вандервента заочно, я тем не менее был ошеломлен видом этого человека, запыхавшегося после быстрого подъема по лестнице. На нем был потертый сюртук в тонкую полоску; в правой руке, поднятой вверх, зажат клочок бумаги.

— Мистер Холмс, я к вам по делу, не терпящему отлагательства. Однако внизу я встретил серьезное препятствие в лице вашей чрезвычайно грубой и сильной домовладелицы. Будь я проклят! Она уже здесь. Мадам, я уже объяснял вам: мне глубоко безразлично, занят он или нет.

— Все в порядке, миссис Хадсон, — сказал Холмс. — Мистер Вандервент недостаточно знаком с правилами вежливости. Вы уж его извините.

Миссис Хадсон вытерла руки о принесенное с собой кухонное полотенце, взглянула на гостя как на ядовитое насекомое, и вернулась на кухню к своей стряпне.

— Мистер Вандервент, всякий раз, посещая меня, вы нарушаете хрупкое равновесие этого дома. Вы, конечно, знакомы с доктором Уотсоном. Позвольте представить вам нашего нового компаньона, мисс Мэри Энн Монк. А теперь взглянем на принесенное вами, что бы это ни было.

Сгрудившись вокруг стола, мы принялись разглядывать странное послание.

Я зачитал вслух написанное ярко-красными чернилами:

Дорогой Босс!

Прошел слух, что полиция меня арестовала, однако этого пока не случилось. Я смеялся, слушая, как копы с умным видом разглагольствуют, что они, мол, на верном пути. Шутка насчет Кожаного Фартука произвела на меня сильное впечатление. У меня зуб на шлюх, и я буду потрошить их, пока меня не схватят. Последнее дельце я провернул великолепно: дама и пискнуть не успела. Что ж, попробуйте меня поймать. Я люблю свою работу и хочу к ней вернуться. Вскоре вы услышите о моих маленьких смешных проделках. В последний раз, закончив работу, я припас в бутылочке

из-под имбирного пива немного подходящей красной субстанции, но она загустела и оказалась непригодной. Что ж, я надеюсь, сойдут и красные чернила, ха-ха. Когда сделаю работу в следующий раз, отрежу у дамочки уши и пришлю в полицию. Хочу, чтобы вы повеселились. Не возражаете? Попридержите это письмецо, пока вновь не услышите обо мне, и тогда передайте огласке. Мой нож такой хороший и острый, что я пушу его в ход прямо сейчас, если будет шанс. Желаю удачи.

Искренне ваш,

Джек Потрошитель

Мне нравится имя, которым меня называют.

Послал это письмо, только когда смыл с рук все красные чернила, пропади они пропадом.

Говорят, теперь я вроде доктора, ха-ха.

— Трудно отнести это к обычной корреспонденции, получаемой нами, — заметил Роулэнд, без лишних церемоний опускаясь в кресло. — Впрочем, если бы он призвал к отмене закона о торговле зерном и поменьше писал об отрезанных женских ушах, я бы не стал вас беспокоить.

Холмс осторожно взял доставленный гостем предмет за края и положил на стол для дотошного осмотра через лупу.

— Был ли конверт?

— Хорошо, что напомнили. Вот он.

— На почтовом штемпеле дата — двадцать седьмое сентября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, квитанция помечена тем же числом. Письмо отправлено из восточной части Лондона. Адрес написан неровными буквами, строка сползает вниз.

— Меня беспокоит даже не вызывающий стиль самого послания, — продолжал мистер Вандервент, — а то, что взбесившийся ублюдок — извините за грубость, мисс Монк, — просит нас попридержать письмо, пока он не закончит новую работу. Чуть ли не в первый раз за всю жизнь я оказался в тупике: не знаю, что делать дальше.

— Вы удивляете меня, мистер Вандервент.

— В самом деле, ситуация очень тревожная. Но насколько я понимаю, странные записки и таинственные заговоры по вашей части, мистер Холмс.

Не сомневаюсь, что вам уже удалось напасть на его след.

— Настало время принять от вас дело в свои руки, — заявил детектив. — Пока я не в силах постичь его игру.

— Она вполне ясна. Злодей сам определяет ее суть в четвертом предложении письма: у него зуб на шлюх.

— Нет-нет. Обратите внимание на саму записку. Главную странность вы уже обнаружили: зачем человеку, если он не убийца, просить не обнародовать письмо до следующего злодеяния? Заурядный шутник или человек, желающий просто попугать публику, предпочел бы, чтобы его послание опубликовали незамедлительно.

— Есть ли какие-нибудь зацепки, позволяющие выследить автора? — спросил я.

Холмс пожал плечами:

— Этот человек получил образование, пусть и скромное. Неровность строки, спускающейся вниз, свидетельствует о его непредсказуемости и мизантропии. Буква «t» говорит о решительности, «г» — об уме. Устрашает четкость написания заглавных букв. Конверт ничего не добавляет к его содержанию, водяной знак отчетливый, но это отнюдь не ключ к поимке преступника.

— Оставим водяной знак в покое. Займемся реальной проблемой, мистер Холмс, — сказал, растягивая слова, Вандервент. — Что мне с этим прикажете делать? Отнести письмо сюда — мой гражданский долг, но, боюсь, люди придут в полное замешательство, прочитав его во время завтрака.

— Нельзя ли подержать у себя письмо для дальнейшего изучения?

— Значит, советуете не публиковать его прямо сейчас? Вы довели эту мысль до меня окольным путем... Ладно, мистер Холмс, я оставлю его вам и возьму обратно послезавтра, чтобы передать в Скотланд-Ярд. Надеюсь, вы извлечете из него пользу и оно станет хорошей растопкой для костра ваших изысканий.

Роулэнд с огромным усилием встал с кресла и спустился по лестнице.

Холмс задумчиво осушил стакан.

— Мисс Монк, не затруднит ли вас встретиться с этим Данлеви еще раз?

— Мы договорились увидеться в субботу вечером, ровно в девять, в пивной «Квинз Хед», — ответила девушка как ни в чем не бывало.

— Bravo! Мисс Монк, ваша помощь неоценима. Мы с доктором Уотсоном будем поблизости на случай, если вам потребуются наше содействие. Я же изучу это письмо вдоль и поперек, так что и тени тайны

не останется. Автор, возможно, и не тот, кого мы ищем, но этот Джек Потрошитель, кто бы он ни был, — отличный предмет для исследования.

Глава 7

Рандеву в Уайтчепеле

Большую часть следующего дня Холмс отсутствовал, а когда вернулся, сказал, что завтра вечером мы встречаемся с мисс Монк в Ист-Энде. По поводу таинственного письма мой друг не обмолвился ни словом, а когда я сам завел разговор об этом, он тут же сменил тему. Сыщик пустился в рассуждения об архитектуре как отражении национальных идеалов, упорно отказываясь уйти в сторону от этого весьма интригующего, но неуместного сейчас предмета.

Назавтра сильный ветер нагнал дождевые тучи, потоки воды обрушились на оконные стекла, холодный воздух проникал сквозь дверные щели. Холмс явился к ужину в приподнятом настроении, и мы славно посидели за бутылкой бордо, прежде чем отправиться в путешествие на восток Лондона.

— Вернул мистеру Вандервенту его собственность, — известил меня Шерлок, наливая вино, — и даже не услышал от него благодарности за свои труды. Этот бедолага — настоящий мизантроп, но он вполне приличный человек, а иногда, как вы имели возможность убедиться, оказывает неоценимые услуги.

— Какие у нас планы на сегодняшний вечер?

— Мы будем держаться на разумной дистанции от мисс Монк и выясним, удалось ли отыскать своего приятеля Джонни Блэкстоуна тому таинственному солдату, знакомцу Мэри Энн. Хочется взглянуть на этого парня. Он крайне меня заинтересовал.

— В каком смысле?

— Ясно, что Данлеви не так прост, как кажется.

— Разве? — удивился я. — Мы ведь даже его не видели.

— Но мисс Монк с ним общалась, и, если рассказанное ею соответствует действительности, этот Данлеви — весьма скользкий тип. Представьте себе: зверски убита женщина. Вы находились рядом и знаете, кто это сделал, — по крайней мере, так думаете. При этом не говорите никому ни слова — ни полиции, ни армейскому начальству.

— Если верить Данлеви, они близкие друзья.

— Еще более загадочное обстоятельство: вместо того, чтобы попросить увольнение для поисков своего падшего собрата или даже поместить в газете объявление о пропавшем, он уезжает из города. И

только после возвращения у Данлеви вдруг появляется жгучее желание разыскать друга. Нельзя проявлять одновременно и горячую преданность, и крайнее равнодушие. Послушайте, Уотсон, у нас мало времени. Уже почти семь. Допьем это прекрасное вино и наденем вечерние наряды.

— Для поездки в Уайтчепел?

— Так мы сможем спрятать ваш револьвер и мой сигнальный фонарь, не слишком привлекая любопытные взгляды. Уверю вас: вечерняя одежда — самый лучший способ избежать ненужного внимания. Нам лучше выглядеть франтами с сомнительными моральными принципами, чем джентльменами, преследующими некие таинственные цели. Кроме того, Уотсон, — прибавил мой друг, хитро улыбаясь, — вы ведь светский человек и не имеете права зарывать свои таланты в землю — нет на свете трагедии страшнее этой.

Вот так, нарядившись столь элегантно, словно направлялись в оперу, а не в Ист-Энд, мы вышли на улицу. Вечер постепенно переходил в ночь. Недавно зажженные газовые лампы отбрасывали желтоватый свет на мокрые от дождя оконные стекла. Но чем дальше на восток мы продвигались, тем меньше горело фонарей.

И вот, наконец, оставив позади обширные пространства кирпичных зданий, наш кэб свернул на Уайтчепел Хай-стрит. Из дверей пивных лился свет, озаряя торговцев фруктами, всячески старающихся продать остаток товара. Шарманщик со своей без умолку тараторящей обезьяной стояли на углу у кафешантана. Повсюду мужчины, прислонившись к дверям, попыхивали сигарами. Вокруг бродили женщины: домохозяйки с собранными в пучок волосами сплетничали с соседками, более предприимчивые дамы находились в постоянном движении, чтобы не слишком бросаться в глаза полицейским. Праздношатающиеся джентльмены, уставшие от концертов и вечеринок, бесстыдно предавались дешевым соблазнам. Это место походило на жужжащее осиное гнездо, где царила жизнь, не подвластная закону. Ее первозданная грубость напоминала скорее не Лондон, а волнующиеся, как морская стихия, рынки Калькутты и Дели, где мне доводилось бывать в пору армейской службы.

Мы свернули к северу, на Коммершиал-стрит, где перед магазинчиками, освещенными внутри сальными свечами, стояли большие лужи. Из-под громыхающих колес кэба выскакивали крысы. Зияли распахнутые двери, ведущие к обветшалым лестницам. Я вглядывался туда, но мало что удавалось увидеть: вскоре свет и суету Уайтчепел Хай-стрит сменила крошечная тьма. Чернота была такой густой, что редкие тусклые

лампы еще больше усугубляли ее. Я поделился с Холмсом соображением, что в такой обстановке любые преступления остаются безнаказанными.

— Чтобы выжить, обитателям этих домов придется или потворствовать бандитам, или напрямую участвовать в их деяниях, — ответил детектив. — Посмотрите на улицу, по которой мы едем: Флауэр-энд-Дин — одно из самых опасных мест в цивилизованном мире, и оно находится не в джунглях Африки, а всего в нескольких милях от дома, где мы с вами столь беззаботно вешаем на крюк свои шляпы.

Одного взгляда на дорогу оказалось достаточно, чтобы осознать правоту его слов. Несмотря на недавно прошедший дождь, воздух был спертым. Очень редко попадалось окно, которое не было бы разбито, а потом наспех скреплено бумагой или полосками дешевой ткани.

— Вот место назначения, где мы встретимся с нашей компаньонкой. Следуйте за мной и постарайтесь держаться раскованно.

Как я уже упоминал, Холмс любил напускать на себя важный вид, что порой действовало на нервы его немногочисленным друзьям. Однако когда мы зашли в пивную под названием «Квинз Хед» на углу Коммершиал и Фэшн-стрит, я понял его замысел. Здесь собрались джентльмены — если это слово вообще применимо в данных обстоятельствах — весьма свирепого вида, густо наруганные женщины с младенцами на руках, зашедшие пропустить стаканчик джина перед тем, как вернуться домой. Мисс Мэри Энн Монк, сидевшая у стойки бара недалеко от двери, стрельнула в нашу сторону глазами, когда мы вошли.

— Как вам нравится эта малютка, Миддлтон? — спросил Холмс, оглядев зал. — Выглядит неплохо, а волосы просто великолепны. Вряд ли вы найдете что-нибудь лучшее в этих краях.

Мой растерянный вид, безусловно, не ускользнул от внимания завсегдатаев, рассмеявшихся при словах Холмса.

— Смелее, приятель, не каждый день мы гуляем! Видите ли, — уже потише обратился он к Мэри Энн, — мой приятель скоро отбывает из Лондона в Австралию, и ему будет приятно вспоминать Англию как гостеприимную страну. Понимаете меня? Вы сейчас не заняты?

Девушка оценивающе взглянула на нас, но ничего не ответила.

— Ну же, — вкрадчиво сказал детектив, передавая ей полсоверена. — Это больше, чем вы добываете за месяц. Я надеюсь, вы заработаете эти деньги. Мы здесь выпьем по стаканчику, а потом перейдем в «Бриклейерз Армз» по соседству. Ладно, пусть будет соверен — и ударим по рукам, если мы убедили мисс встретиться там с нами. Большое спасибо, крошка.

Взяв две кружки пива и два стакана джина, мы уселись на скамью в

задней части паба. Потягивали пиво, оставив джин нетронутым.

— Я считаю, мы обязаны предоставить мисс Монк неоспоримое алиби, чтобы она имела повод ускользнуть от Данлеви, когда сочтет это необходимым, — сухо заметил я.

— Именно так. Прошу меня извинить, мой дорогой Миддлтон, но, помимо назначенной встречи, я не в силах выдумать средство, которое гарантировало бы ей безопасность.

— Неужели хваленое воображение вам отказало?

— Полно, мой дорогой друг! Дело весьма темное, без малейшей зацепки, которая помогла бы прояснить ситуацию. Но скажу вам так: то, чем мы располагаем... Ради бога, не смотрите в сторону двери! Отражение в этом чрезвычайно удачно расположенном зеркале послужит вам ничуть не хуже.

Стивен Данлеви с лицом, слегка искаженным зеркалом, устремил на присутствующих взор дружелюбных синих глаз. Добродушный на вид парень с небольшими усами, кончики которых задраны вверх, приятно очерченный рот, квадратная челюсть. Холмс оглядел его в присущей ему небрежной, ленивой манере, но я-то знал, что он подмечает всякую характерную деталь облика бывшего гвардейца. Тот прошел в глубь зала и поздоровался с нашей миниатюрной приятельницей. Они отошли от стойки бара в поисках свободного столика, и мисс Монк на ходу кивнула нам, что тут же вызвало вопрос у ее спутника.

Сыщик улыбнулся:

— Теперь, когда Данлеви нас увидел, надо покинуть зал.

Мы вышли из пивной, сразу же ощутив на лице влажный холодный воздух.

— Видите ли, мой дорогой друг, единственный способ обеспечить безопасность мисс Монк — назначенная ей встреча, и, заметьте, не мнимая, а подлинная, случайно установленная как факт ее спутником. Если мисс Монк вдруг исчезнет, ее хватятся и будут искать — Данлеви это знает.

Мы медленно шли вдоль Коммершиал-стрит. Небо прояснилось.

— У меня нет сомнений, что вы продумали любое возможное развитие событий, — сказал я.

После гвалта, тесноты и духоты «Квинз Хед» я чувствовал себя намного лучше. Мы радовались тишине, направляясь к месту встречи с Мэри Энн.

Вскоре мы вновь окунулись в дымную атмосферу Уайтчепел Хай-роуд, где царили буйное веселье и расслабленность гедонистического карнавала. Если бы мы с Холмсом захотели расстаться с содержимым своих карманов,

на каждом углу к нашим услугам были шулеры, игроки в кегли и прочие наглые жулики. Миновав перекресток, мы погрузились в топь Коммерциал-роуд. Признаться, я уже начал сомневаться, правильно ли выбрал путь Холмс. А вдруг он заблудился, плохо зная эти места? Думаю, лишь абсолютная уверенность моего друга в себе уберегла нас от неприятностей, когда мы медленно шли по вымощенной неровным булыжником улице.

Я, конечно, не утверждаю, что знаю историю паба «Бриклейерз Армз», но когда-то в этом здании, по-видимому, была ратуша: над дверью все еще висел флаг. Мы пришли сюда лишь часам к одиннадцати, с трудом избегая цепких рук вечерних охотниц на мужчин. Вот почему я испытал облегчение, когда мы наконец вошли в переполненный зал.

Шерлок Холмс, впервые оказавшись здесь, за каких-нибудь полчаса выслушал исповеди чуть ли не всех местных пьянчужек. В воздухе стоял чад от сальных свечей, на столах — лужицы пролитого джина, но все же атмосфера показалась мне не столь гнетущей, когда я понял: Холмс чувствует себя в этой обстановке ничуть не хуже, чем в собственной комнате. Я уселся поудобнее и предался созерцанию. Справа от меня сидели старик — бывший матрос, как я понял по его татуировкам, — и кудрявый паренек. Моряк с жаром рассказывал о красотах, которых он встречал в азиатских портах, — их было великое множество, да и парень он был хоть куда. Прямо перед нами расположилась женщина в темной одежде. Я решил было, что она в трауре, но потом вспомнил: обитатели здешних мест зачастую имеют лишь одно приличное платье.

Прошло уже больше часа, а наша компаньонка все не появлялась. Я стал бросать на друга обеспокоенные взгляды, но он в ответ лишь ободряюще пожал мне руку. Холмс еще раз поднял стакан, показав жестом, что пьет за здоровье дочери хозяина заведения. И тут в дверях появилась мисс Монк. Высмотрев нас, она быстро подошла, села рядом и радостно сообщила, извлекая наружу полсоверена и возвращая Холмсу:

— Готова поклясться: этот тип что-то скрывает.

Мой друг опустил монетку в карман жилета, а потом зачем-то бросил взгляд на обувь девушки.

— Ну что ж, — сказал он, поднимая глаза, — я жду вашего рассказа. Что удалось узнать?

— Около часа он вообще ничего не говорил о своем друге-солдате. Все спрашивал, что я здесь делаю и что вы за парни. Я как-то отговорилась, и у нас завязалась теплая беседа. В конце концов он признался, что нашел способ выследить Джонни Блэкстоуна.

— Ваш знакомец все больше нас интригует, — заметил мой друг. — Что-нибудь еще выяснили?

— Только где он живет, — прошептала она.

— Как, во имя всего святого, вам это удалось?! — вскричал сыщик.

— Чувствую, пора расставаться с Данлеви, чтобы встретиться с вами. Чмокнула его напоследок, а сама нырнула в проулок и смотрю, куда он пойдет. В конце Коммершиал-стрит, там, где она пересекается с Эдден-стрит, Данлеви зашел в ночлежку. Вижу: у входа стоит женщина. Я предложила ей шиллинг, чтобы узнать, ходят ли к нему гости. «Никогда, — говорит, — но его самого можно застать здесь очень редко: черт его знает, чем он занимается. Во всяком случае, с другой девицей я этого парня не видела». Я, конечно, не собиралась дожидаться, пока он выйдет. Но его берлогу вам покажу, а женщина, что дежурит у входа, сообщит мне за несколько пенсов, здесь он или нет.

— Отличная идея, мисс Монк! Возможно, я завтра же прослежу за ним. Теперь тихонько, чтобы не привлекать внимания, возьмите под руку моего друга Миддлтона — и идем отсюда!

Глава 8

Погоня за убийцей

На пути к жилищу Данлеви нам пришлось обходить кучи мусора и ручьи из канализационных стоков. Мэри Энн теперь не надо было разыгрывать представление на глазах у завсегдатаев пивной, и она отпустила мою руку, которую до этого по-дружески сжимала. Мы миновали пансион и приближались к двухэтажному, похожему на казарму зданию, по-видимому, клубу для джентльменов. Оттуда доносились звуки веселья. Запряженная пони тележка уличного торговца преградила нам путь у открытых ворот. Работник, сутулый человек в очках и перчатках без пальцев, нетерпеливо покрикивал на животное. К его удивлению, пони заржал и нервно отпрянул назад. Еще одна попытка въехать во двор вновь встретила сопротивление, и нашей компании пришлось перейти на другую сторону улицы.

Мы прошли еще несколько шагов, когда мой друг крикнул:

— Пойдите, Уотсон! Ведь поводья в руках этого человека не были натянуты?

Не дожидаясь ответа, Холмс развернулся на каблуках и побежал назад, к раздраженно брыкавшемуся пони, чей владелец оставил всякие попытки справиться с животным и вошел в клуб.

Мэри Энн вопросительно посмотрела на меня:

— Допустим, поводья не натянуты. И что это значит?

Я собирался ответить, но какое-то инстинктивное чувство заставило меня припустить изо всех сил за Холмсом и мигом преодолеть расстояние между двумя зданиями. Стены высились под невыносимым углом, закрывая доступ свету с улицы, так что я едва сумел различить высокую фигуру детектива перед входом в здание напротив.

— Холмс! — позвал я, продвигаясь вперед и опираясь одной рукой о холодную стену. — Что там?

Вспыхнула спичка, осветив тонкую руку моего друга и кусок каменной стены.

— Это убийство, Уотсон.

Когда Холмс зажег фонарь, взору предстало зрелище, заставившее меня оцепенеть от страха. Перед домом лежала худая, одетая в черное женщина, которую я не более двух часов назад видел в «Бриклейерз Армз». Казалось, ее открытые глаза удивленно смотрят на ручейки крови,

стекающие на землю из зияющей на горле раны.

Я немедленно опустился на колени, чтобы выяснить, нельзя ли ей помочь, но несчастная испустила последний вздох за несколько мгновений до нашего появления. Тут новая мысль озарила меня, и я поднял глаза на Шерлока, указывая дулом револьвера на двор в глубине. Он кивнул. С фонарем в руке детектив осторожно преодолел оставшиеся до конца прохода пятнадцать футов и ступил в темноту двора.

Я не сразу понял, что случилось, настолько стремительно произошло нападение. По-видимому, затаившийся у стены человек внимательно следил за нами. Его темная фигура метнулась мимо Холмса, и я получил ошеломивший меня на мгновение сильный удар ниже левого глаза. Тень нападавшего скользнула в сторону улицы. Память зафиксировала крик Холмса: «Не двигайтесь!» Оставив фонарь, он бросился вслед за преступником, а я осторожно закрыл глаза убитой и привалился к стене. Перед моим взором плыли круги, лицо болело.

Я горько сожалел о своей глупой неосторожности, позволившей убийце внезапно напасть. Мы оказались в незавидном положении: выйдя из узкого прохода на открытое пространство, рисковали тут же попасть в засаду. Я проклинал себя, ломая голову, что делать дальше.

Дойдя до ворот, я чуть не столкнулся с хозяином запряженной пони тележки, стоявшей на прежнем месте. Животное трясло головой, словно негодуя по поводу происходящего. Возчик, заходивший внутрь, вернулся с зажженными свечами и несколькими сопровождающими, похожими на иностранцев. Эти прилично одетые джентльмены подозрительно смотрели на меня.

— Мой пони чего-то испугался. Пришлось остановиться, посмотреть, в чем дело, — заговорил он с легким акцентом, но на вполне понятном английском. — Обычно он так себя не ведет. Я увидел какой-то темный силуэт. Вы... Вы прятались во дворе?

— Нет, — ответил я. — Произошло ужасное несчастье. Нужно немедленно вызвать полицию.

Мужчины обеспокоенно переглянулись.

— Мое имя Луис Димшуц, — представился возчик. — Мы члены Международного просветительского клуба рабочих, он в этом доме. Мы с женой живем в соседнем дворе. Мне надо знать, что случилось.

Я кивнул и отошел в сторону. Мистер Димшуц при виде лужи крови вокруг головы убитой коротко вскрикнул.

— Это не моя жена! — воскликнул он. — Убита какая-то другая женщина. Этот человек прав. Нужна помощь полиции.

И помощь последовала незамедлительно: не успели мы пройти и десяти ярдов, как из-за угла появилась взбешенная мисс Монк с упирающимся констеблем, которого она тащила, словно на буксире.

— Быстро идите следом за мной и делайте что положено, иначе я буду кричать без умолку. Черт побери, неужели вы думаете, я буду тратить время на заигрывания с каждым копом, что ходит, как привязанный, по отведенному ему кругу? — Увидев меня, девушка застыла на месте. — О, доктор Уотсон! — вскрикнула она, бросив полицейского и подбегая ко мне. — Ваш глаз кровоточит. Что-то случилось там, в подворотне? С мистером Холмсом все в порядке?

— Произошло еще одно убийство. Холмс преследует злодея, — объяснил я не только Мэри Энн, но и смущенному констеблю.

Меня пронзил страх: а что, если преступник одолеет Шерлока? Я горько сожалел, что сейчас не с ним.

— Вы видели того, кто сделал это? — спросила мисс Монк.

Я кивнул.

— А где та женщина? Вы сказали: она мертва, но...

— Мы спугнули убийцу. То, что произошло с Энн Чэпмен, здесь не успело случиться.

— И то хорошо, — облегченно выдохнула девушка. — Мне взглянуть на нее? Может быть, я знала эту несчастную.

Пожалев, что мы теряем время, я неохотно согласился. Ошеломленный полицейский тоже не возражал. Фонарь, который я оставил рядом с трупом, освещал руку и голову убитой. Мисс Монк при виде жертвы горестно закусила губу и медленно покачала головой. Я взял ее за руку и отвел в сторону.

— С вами все в порядке?

— Через минуту я приду в себя, доктор.

— Кто-нибудь из членов клуба может отвести вас внутрь.

Мэри Энн хоть и держалась стойко, но побледнела как мел. Я ожидал протестующего возгласа от нее или от джентльменов, которые никак не могли понять, откуда я знаю эту бедно одетую молодую женщину. Впрочем, никто не стал спорить, и мужчина в пенсне, взяв мисс Монк под руку, сопроводил ее в шумный, залитый светом клуб.

— Вы доктор Уотсон? — спросил полицейский, румяный юноша с безвольным подбородком и светлыми усами. — Я констебль Лэмб. Мы оцепим место преступления, чтобы никто не вышел из клуба, пока полиция не уладит все формальности. Бог даст, мистер Холмс сумеет схватить изверга.

Я тоже на это всем сердцем надеялся и сообщил констеблю Лэмбу, что пару часов назад видел убитую женщину живой — в пабе «Бриклейерз Армз». Мистер Димшуц, вконец расстроенный, описал испуг пони и свое бегство в клуб за подмогой. К тому времени многие люди по соседству были разбужены. Весть об очередном злодеянии быстро распространялась от одного дома к другому. Прибыли дополнительные силы полиции.

Прошло двадцать минут, и я всерьез забеспокоился, а еще через некоторое время уже озабоченно ходил взад и вперед по тротуару. Способен ли один человек настичь другого в незнакомой, враждебной обстановке, когда даже направление его движения трудно различить в темноте? Без четверти два по моим часам, мучимый тревогой за Холмса, я уже решил было обойти близлежащие улицы, когда чья-то сильная рука легла на мое плечо.

— Доктор Уотсон, я понимаю: мистер Холмс все еще не вернулся, — решительно заявил констебль Лэмб, — но, позволь я вам уйти, это было бы грубым нарушением полицейской процедуры. Ведь это вы ее обнаружили, сэр.

— Как раз сейчас Шерлок Холмс пытается задержать человека, совершившего это чудовищное преступление, и я хотел бы помочь ему.

— При всем уважении к вам, сэр, едва ли возможно отыскать мистера Холмса, не имея никакого представления, где он сейчас.

— А что, если он отчаянно нуждается в нашей помощи?

— Едва ли мы сумеем оказать ее мистеру Холмсу, не зная его местонахождение.

— Я, по крайней мере, буду уверен, что его нет поблизости.

— Нельзя нарушать процедуру Скотланд-Ярда, сэр.

— Едва ли даже в этот ночной час нам следует питать иллюзии, что можно нарушить привычную процедуру лондонской полиции, — произнес знакомый язвительный голос.

— Холмс! — вскричал я, испытывая огромное облегчение.

Я увидел своего друга в каких-нибудь пяти ярдах от меня. Он медленно подошел, как-то неловко двигаясь.

— Вы настигли убийцу? Или он исчез?

— Боюсь, ответ на оба ваших вопроса будет утвердительным, — ответил детектив и, сделав еще один шаг, слегка пошатнулся, словно теряя равновесие.

— Господи, Холмс, что случилось?

Подбежав, я схватил его за руку. Мое беспокойство еще больше усилилось, когда он не стал протестовать, а тяжело привалился ко мне.

— Помогите ввести его в дом, — попросил я констебля.

— Спасибо, Уотсон. Полагаю, мы и сами справимся. К тому же «дом», о котором вы говорите, скорее всего, является частным владением.

Одного взгляда на окна клуба, где спорили и бурно жестикулировали его члены, было достаточно, чтобы убедиться в правоте Холмса. И я повел друга не туда, а к зданию в южной части двора, который, как я понял из разговоров, называется Датфилдз-Ярд. В проходе, разделяющем квартиры двух семей, Холмс опустился на грязное крыльцо. При более ярком свете я наконец увидел большое пятно крови на его правом плече.

— Господи боже, если бы я сразу заметил это, то не позволил бы вам пройти самому более двух шагов! — вскричал я, осторожно снимая его пальто и фрак, пропитанные кровью.

— Я ожидал чего-то подобного, — пробормотал сыщик, сморщившись от боли, когда я осматривал его рану. — Рад видеть, что с вами все в порядке: ведь удар, который вам нанесли, был очень силен.

Сбросив свое пальто, я начал разрезать карманным ножом Шерлока свой смокинг, как я знал, относительно чистый.

— Ерунда. Потеря бдительности. Глотните. — Я протянул ему фляжку. Холмс принял ее дрожащей рукой.

— Редко приходится сталкиваться с таким быстроногим противником.

— Не желаю слышать никаких объяснений, даже не хочу, чтобы вы вообще сейчас говорили.

Просто удивительно, что я отдавал другу столь категоричные приказы. Но если бы речь не шла о медицине, мне бы и в голову не пришло оспаривать его авторитет.

— Без сомнения, вы правы, доктор. Но позвольте мне переговорить с констеблем. Он ведь будет давать показания в Скотланд-Ярде в наше отсутствие.

— Да расскажите же, хотя бы вкратце, что произошло! — воскликнул я.

— Этот молодчик испугался, что его вот-вот схватят, и побежал к стоящему на отшибе складу. Видно, боялся, вдруг я крикну прохожему, чтобы он остановил негодяя. Здешние улочки он знает как свои пять пальцев — тут у него было явное преимущество. Я не бывал в этих краях уже несколько месяцев, поэтому парочка новых заборов и ворот застали меня врасплох. Мы пробежали где-то с четверть мили, когда он нырнул в лабиринт узких проулков. Я старался не упускать его из виду. Мы оба понимали: если он сбросит меня с хвоста, я не сумею снова взять след. В конце концов я упустил преступника — так, по крайней мере, мне

показалось.

— Потерпите минутку, — попросил я, прижимая наскоро приготовленный компресс к плечу Холмса.

Детектив немного побледнел, но не издал ни звука.

— Я выбежал на пересечение двух очень узких, мощенных камнем проходов. Он завернул за угол, а поскольку через несколько ярдов было еще два поворота в противоположных направлениях, оставалось только гадать, куда двигаться дальше.

— И вы не угадали.

— Нет, — признался он, усмехнувшись уголком рта. — В этом случае не получилось. Я прислушался, но не уловил топота ног. Вскоре я понял, что эта тварь, по-видимому, затаилась у входа в один из домов, отчего и не слышны шаги. Так или иначе, надо было что-то предпринимать, и мне поневоле пришлось возвращаться назад. Когда я очутился в дверном проеме, заметил, как сверкнул нож. Именно тогда и произошел инцидент, последствия которого вы сейчас устраняете. Убийца остановился как раз у пересечения проходов, и я проклиная себя, поскольку проявил беспечность, не заметив, что шум шагов стих мгновением раньше. Однако благодаря быстрой реакции и хорошему защитному рефлексу мне удалось отвести удар.

— Вы очень серьезно ранены.

— Нож был направлен в горло. Сами понимаете: ранение могло быть куда более серьезным. Между тем, пока я собрался с силами, убийца опять ускользнул. Я пытался его преследовать, но вскоре понял, что, увы, не в лучшей форме. Пришлось вернуться.

— Да, ваша рана внушает опасения, — согласился я, завязывая последний узел и вознося хвалу Всевышнему, что обладаю необходимым опытом: в Афганистане неоднократно приходилось обходиться без медицинского инвентаря. — Это все, чем в данную минуту я могу вам помочь. Просуньте руку в эту перевязь — и отправимся в госпиталь.

— Готов выполнить первое ваше распоряжение, но никак не второе. Работы еще непочатый край. У вас есть сигареты? Потерял свой портсигар.

Я открыл было рот, но тут же закрыл, подавив протестующий возглас. Понятно, что Холмса сейчас никоим образом не отстранить от расследования убийства — скорее земля станет крутиться в обратном направлении. Констебль Лэмб, делавший какие-то пометки в блокноте, поднялся с места и зажег спичку, увидев, что я передал детективу сигарету.

— Кстати, Холмс, что внушило вам подозрение?

— Разве Уотсон не сказал? Пони встал на дыбы перед аркой, не желая

двигаться дальше.

— Эти животные нередко бывают пугливы и отказываются идти в плохо освещенное место.

— Согласен, но этот пони направлялся домой. Поводья не были натянуты, тем не менее животное остановилось, увидев что-то необычное, напугавшее его.

— Понимаю, — сказал констебль с сомнением в голосе, что вызвало у меня раздражение. — А убийцу вы описать сумеете?

Сыщик закрыл глаза и прислонился к стене.

— Самое неприятное, что мне даже мельком не удалось увидеть его лицо. Он замотал платком шею и рот и бежал, опустив голову. Одет в темное пальто английского покроя, носит тяжелые башмаки. В левой руке сжимал какой-то сверток в газетной бумаге. А вы разглядели преступника, Уотсон?

С унынием в голосе я ответил, что нет.

— Итак, мистер Холмс, вы и ваш друг утверждаете, что, хотя и столкнулись с убийцей этой ночью дважды, причем каждый по отдельности, не сумеете тем не менее его опознать? Во всяком случае, это крайне маловероятно?

— Вот что, офицер, — ответил мой друг, раздавив ногой окурок. — Хочу задать вам вопрос. Считаете ли вы возможным, чтобы человек кромсал женщин на части в качестве хобби? Вам не кажется, что мы выходим за пределы вероятного и попусту теряем время? Раз мы не сумели решить дело силой, посмотрим, чего удастся добиться посредством одних только логических рассуждений.

Глава 9

Два события

Глубокой ночью мы возвратились в грязный закуток, где все еще оставался труп. Холмс выглядел ужасно, но был настроен решительно. Констебль все время пытался встретиться со мной взглядом, по-видимому, желая удалить со сцены моего друга, но всякий раз видел лишь мой невозмутимый, словно высеченный из камня, профиль.

— Вы что-то трогали?

— Обыскали окрестности в поисках сообщников. Место преступления остается в неизменном виде с момента прибытия полиции.

Возможно, это покажется кому-нибудь неуместным, но меня мучила сильнейшая головная боль — раньше никогда не испытывал ничего подобного. Поскольку я пребывал в полубессознательном состоянии, мне не удавалось пристально следить за действиями своего компаньона, пока он не подошел к констеблю с выражением неукротимой решимости в синева-серых глазах.

— Погибшей от сорока до сорока пяти лет, точный возраст определить трудно: жилось ей, очевидно, нелегко. Женщина курила, но не была горькой пьяницей, а в проулок зашла с убийцей по доброй воле. Убитая иногда пользовалась висячим замком. Незадолго до смерти она уже столкнулась с насилием. Женщина съела гроздь винограда на пару с человеком, убившим ее. Он правша, рост пять футов семь дюймов, англичанин, досконально знакомый с местностью.

Констебль Лэмб недоверчиво сощурился:

— В отсутствие старших по званию я обязан зафиксировать факты, на которых вы основываете свои суждения.

Приготовившись записывать, он положил на колени чемоданчик, явно гордясь своей собственностью.

— Действительно обязаны? — беспечно спросил Холмс. — Она курила, о чем говорит пакетик таблеток для освежения дыхания, зажатый в кулаке. Женщина не выбросила таблетки, спасаясь бегством, — следовательно, пошла с убийцей добровольно. Кроме того, некоторое время назад мне довелось видеть ее в пабе. Тогда к ее жакету не была прикреплена красная роза с белым адиантумом. Прежде чем отвести ее в этот проулок, убийца угостил ее виноградом, веточку которого вы видели рядом с трупом. У нее или у ее знакомого был висячий замок — именно к

нему подходит обнаруженный мною ключ. Еще до убийства она стала жертвой насильственных действий: из уха вырвана сережка. Будь эта женщина безнадежной пьяницей, она бы уже давно заложила один из двух своих гребней.

— Не вижу ничего особенно умного ни в одном из этих утверждений, — пробормотал констебль, лихорадочно записывая сказанное детективом.

— Я бы очень удивился, заметь вы хоть что-нибудь.

— Ладно, мистер Холмс. Если бы вы дождались моего начальства...

— Меня очень радует, что оно у вас есть, но боюсь...

— Они будут здесь с минуты на минуту, сэр.

Констебль Лэмб как в воду глядел. К нам почти бегом приближался явно чем-то смущенный инспектор Лестрейд. Невдалеке от него только что остановились двухколесный экипаж и полицейская карета — подкрепление из Скотланд-Ярда.

— Шерлок Холмс собственной персоной! — рявкнул, как всегда, подтянутый, инспектор, явно обрадованный возможностью дать выход гневу. — Нет нужды спрашивать, почему вы здесь. Я благодарен вам, говорю вполне искренне. Не окажись вы тут, как бы я объяснил два убийства за одну ночь на расстоянии полумили друг от друга? Только Шерлок Холмс, знаменитый частный сыщик, способен сделать это на основе теоретических построений!

— Два убийства, несомненно, требуют объяснения, — молвил мой друг, и я бы согрешил против истины, если стал бы отрицать, что он заметно вздрогнул при этом известии. Я же и вовсе открыл рот от изумления.

— Что, черт возьми, случилось с вашей рукой?

— Если не возражаете, вернемся к захватывающей теме двойного убийства, — огрызнулся Холмс так, что стало ясно: он крайне обеспокоен, и свойственная ему показная беспечность разбилась вдребезги.

— О, это, без сомнения, представляет большой интерес, — усмехнулся Лестрейд. — Понятно, что в глазах властей два убийства заметно прибавляют в весе, если они следуют с интервалом в час, в двадцати минутах ходьбы!

— Вот как? — единственное, что сумел сказать в ответ детектив.

— Можете говорить что угодно, мистер Холмс, но вы должны знать: новое убийство требует незамедлительного расследования! Оно еще более ужасно, чем то, которым вы занимаетесь.

Мне пришлось вмешаться, поскольку я сомневался, что мой друг

способен сейчас говорить:

— Мы обнаружили это преступление в момент его совершения. Что еще натворил этот злодей, после того как его спугнули?

Лестрейд настолько уверовал во всеведение Холмса, что теперь выглядел совершенно ошеломленным.

— Не надо трепать мне нервы! Вы что, хотите сказать, будто ничего не слышали о второй жертве этой ночи? Об этих жутких надругательствах над трупом: извлеченных внутренностях, разбросанных повсюду кишках, изрезанном лице? Я намерен во что бы то ни стало добиться от вас правды об этих злодеяниях!

— Лестрейд, — возразил мой друг, — уверяю вас: я ничего не знаю о том, что вы рассказали, но немедленно сажусь в кэб, чтобы помочь вам. Где произошло второе убийство?

— Холмс, я запрещаю вам... — начал было я, но стоило моему другу сделать шаг в сторону экипажа, как его железное здоровье наконец изменило ему, и он вцепился в окно кэба, чтобы не упасть.

— Мы отвезем вас в больницу. Я даже не буду слушать ваши возражения!

— В больницу?! Проклятие, что с ним? — вскричал Лестрейд.

— Он преследовал убийцу и стал жертвой нападения. Не хочу даже думать, что случится, если он станет напрягать силы хотя бы мгновением дольше. Кэбмен, везите в Лондонский госпиталь!

— Предпочел бы Бейкер-стрит, — подал голос сыщик, когда я уже почти втащил его в экипаж Лестрейда.

Я сделал попытку присоединиться к другу.

— Вам нельзя сопровождать меня.

— Почему же, во имя всего святого?! — воскликнул я, задетый за живое.

— Вы поедете на место второго убийства. Захватите с собой мисс Монк, ее наблюдательность бесценна. Вдвоем возьмете на заметку все, что увидите, и расскажете, когда мы встретимся вновь. Проследите, чтобы никто не обидел мисс Монк.

Отдавая распоряжения, он время от времени замолкал, чтобы обратиться с силами. Эти паузы, конечно, не помогали разогнать мои страхи.

— Я должен охранять мисс Монк, в то время как вы...

— Ничего подобного! Вам предстоит вести расследование убийства до моего выздоровления. Будьте осторожны, Уотсон. Поехали! — крикнул Холмс.

И лошадь легким галопом понесла экипаж во тьму, оставив стоять

меня, истеричного инспектора, констеблей и неустрашимую мисс Монк. Она только что появилась из дверей клуба, спокойная и решительная.

— Мистер Холмс уехал? — спросила она, увидев удаляющийся кэб.

— Да, — коротко ответил я. — Он плохо себя чувствует. Произошло еще одно убийство.

Рука девушки метнулась к губам, но она быстро овладела собой.

— Нам лучше быстрее убраться отсюда, а то потом неприятностей не оберешься.

Хоть я и пребывал в смятении, но не сомневался, что Мэри Энн права.

— Лестрейд, где произошло новое преступление?

— Западнее, на Митр-сквер, — ответил инспектор, все еще явно пребывая в состоянии паники и глядя туда, где скрылся кэб с Холмсом. — Инспектор Томас уже прибыл, поэтому я доставлю вас на место сам. Однако вынужден предупредить, что убийство произошло в пределах лондонского Сити, на который юрисдикция Скотланд-Ярда не распространяется.

Сити, центр восточной части столицы, зеркально отраженный в Уэст-Энде округом Вестминстер, был ограничен территорией в одну квадратную милю. Он охранялся не Скотланд-Ярдом, а собственными немногочисленными полицейскими силами, которые подчинялись муниципальным властям лондонского Сити. Я не знал из этой службы никого, с кем имел дело Холмс, поэтому с благодарностью воспользовался эскортом, предоставленным Лестрейдом.

— Отправимся в путь, — сказал я с бесцеремонностью, порожденной страхом. — Нельзя больше терять времени.

— Минуточку, — остановил меня Лестрейд, удивленно взирая на мисс Монк. — Кто эта юная особа? Вы живете здесь по соседству?

— Меня зовут Мэри Энн Монк, сэр, — представилась она. — Я работаю на мистера Шерлока Холмса.

Инспектор возвел глаза к небу и покачал головой, но, к его чести, этим и ограничился.

— Нисколько не сомневаюсь, мисс, что так оно и есть. Однако вынужден заявить, что эту юную леди следует представлять, если это потребуется, как сотрудницу мистера Холмса, а не Скотланд-Ярда, иначе к завтрашнему утру с меня снимут голову. Ладно, все в карету — и на Митр-сквер. Надеюсь, доктор, вы сумеете вынести это зрелище. Если убудку не уготовано особое место в аду, я рискую потерять веру в справедливость устройства мира.

Мы проехали по Коммершиал-роуд в западном направлении, свернули на Уайтчепел Хай-стрит и оказались в самой древней части обширного королевства Ее величества. Никто не проронил ни слова: казалось, отсутствие Холмса ввергло присутствующих в безмолвие, подействовав на них даже сильнее, чем известие о втором за ночь убийстве. Я испытывал сильнейшее беспокойство за здоровье друга, но даже это не могло отвлечь от назойливой мысли: уайтчепелский убийца — самая страшная угроза, когда-либо наводившая ужас на жителей Лондона. Что мы способны противопоставить ему в отсутствие Холмса? Никогда в жизни я еще не попадал в столь неловкое положение, однако сжал зубы и был полон решимости сделать все от меня зависящее.

Впрочем, времени на беспокойство у нас было мало: вся поездка заняла не более пяти минут. Экипаж остановился на Дьюк-стрит. Дальше шли пешком. Миновав Большую синагогу, мы нырнули в крытый переход. Выйдя на широкую площадь, увидели группу угрюмых полисменов, окруживших тело убитой так плотно, что его не было видно. Труп лежал перед пустым домом с зияющими окнами. Обвившие здание ползучие растения еще больше усугубляли картину упадка.

На звук наших шагов обернулся высокий, хорошо сложенный человек с военной выправкой и пронизательным взглядом, в одежде модного покроя.

— Мы расследуем убийство, — объявил он. — Вам нужно покинуть площадь, чтобы случайно не уничтожить улики.

— Я инспектор Лестрейд из Скотланд-Ярда. — Детектив нерешительно протянул руку в знак приветствия. — Майор Генри Смит, если не ошибаюсь? Честно говоря, сэр, мы занимаемся аналогичным преступлением, совершенным на Бернер-стрит. По всем признакам, убийца — один и тот же человек.

Майор Смит аж присвистнул от изумления.

— Господи, инспектор!.. А вы кто? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Доктор Джон Уотсон. Я невольно стал свидетелем преступления.

— Ваше имя мне знакомо. Говорите, что находились там и спугнули убийцу?

— Да.

— Этот человек взят под стражу?

— Предполагаю, что, бежав, он совершил второе убийство, жертву которого вы обнаружили на этой площади.

— То, что вы говорите, невероятно, сэр. Простите, но, учитывая ваше присутствие здесь, позвольте спросить: какую роль во всей этой истории

вы отводите мистеру Шерлоку Холмсу?

Я замялся.

— Он преследовал убийцу, и тот напал на него. Мистера Холмса увезли в больницу. — Сделав жест в сторону Мэри Энн, я добавил: — Эта девушка помогает нам с мистером Холмсом проводить расследование.

— Мэри Энн Монк, сэр. Рада познакомиться с вами.

— И я рад. Хорошо, что мы представились друг другу, — сказал майор Смит, явно не желая выяснять, уместно ли здесь присутствие мисс Монк. — Констебль Уоткинс наткнулся на убитую во время обхода. Полный круг занимает у него около тринадцати минут, и он уверяет меня, что в половине второго трупа на площади еще не было. Обнаружив тело, Уоткинс немедленно послал ночного сторожа ближайшего склада за подкреплением и никуда не отлучался. Вы можете произвести осмотр несчастной, доктор Уотсон, пока ее не отвезли в морг.

— Мисс Монк, обойдите, пожалуйста, площадь, вдруг найдете что-то необычное, — попросил я, многозначительно взглянув на девушку.

Она последовала моему совету, а мы с Лестрейдом пробрались сквозь скопление полицейских. Инспектор, держа одну руку наготове, чтобы делать записи, второй хлопнул меня по плечу и кивнул головой. Я присел на корточки рядом с жертвой.

— Горло перерезано от уха до уха. Серьезные ножевые ранения обоих век, щек и кончика носа. Живот разрезан полностью, кишки выпущены наружу и свисают с правого плеча. Сильно повреждены матка, толстая кишка, поджелудочная железа... — Я сделал паузу, чтобы перевести дыхание. — Нам следует дождаться результатов вскрытия трупа, чтобы выяснить полную картину ранений. Пролитая кровь позволяет предположить, что увечья были нанесены уже после смерти.

Какое-то время все молчали. Лестрейд, вздохнув, засунул блокнот в карман пальто.

— Ясно одно: после столкновения с мистером Холмсом этот зверь набросился на первую же подвернувшуюся жертву. Последние убийства были чудовищны, но это... Монстр буквально впал в неистовство.

Из мрачных раздумий меня вывело деликатное прикосновение женской руки.

— Ее ухо, доктор.

Мэри Энн устремила взор на изуродованный труп. Лишь высокая нота голоса выдала нервное напряжение, в котором девушка пребывала.

— Вы видели ее ухо?

— Да. Маленький кусочек уха отрезан.

— Вспоминаете письмо? — После слов мисс Монк текст этого послания как будто вновь возник перед моими глазами. — Конечно! — воскликнул я. — В письме говорится именно о таком увечье. Вы помните, как там написано?

— «В следующий раз я отрежу у дамочки уши и пришлю в полицию. Хочу, чтобы вы повеселились», — выдохнула она.

— Буду благодарен, если вы назовете мне получателя этого письма, — спокойно сказал майор Смит.

— Оно было отправлено на адрес Центрального агентства новостей в прошлый четверг, — ответил я. — Как уже упоминала мисс Монк, в письме сказано, что, если его автору представится такая возможность, уши следующей жертвы будут отрезаны.

— Да что вы говорите! Насколько я знаю, это послание так и не было опубликовано?

Я покачал головой:

— Холмс вернул его в агентство. В конце письма стояла подпись «Джек Потрошитель».

— Все верно, — процедил сквозь зубы Лестрейд, — но мы предполагали, что это мистификация. Создается впечатление, что этот безумец не только гоняется за шлюхами, чтобы резать их на куски, но и информирует под псевдонимом английскую прессу о своих дальнейших действиях.

— Внешне все выглядит именно так.

Инспектор шлепнул себя ладонью по лбу:

— Я не собираюсь больше терпеть подобное! После того как злодей благополучно скрылся, совершив два убийства за одну ночь, газетчики разорвут нас на мелкие части, будут неделями склонять наши имена... Шум поднимется на всю страну!

— Успокойтесь, инспектор, — вмешался майор Смит. — Оба эти преступления только что совершены. Невозможно сделать такое, не оставив ни малейшего следа. Не исключаю, что уже этой ночью мы сумеем схватить Джека Потрошителя.

Мэри Энн, как я догадался, осматривала все вокруг. На этот раз она вернулась с каким-то смущенным видом.

— Никак не удастся найти его!

— Что, мисс Монк?

— Кусок передника. На нем кровавая дыра. Едва ли бедняжка износила его до такой степени. Швы аккуратно разрезаны в том месте, где на переднике отсутствует кусок. Она наверняка чинила его или отрывала

лоскуток.

Майор Смит подошел, чтобы взглянуть самому.

— Вы правы, мисс Монк. Констебль Уоткинс, сообщите, что кусок передника убитой был отрезан, по всей видимости, преступником.

Повернувшись к инспектору Лестрейду, он вступил с ним в негромкий деловой разговор.

Шел уже четвертый час утра. У меня не было ни инструментов, ни права начинать вскрытие трупа. Холмс, конечно, понимал, что я не более способен ползать на карачках, изучая сигаретный пепел и отпечатки пальцев, чем возвратиться к жизни очоленевший труп. Полиция округа Сити уже, без сомнения, завершила свое расследование с весьма скудными результатами. Меня захлестнуло невыносимое ощущение собственной ничтожности: а что, если они не обнаружили ключ к тайне? Тогда именно на меня ложится обязанность отыскать кусочек ветки, клочок бумаги, пятно грязи — то, что подсказало бы решение Холмсу.

Когда нам с мисс Монк уже казалось, что эта страшная длинная ночь близится к концу, послышался тяжелый топот ног бегущего полисмена.

— Майор Смит, удалось кое-что обнаружить! — выдохнул он. Грудь полицейского вздымалась. — Отсутствующий кусок передника! Констебль лондонской полиции нашел его во время обхода и дал знать в участок на Леман-стрит, а они телеграфировали сэру Чарльзу Уоррену. Речь идет о нашем человеке, Дэниеле Халсе, но сообщение попало на Гулстон-стрит, территорию, контролируемую лондонской полицией. И теперь сэр Чарльз собирается его стереть!

— О каком сообщении вы говорите? Соberитесь с мыслями.

— Оно было оставлено убийцей, сэр. Этот негодяй использовал кусок передника, чтобы вытереть нож. Обрывок ткани нашли на земле, под надписью на стене.

— Боже правый, мы должны немедленно взглянуть на ткань!

— Кроме того, наши люди обнаружили улику на Дорсет-стрит. Таз с окрашенной кровью водой, где убийца, по-видимому, мыл руки.

— Мы немедленно отправляемся на Дорсет-стрит, — мгновенно отреагировал майор Генри Смит. — Инспектор Лестрейд, мы вторгаемся на вашу территорию — Гулстон-стрит. Я буду вам очень признателен, если вы посмотрите вместе с вашими компаньонами, нет ли там чего-нибудь интересного, и сообщите о своих наблюдениях Халсу, нашему сотруднику. Доктор Уотсон, передайте от меня привет мистеру Холмсу, — добавил он, а потом резко развернулся и покинул площадь.

В близко посаженных, как у хорька, глазах Лестрейда мелькнул

проблеск надежды.

— Я не позволю сэру Чарльзу, пусть он даже и комиссар лондонской полиции, уничтожить какую бы то ни было улику, прежде чем сам взгляну на нее! А вы, доктор, тоже берите все на заметку. Шерлок Холмс, когда выздоровеет, захочет узнать об этом свидетельстве.

Глава 10

Уничтожение улики

Ожидание путешествия вызвало у меня нервное возбуждение: ведь нам предстояло следовать дорогой, которой прошел убийца, спасаясь от Холмса. Десятиминутная пешая прогулка заняла всего три минуты в экипаже, поэтому мы быстро очутились на Гулстон-стрит. Преступник, по видимому, пробежал по Стоуни-лейн, пересек Миддлсекс-стрит и прошел квартал по Уэнворт-стрит, прежде чем нырнуть в тихую, безлюдную Гулстон-стрит.

Когда мы подошли к двери, где в беззвездной тьме, как горгулья над башней замка, стоял на страже детектив Дэниел Халс, нашему взору предстала любопытная картина. Инспектор Скотланд-Ярда держал в руке большой кусок губки, а рядом молча толпились констебли как лондонской полиции, так и округа Сити, ожидая, чтобы начальство разрешило ожесточенный спор.

— Я настаиваю, инспектор Фрай, — заявил детектив Халс, очевидно, повторяя для вновь прибывших свой главный аргумент, — что уничтожение улики против этого изверга противоречит самой сути следствия, основанного на достижениях науки.

— А я утверждаю, детектив Халс, — упрямо возражал инспектор Фрай, — что, если огласить послание, это вызовет беспокойство в обществе, что явно противоречит британской морали и принципам совести. Неужели, детектив, вам безразличны английские нормы приличия?

Казалось, эти двое сейчас подерутся, но тут между спорщиками возникла худощавая фигура Лестрейда.

— Я решу, как нам следует поступить в данном вопросе. Будьте добры, отойдите в сторону.

Подняв фонарь, Лестрейд направил его луч на темные кирпичи. Станным сползающим вниз почерком на стене была выведена мелом загадочная надпись следующего содержания:

Евреи — люди,

которые ни в чем

не виноваты

— Видите ли, инспектор Лестрейд, — ведь так вас зовут? — спокойно сказал инспектор Фрай, — мы можем вызвать беспорядки. Не хотел бы я оказаться посреди разъяренной толпы. К тому же нет никаких оснований считать, что эти слова написаны убийцей. Судя по почерку, это скорее неуравновешенный юноша.

— Где кусок передника? — спросил Лестрейд у констебля.

— Его отнесли в полицейский участок на Коммерциал-стрит. Очертания темных пятен на нем именно такие, какие оставляет лезвие перепачканного ножа, когда его вытирают.

— Тогда, без сомнения, он выбросил его намеренно, — сказал я Лестрейду. — Поскольку раньше он не оставлял никаких следов, у нас есть все основания предположить, что он обронил окровавленную тряпку, чтобы привлечь внимание к этой будоражащей сентенции.

— Согласен с вами, доктор Уотсон, — тихо ответил Лестрейд. — Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы помешать им уничтожить улику.

— Не понял вас, сэр, — сказал инспектор Фрай.

— Надпись необходимо сфотографировать! — крикнул детектив Халс. — Так чтобы полиция округа Сити имела возможность внимательно изучить ее.

— У меня есть приказ сэра Чарльза, — заявил инспектор Фрай, с трудом подавляя ярость, но стараясь при этом держаться с достоинством.

— Послание на стене можно закрыть куском темной ткани, — заметил констебль.

— Отличная идея, позволяющая сохранить улику, — кивнул Лестрейд.

— При всем к вам уважении, не думаю, что это соответствует намерениям сэра Чарльза.

— Если стереть губкой только верхнюю строчку, никто об этом и не узнает, — предложила мисс Монк.

— А что, если, — вставил и я свое веское слово, — стереть только слово «евреи», а все прочее оставить как есть?

— Именно то, что нужно! — вскричал Лестрейд. — Так гораздо лучше: никакой опасности, если кто-то прочтет надпись.

— Ну тогда, чтобы укрыть ее от посторонних взглядов, нам впору обнести эту надпись гирляндой из маргариток, — заметил инспектор Фрай с издевательской учтивостью.

— Должен заметить, сэр, — проворчал детектив Халс, — через час будет достаточно света, чтобы сделать фотографию. Солнце вот-вот взойдет. До этого времени закроем эту проклятую надпись чем угодно, но я умоляю вас не уничтожать такую важную улику.

— Это трудное решение не в моей компетенции.

— Его приму я, — сказал кто-то звучным баритоном.

К моему удивлению, это был сам сэр Чарльз Уоррен, имеющий награды ветеран войны, служивший в свое время в Королевских инженерных войсках и Министерстве по делам колоний. Он прославился, пытаясь выволить из осады моего героя, несравненного генерала Гордона, когда тот оказался в безнадежной ситуации, сдерживая в Хартуме превосходящие силы противника. Сэр Чарльз был безупречно одет, словно бы его и не разбудили посреди ночи, сообщив крайне неприятную весть. Решительный изгиб высокого округлого лба, внушительность аккуратно расчесанных, длинных, свисающих усов, монокль, непреклонная твердость взгляда — все говорило о том, что мы нарвались на серьезные неприятности.

— Я прибыл из полицейского участка на Леман-стрит, — объявил он, — крайне озабоченный пришедшими отсюда новостями. Приказываю вам уничтожить это постыдное проявление антисемитизма, пока не началось движение в сторону рынка на Петтикоут-лейн.

— Позвольте возразить, сэр, — заметил Лестрейд, — но у нас есть менее радикальные способы решить эту проблему.

— Вы так считаете? На этой стене я вижу надпись возмутительного содержания. Она должна быть полностью стерта.

— Этот детектив, сэр, послал за фотографом.

— Для какой надобности?

— Чтобы сделать это послание доступным и для полиции округа.

— Мне глубоко наплевать на фотографов из Сити. В случае беспорядков они не будут, как я, призваны к ответу в Министерство внутренних дел, если эта нелепая надпись останется на месте.

— Но мы могли бы прикрыть ее, хотя бы на полчаса.

— Я не поддаюсь на уговоры и не вступаю в сделки, — заявил бывший полководец. — Как ваше имя?

— Инспектор Лестрейд, сэр Чарльз.

— Что ж, инспектор, вы проявляете похвальный пыл в полицейской работе. Сдается мне, вы всем сердцем отстаиваете подлинные народные интересы. Вот почему вы возьмете сейчас у коллеги губку и сотрете эту гнусную мазню. После этого мы вернемся к настоящей сыскной

деятельности.

Губы инспектора Лестрейда сжались в недовольную черточку. Ярость изогнула дугой узловатые брови детектива Халса. Не сдержавшись, он ударил ладонью о стену и отошел в сторону. Лестрейд взял у Фрая влажную губку и подошел к надписи, по дороге остановившись и бросив на меня многозначительный взгляд.

— Не переживайте, доктор, — прошептала Мэри Энн. — Я под шумок все переписала.

Я кивнул Лестрейду, и тот принялся стирать со стены любопытную улику. Закончив, он швырнул губку в грудь инспектора Фрая и повернулся к комиссару полиции:

— Исполнено, как вы приказали, сэр Чарльз.

— Вы предотвратили пожар социального взрыва, погасив его искру. У меня много забот в других местах. Благодарю вас, джентльмены.

Сказав это, сэр Чарльз Уоррен направил свои стопы к полицейскому участку, а собравшиеся стали расходиться.

Лестрейд со страдальческим видом смотрел на стену.

— Доктор Уотсон, детектив Халс, мне нужно сказать вам пару слов.

Мы втроем медленно побрели к ожидающему нас кэбу. Мисс Монк шла в трех или четырех футах сзади.

— Вынужден признаться, что все было сделано неправильно, — заговорил Лестрейд с достоинством, которого я раньше никогда не замечал в поведении этого вспльчивого, похожего на крысу следователя. — Доктор Уотсон, прошу вас отправить копии надписи как в полицию Лондона, так и округа Сити.

— Это необходимо сделать немедленно.

— Никогда не был знаком с сэром Чарльзом, — сказал инспектор. — Не горю желанием встретиться с ним снова, но в одном он прав: надпись могла погрузить в хаос целый район Лондона.

— Не в этом дело, — сердито возразил я, но Лестрейд протестующее поднял вверх руку:

— Я не любитель фантастических теорий, доктор, и, как бы ни был проницателен мистер Холмс, иногда создается впечатление, что его место в Бедламе, ^[12] а не на Бейкер-стрит. Однако фактам я верю, а это написанное мелом послание — совершенно достоверный факт. Желаю вам спокойной ночи, детектив Халс. Без сомнения, вы объясните своему начальству, что у нас не было ни малейшего шанса.

Детектив полиции округа Сити откланялся и пошел своей дорогой. Было видно, что он все еще борется с охватившим его гневом.

— Лестрейд, — обратился я к инспектору, — был очень рад видеть вас, но, думаю, надо срочно ехать к Холмсу. Ему нужно столько всего сообщить, а я опасюсь, что мы застанем его не в самом лучшем состоянии.

— Поверьте, доктор Уотсон, мысль об этом сильно меня угнетает. Мне нужно возвратиться в Датфилдз-Ярд, но я оставляю вам кэб. Все могло обернуться совсем по-другому нынешней ночью, если бы мистер Холмс был с нами до самого конца. Готов пожертвовать полсотни фунтов, чтобы Шерлок Холмс был рядом, когда нашему комиссару полиции в следующий раз взбредет в голову уничтожить важную улику. Буду признателен, если вы передадите эти слова Холмсу.

Лестрейд на прощание слегка коснулся шляпы и побрел на восток, в ту сторону, где уже брезжил рассвет.

И тут я заметил, какой бледной и осунувшейся выглядит моя спутница. Я взял ее за руку:

— Мисс Монк, вам нехорошо?

— Ничего серьезного, доктор. Мы по чистой случайности оказались в гуще событий, но скажите: могли вы хотя бы раз в жизни помыслить о таком ужасном злодействе? — Она закрыла лицо руками.

— Нет, — тихо ответил я. — И меня одолевают точно такие же думы, моя милая. Садитесь в кэб, и я мигом доставлю вас домой. Вы ведь нашли себе жилье получше?

— Буду благодарна, доктор, если вы отвезете меня на Грейт Гарден-стрит. Я снимаю там комнату. Мистер Холмс, конечно, захочет узнать обо всем, что мы видели. Мы ему расскажем, но не сейчас — я просто не выдержу.

Помогая ей забраться в экипаж, я искал слова утешения, но они замирали, не успев сорваться с губ. Я испытывал немое сочувствие к мисс Монк: она провела целую ночь на холоде, преследуя изверга, одержимого страстью зверски убивать женщин, подобных ей. Мэри Энн уткнулась головой в отворот моего пальто, и мы промолчали весь недолгий путь. Вскоре мы попрощались у дверей ее дома.

— Вам необходимо выспаться. Когда отдохнете хорошенько, приходите на Бейкер-стрит. У меня нет слов, чтобы выразить восхищение вашим мужеством, мисс Монк. Уверен, Холмс сказал бы то же самое.

Я покинул ее, вернувшись в кэб совершенно разбитым, с болью в сердце. Первые рассветные лучи уже играли в трещинах брусчатки.

Не успел я преодолеть, запыхавшись, три низкие ступеньки перед нашим домом и повернуть ключ в замке, как дверь раскрылась и в проеме

возникло знакомое доброе лицо миссис Хадсон с поднятыми на лоб очками. Пуговицы на ее левом рукаве были застегнуты неправильно.

— О, доктор Уотсон! — вскричала она, хватая меня за плечи. — Чуть не сошла с ума, думая о том, что пришлось пережить вам с мистером Холмсом! Я до смерти испугалась, увидев его несколько часов назад, когда он приехал домой. Скажите, доктор, кто сотворил с ним такое? Он мне ни слова не сказал. Я только что закончила отскрести кровь с пола на кухне.

Отважная женщина коротко всхлипнула и дала волю долго сдерживаемым слезам.

— Миссис Хадсон, вы всё об этом узнаете. Но прежде всего скажите, жизни Холмса угрожает опасность?

— Не знаю, доктор. Посреди ночи меня разбудил громкий стук. Когда я увидела мистера Холмса, то решила, что он потерял ключ. Но он так странно привалился к дверному косяку, и рука почему-то была перевязана черными тряпками... Тогда я поняла: с ним случилась беда. Я сразу же его впустила, но не успел он сделать и двух шагов, как упал на перила и поглядел вверх, в сторону ваших с ним комнат, как будто ему предстояло взойти на гору. А потом мистер Холмс говорит: «Пройдемте на кухню, миссис Хадсон, с вашего разрешения, — и там рухнул на стул. — Немедленно сходите за доктором, — сказал он в своей властной манере. — Ведь Уотсон не единственный врач во всей округе. Есть еще этот парень в доме двести двадцать семь — копна темных волос, чиненые башмаки, запах йодоформа, который он за собой оставляет, — разбудите его, пожалуйста». И откинул голову назад, словно в обмороке. Когда я оставила его, меня охватила такая паника, что я сама не пошла за доктором, а послала мальчика-слугу. Вскоре Билли привел того парня по имени Мур Эгер, он действительно врач. Билли четыре раза бегал вверх и вниз по лестнице, чтобы принести нагретую мной воду. Но все это было несколько часов назад, а доктор Эгер так и не спустился.

Я преодолел семнадцать ступенек, перепрыгивая через одну, и, войдя в нашу гостиную, обнаружил там красивого, высокого, круглолицего человека с волевым лицом, копной волнистых каштановых волос и глубоко посаженными, задумчивыми карими глазами. Он сверял часы на камине со своими. Доктор был одет как безупречный джентльмен, в темный твидовый костюм. Я заметил элегантный котелок, небрежно брошенный на канapé, но на локтях и коленях его одежда протерлась почти до дыр, а края шляпы обтрепались. При моем стремительном появлении он поднял глаза.

— Доктор Мур Эгер, к вашим услугам, — сказал он. — Я имел честь наложить швы вашему другу в соседней комнате. Он потерял много крови,

но, надеюсь, благополучно выйдет из этой передраги.

— Благодарение Господу! — облегченно выдохнул я, опустившись в кресло. — Это первая хорошая новость за всю нынешнюю ночь. Прошу извинить меня, доктор Эгер, но я совсем выбился из сил. Довелось пережить тяжелые испытания. Миссис Хадсон сказала, что вы наш сосед.

— Так оно и есть. Я живу через два дома отсюда и только начинаю практиковать, что вряд ли служит хорошей рекомендацией, но, думаю, вы подтвердите мои выводы и сами убедитесь, что с вашим другом все в порядке. Ведь вы — доктор Уотсон, прославленный врач мистера Холмса?

— Всего лишь его биограф. Шерлок Холмс совершенно не интересуется состоянием своего здоровья, — ответил я, пылко пожимая протянутую мне руку.

Доктор Эгер рассмеялся:

— В этом нет ничего удивительного. Гениальные люди зачастую не обращают внимания на мелкие неприятности. Эту рану, однако, никак не назовешь пустячной. Разрывов мышц нет, но сильно повреждены ткани, и вы не хуже меня знаете, что потеряно много крови.

— Мой друг будет вам очень благодарен.

— У мистера Холмса нет для этого причин. Возможно, когда вы оба оправитесь, расскажете подробнее о том, что с вами случилось. Теперь же я предписываю вам отдых. Я впрыснул морфий мистеру Холмсу, но, если вам удобно делать уколы самому, я не буду оставлять свои запасы. Полагаю, вы сумеете раздобыть свежие бинты и прочее. Бедность заставляет быть грубым. Точнее сказать, излишняя практичность испортила мои манеры. Как бы там ни было, приношу свои извинения. Удачного дня, мистер Уотсон, — сказал юный врач, выходя из гостиной и спускаясь по лестнице.

Я тихо прошел в спальню Шерлока, где на меня со всех сторон злобно уставились знаменитые преступники, небрежно приколотые кнопками к стенам. Мой друг хоть и был смертельно бледен, но дышал ровно, погрузившись в целительный сон. Я неплотно прикрыл дверь и спустился вниз, чтобы выслушать успокаивающие речи миссис Хадсон. Затем снял стеганое одеяло со своей кровати и извлек налитый до краев стакан бренди из буфета. Уютно устроившись на диване, чтобы до меня было легко докричаться, я заснул как раз в тот миг, когда солнечный свет проник в окна через плотно закрытые шторы.

Глава 11

Митр-сквер

Проснувшись, я с удивлением обнаружил, что уже почти ночь. Я с трудом принял сидячее положение и увидел у ног поднос с несколькими кусками мяса и чашкой холодного бульона, который чудесным образом улучшает мое состояние. Предположив, что сильная усталость вынудила меня проспать целый день, я корил себя за то, что ни разу не навестил Холмса. Заглянув в его комнату, я немного успокоился при виде свечи и чайного подноса, которым явно пользовались. Конечно же, его принесла сердобольная миссис Хадсон. Я умылся и переоделся, надеясь, что это взбодрит меня, но дурнота и головная боль только усилились. Я поправил бинты на Холмсе и вновь рухнул на диван, рассчитывая, что завтра к утру наше самочувствие улучшится.

Птицы еще пели, но, когда я вновь открыл глаза, проникавший в комнату свет подсказал мне, что утро уже в разгаре. Меня вдруг охватил необъяснимый страх: внезапно показалось, что нужно немедленно вспомнить какое-то произошедшее накануне событие, но через мгновение я пришел в себя и поспешил в спальню Холмса.

Представшая взору картина вызвала у меня вздох облегчения. Шерлок сидел непричесанный на кровати среди вороха газет, колени устланы телеграммами, сигарета неловко зажата в левой руке. Как видно, он пытался рассортировать свою обильную переписку.

— А, Уотсон! Могли бы и не стучать. Приветствую вас, мой дорогой друг.

— Приношу свои извинения, — рассмеялся я, — но мне сказали, что вы совсем плохи.

— Полная чепуха. Здоров как бык. Если говорить начистоту, я крайне недоволен собой, — добавил он, произвольно дернув бровью, — штрих, сказавший мне больше слов о его состоянии. — Впрочем, неважно. Миссис Хадсон и Билли принесли мне все, в чем я нуждался. А теперь садитесь в кресло и расскажите об ужасах, свидетелем которых стали.

Я постарался ничего не пропустить: ни всеобщего огорчения из-за постигшего Холмса несчастья, ни отрезанных ушей у второй убитой женщины, ни спора нашего доброго знакомого Лестрейда с его начальником. Битый час Холмс сосредоточенно слушал с закрытыми глазами, а я напрягал память, боясь упустить малейшую подробность, пока не добрался

до возвращения домой и знакомства с доктором Муром Эгером.

— Мы непростительно потеряли воскресенье! В мое отсутствие полиция, несомненно, очистила оба места преступления от всех улик. А история с написанным мелом посланием — вообще настоящая трагедия. Я же не помню ничего, начиная с того момента, как вышел из кэба, и до девяти часов сегодняшнего утра. Конечно, я вычислил профессию обитателя Бейкер-стрит, двести двадцать семь, много месяцев назад, но все же миссис Хадсон не сразу удалось его разыскать.

— Я и сам никак не мог решить, то ли ехать к вам, то ли оставаться в Ист-Энде.

— Подобное рвение делает вам честь, доктор. А как вам нравятся семь срочных сообщений, что я успел уже получить за это утро?

— Целых семь? Я весь внимание.

— Буду придерживаться той последовательности, в которой я их читал. Прежде всего, записка от доблестного инспектора Лестрейда. Он передает наилучшие пожелания и просит доставить ему текст того весьма любопытного послания, что вы безуспешно пытались сберечь.

— Мисс Монк передала его мне. Я тотчас пришлю копию.

— Следующее. Джордж Ласк, президент Уайтчепелского комитета бдительности, шлет мне поклон и сообщает, что отправил письмо королеве с предложением наградить меня.

— Боже правый! Лондон тогда превратится в суший бедлам!

— У меня сходные предчувствия. Вот еще весьма обстоятельное письмо от майора Генри Смита. В конверт вложены результаты вскрытия трупа, обнаруженного в Сити. Через минуту мы вернемся к делам, а сейчас налейте мне, пожалуйста, еще чашечку кофе. Моя обычная подвижность, как видите сами, значительно ограничена соседом, живущим через два дома от нас. Я ему очень обязан. Четвертое сообщение — телеграмма от моего брата Майкрофта: «Навещу тебя при первой же возможности. Уайтхолл взволнован последними событиями. Быстрее выздоравливай, твоя смерть сейчас была бы крайне несвоевременна».

— Присоединяюсь к этому мнению.

— Пятое: мисс Монк просит назначить ей удобное время для встречи.

— Она проявила чрезвычайную силу духа.

— За что я ей весьма благодарен. Шестое: визитная карточка мистера Роулэнда К. Вандервента — он желает получить аудиенцию. И, наконец, нелепое послание от репортера, который требует дать ему интервью, чтобы ознакомить общество с ходом следствия.

— Это сейчас не самое важное.

— Я намерен отказать ему, но в этом письме звучит зловещая нотка. Посудите сами.

Записка была отпечатана на машинке на листке дешевой желтоватой бумаги с какими-то темными пятнами по краям.

Мистер Шерлок Холмс!

В интересах общества и вашей репутации я настоятельно прошу вас встретиться со мной в заведении Симпсона, чтобы обсудить некоторые важные вопросы. Буду ждать вас сегодня в десять часов вечера. Приходите один.

Лесли Тависток

Я повертел в руках это таинственное приглашение.

— Холмс, автор не пишет, что он газетчик.

— А зачем? Любому, кто разбирается в пишущих машинках, это и так ясно. Достаточно посмотреть на характеристики данного устройства. Мистеру Тавистоку должно быть стыдно, если у него, конечно, нет для этого иного повода, за отсутствующий хвостик буквы «у», наполовину стертую верхнюю черту у «d» и еще девять сильно износившихся букв.

— Разве только журналисты немилосердно относятся к пишущим машинкам?

— Ни в одной другой профессии не нужно так часто прикасаться кончиками пальцев к дешевой типографской краске. Есть еще несколько любопытных обстоятельств, но, боюсь, нам придется вернуться к кровавым убийствам субботней ночи. Пусть наш таинственный репортер сам разбирается в своих умственных построениях. Вот краткий отчет о вскрытии, записанный майором Смитом. Прочитайте его, пожалуйста, вслух, так чтобы я мог проверить собственные догадки.

— «При доставке трупа на Голден-лейн часть уха отвалилась. На печени три пореза разной величины, ножевая рана паха, глубокие разрезы матки, толстой кишки, поджелудочной железы и левой почечной артерии. С прискорбием констатирую, что левая почка целиком извлечена убийцей из тела». Но это не лезет ни в какие рамки!

— Я предвидел что-то подобное.

— Но, Холмс, почка размещается за несколькими другими органами, не говоря уже о том, что она защищена оболочкой! Выходит, он вовсе не боялся, что его обнаружат, раз скрылся с места преступления с почкой...

— Хм! Чудеса, да и только. Продолжайте, будьте так любезны.

— «Кровотечение, вызванное нарушением свертывания крови в брюшной полости, указывает на то, что она была мертва еще до того, как убийца произвел над ней вышеуказанные действия. Приложен полный перечень вещей и одежды покойной в момент ее смерти». Подписано майором Генри Смитом, который передает вам привет и выражает сожаление, что вас не было при вскрытии.

— Готов заверить майора, что тоже считаю это обстоятельство весьма прискорбным, — вздохнул Холмс. — Увы, я превратил расследование этого дела в чудовищную неразбериху.

— Мы действительно ничуть не продвинулись дальше?

— Ну я бы так не стал говорить. Нам известно, что письмо так называемого «Джека Потрошителя», возможно, написано самим убийцей. Ведь такая подробность, как отрезанные уши, — это не просто шутка, а свершившийся факт. Преступник обладает железными нервами, он способен обнаружить и удалить почку. Знаем мы и то, что убийце удастся уносить органы в пакете: у меня нет сомнений, что сверток, который я видел у него под мышкой, позже был использован для транспортировки некоего весьма зловещего предмета. У меня есть также причины подозревать, что Джек Потрошитель всерьез невзлюбил вашего покорного слугу.

— Что вы имеете в виду?

— Уотсон, помните письмо, полученное мною в марте прошлого года, сразу же после нашего возвращения из Колуолла?

— После дела о пропаже фамильной ценности Рамсденов? Что-то припоминаю.

— Я изучал почерк. Хотя его пытались изменить, я уверен: это рука одного и того же человека. Показательны закорючки в конце слов, завершают картину жирные нисходящие линии. А это значит: он писал мне...

— Еще до того, как было совершено первое убийство!

— Именно так. — Холмс какое-то мгновение задумчиво смотрел на меня. — Я не стану возражать, если вы пойдете на сделку с совестью и приготовите мне дозу морфия. Если не хотите, я сделаю это сам.

Я поставил бутылочку на каминную полку среди разбросанных ершиков для чистки трубки и, пока готовил чистый маленький шприц Холмса, размышлял над абсурдностью ситуации. Обернувшись, я испугался, увидев, что он пытается выбраться из-под одеяла, правда, без особого успеха.

— Холмс, что вы делаете, черт бы вас побрал?!

— Готовлюсь выйти, — ответил он, опираясь на ближайшую стойку кровати, чтобы встать.

— Совсем выжили из ума, Холмс? Вы ведь не ожидаете...

— ...что еще остались улики, которые удастся найти? — спросил он с раздражением. — Это единственный проклятый факт, в котором я твердо уверен.

— Но ваше состояние...

— Я совершенно разбит. Но, во всяком случае, вправе надеяться, что меня будет сопровождать умелый врач.

— Если вы вообразили, что я позволю вам покинуть вашу комнату, вы сошли с ума — вдобавок к тому, что серьезно ранены.

— Уотсон, — сказал сыщик совсем другим голосом. Я никогда прежде не слышал, чтобы он разговаривал со мной таким тоном. Слова звучали гораздо тише, чем когда он произносил их в своей обычной размеренной манере, и намного печальнее. — Я загнал себя в безвыходное положение. Пять женщин мертвы. Пять! Ваши намерения похвальны, но представьте на миг, каково будет мне получить известие о шестой погибшей?

Я уставился на него, взвешивая доводы, как личные, так и медицинские.

— Дайте вашу руку, — сказал я наконец.

Вид бесчисленных маленьких рубцов, рассеянных, как миниатюрные созвездия, заставил меня содрогнуться, но я постарался не выставлять наружу свои чувства и сделал Холмсу инъекцию.

— Спасибо, — сказал он, неуверенной походкой направляясь к гардеробу. — Встретимся внизу. Советую надеть старое пальто, которое вы носили в восточных колониях, иначе будете чувствовать себя ужасно неловко.

Поколебавшись немного, я облачился в каракулевую поддевку и тяжелое пальто, которым крайне редко пользовался в годы армейской службы, и стремглав сбежал по ступенькам, чтобы нанять экипаж. Если уж Холмс решил посетить место преступления, лучше сделать это незамедлительно, скорее во имя его здоровья, чем ради оставшихся там улик.

Кэбов мимо проезжало много. Когда я вернулся, Холмс сидел на ступеньках дома 221. На нем было свободное одеяние отставного морского офицера в комплекте с флотской фуражкой, тяжелыми штанами и грубой рубахой с галстуком под бушлатом, в который он сумел вдеть левую руку. Другая была на перевязи.

— Вы хотите сохранить анонимность? — поинтересовался я, подсаживая его в экипаж.

— Если есть соседи, желающие разнести полезные слухи, они сделают это более охотно при виде двух патриотов — ушедших на покой офицеров. Так или иначе, одевание английского джентльмена трудно носить как положено, когда у тебя действует только одна рука, — горестно добавил он.

По пути в Ист-Энд Холмс немного вздремнул, а я глядел в окно, погружившись в тяжкие раздумья. Лондон изменился с тех пор, как я в последний раз выбирался из дома. Повсюду валялись листовки, набранные большими жирными буквами. Вскоре я понял, что текст везде одинаковый: призыв Скотланд-Ярда к гражданам сообщать любую полезную информацию.

Мы повернули на Дьюк-стрит и приближались к одному из въездов на Митр-сквер, когда кэбмен внезапно резко остановился и принялся ворчать вполголоса по поводу «искателей острых ощущений», у которых «порядочности не больше, чем у хищников». Однако увидев достоинство предложенной ему монеты, он стал более сговорчивым и согласился ждать, пока мы не закончим свои дела на площади.

Мы шли по длинной аллее. Шерлок тяжело опирался на трость, не забывая разглядывать стены домов и землю под ногами, как ястреб, высматривающий свою жертву. Митр-сквер представляла собой открытое пространство, а вовсе не тот грязный тупик, что рисовало мое воображение. Площадь хорошо содержалась властями Сити, но дома на ней были безликими и по большей части незаселенными. Склады охранялись: несколько человек о чем-то озабоченно переговаривались как раз на том месте, где два дня назад лежало тело убитой.

— Как я понимаю, несчастную женщину обнаружили в юго-западном углу площади? — спросил Холмс.

— Да, констебль полиции округа Сити нашел ее именно там. Стараюсь не вспоминать это жуткое зрелище.

— В первую очередь надо осмотреть всю площадь и подходы к ней. Однако, боюсь, этого не удастся сделать, не возбуждая лишних разговоров.

Я сопровождал детектива, пока тот не изучил внимательно место преступления и не вышел с площади по узкому проулку Черч-пэссидж, ведущему к Митр-стрит. На площадь Холмс возвратился по единственному необследованному проходу, тянувшемуся вдоль Сент-Джеймс-плейс и Оранж-маркет. Хотя детектив занимался своей работой не более получаса, на его осунувшемся лице появились явные признаки усталости.

Даже просто сохранять вертикальное положение ему было трудно.

— Если я правильно помню, — сказал Холмс, — оставив вас в ту ночь на Бернер-стрит, я пошел на север, пересек Гринфилд-стрит, Филдгейт-стрит и Грейт Гарден-стрит и наконец достиг лабиринта улиц вокруг Чиксэнд-стрит, где и повстречал преследуемую нами дичь. Потом я вернулся на Бернер-стрит, а убийца каким-то необъяснимым образом пробрался сюда через пустынную фабричную территорию. По-видимому, он шел по Олд Монтегю-стрит, которая переходит в Уэнворт-стрит, а потом сужается до Стоуни-лейн, ведущую как раз к тому месту, где мы стоим. И здесь нам повезло — необычное всегда играет на пользу исследователю — он совершил нечто абсолютно нелепое. Убив женщину, преступник извлек наружу ее внутренности на открытой площади с тремя подходами к ней. Возможно, поблизости были складские сторожа. Думаю, Уотсон, мы разыщем свидетелей произошедшего, это лишь вопрос времени. Если вы не возражаете, я расспрошу местных жителей.

К нам подошел человек средних лет в поношенном, надвинутом на глаза котелке, с седеющими бакенбардами и телосложением ломовой лошади. Он смотрел с подозрением и как-то неуверенно улыбался, словно желая утвердиться в своем превосходстве.

— Извините, джентльмены, но совершенно очевидно, что вы уходите с этой площади и возвращаетесь снова, находясь тут гораздо дольше, чем того требуют какие-либо естественные причины. Хотелось бы узнать, что вы здесь делаете.

— Сначала представьтесь сами, — ответил мой друг почему-то с легким валлийским акцентом, неприветливо взглянув на незнакомца.

Тот выжидательно скрестил на груди свои мощные руки:

— Вы вправе спросить это, хотя я и не обязан отвечать, ведь Потрошитель все еще на свободе. Меня зовут Сэмюэл Левисон, и я вхожу в Уайтчепелский комитет бдительности — группу людей, призванных обеспечить покой в этом районе города. Если вы человек здравомыслящий, объясните, чем вы занимаетесь на площади, а не то мне придется обратиться в полицию.

Холмс оживился.

— Я слышал об этой организации, — сказал он, — и именно в вашей помощи я сейчас и нуждаюсь. Вчера мне довелось посетить гораздо больше пабов, чем следовало. Ближе к утру мне сказали, что я нахожусь в какой-то четверти мили от Митр-сквер, где было убито еще одно несчастное создание. Возможно, это покажется вам нелепым, но у меня возникло непреодолимое желание увидеть это место самому. Не успел я

войти на площадь, как почувствовал, что сзади кто-то крадется. Блеснуло лезвие, и этот негодяй потребовал денег, угрожая убить меня. Я не из тех, кто избегает доброй драки, поэтому вытащил нож, но был слишком пьян и замешкался. И тогда мерзавец ударил меня ножом в плечо. Кое-как дотащившись до дома, я обнаружил, что в этой стычке выронил трубку. Никогда с ней не расставался, где бы ни путешествовал, так что ходил сам не свой, пока не отправился на площадь, чтобы попытаться ее найти. Черенок из полированного дерева, на нем я вырезал рисунки — птичек и тому подобное.

— Эй, парни! — обратился мистер Левисон к своим компаньонам. — Ничего не видели на земле такого, что могло бы принадлежать этому джентльмену? Очень сожалею, сэр, но, по всей вероятности, вашу вещь уже успели сдать в ломбард.

— Весьма прискорбно. Впрочем, у меня было мало надежды. Есть куда более важное обстоятельство, чем моя трубка. Труп лежал перед этим домом?

— Да. Напротив Черч-пэссидж.

— Соседи что-нибудь слышали?

— К сожалению, в этих домах никто не живет.

— Вот незадача. Как видно, это достаточно пустынное место.

— Склад Кирли и Тонджа вон там охраняется по ночам, а здесь живет констебль, но никто ничего не слышал.

— Полиция на другой стороне площади? — Мой друг слегка присвистнул от удивления. — Знал бы, поостерегся б терять трубку в таком месте.

— Откуда вам знать, если вы, конечно, не этот чудила Шерлок Холмс.

Мужчины от души посмеялись незамысловатой шутке. Мой друг с готовностью улыбнулся в ответ:

— Этот сыскарь-одиночка? Только не говорите, что знаете его.

Слова Холмса вызвали новый взрыв смеха.

— Знаем его! — хихикнул Левисон. — Сильно сказано! Думаю, мистеру Ласку, нашему президенту, случалось видеть этого парня, но всякий осторожный человек предпочтет его избегать.

Буквально сгорая от любопытства, но видя, что Холмс побледнел и тяжело опирается на палку, я решился спросить:

— Не вернуться ли нам домой?

— И вправду, проводите-ка вашего друга, — добродушно заметил мистер Левисон. — Весьма сожалею по поводу вашей трубки, сэр, но вид у вас слишком усталый, чтобы разгуливать по городу.

— Это точно, бывали дни, когда я чувствовал себя намного лучше нынешнего, — ответил Холмс. — Благодарю вас за помощь, джентльмены.

Детектив едва держался на ногах, и мы медленно пошли назад с площади по узкой улочке. Холмс не стал протестовать, когда я твердо взял его под руку.

— Что, черт возьми, имел в виду этот парень?

Шерлок недоуменно покачал головой:

— Не имею ни малейшего понятия, но, боюсь, нам вскоре предстоит это узнать.

Глава 12

Темные письма

Когда я помог Холмсу взойти по лестнице в его комнату, он настолько обессилел, что я, не тратя времени на впрыскивание новой дозы морфия, уложил его спать. После этого я ощутил потребность привести в порядок свои мысли и без всякой конкретной цели неторопливо направился в сторону Риджент-парк, где недавно выпавший град покрыл землю коричневыми листьями.

Наш визит на Митр-сквер породил очередные мучительные вопросы. Почему человек, которого мы преследовали, решился на новое убийство, зная, что поднята тревога? Почему он это сделал, когда его могли застать на месте преступления, выйдя на площадь с трех разных сторон? Больше всего меня смущали странные замечания члена комитета бдительности о моем друге. Сколько бы ни замалчивал Скотланд-Ярд помощь Холмса, этот самозванный детектив-любитель имел несомненный авторитет в глазах обывателя: мой друг успешно раскрывал одну тайну за другой, хотя ему крайне редко воздавали по заслугам. Когда же это все-таки случалось, природная сдержанность Холмса заставляла его отклонять многочисленные лестные предложения как богатых, так и бедных. Какой невероятный слух мог повредить сложившемуся о нем общественному мнению?

Я бродил около часа, погружившись в бесплодные размышления, а когда повернул за угол, чтобы вернуться к дому на Бейкер-стрит, еще за полквартала обнаружил на его пороге какую-то перебранку.

— Без сомнения, из-за некоего печального обстоятельства безупречному здоровью великого Шерлока Холмса нанесен вред, — ворчал мистер Роулэнд К. Вандервент, — но будь я проклят, моя дорогая леди, — а я употребляю слово «проклят» только в присутствии тех, на кого оно способно оказать воздействие, — будь я проклят, если состояние здоровья мистера Холмса помешает мне спасти его репутацию!

— Добрый день, мистер Вандервент, — поздоровался я без особой теплоты в голосе. — Мне нужно переговорить с вами наедине. Предупреждаю, мне хорошо известно о вашем вопиющем пренебрежении хрупким здоровьем мистера Холмса и неучтивом отношении к нему. Миссис Хадсон, я сам поговорю с этим человеком.

Обе стороны конфликта украдкой наградили меня благодарными взглядами. К счастью, во время ссоры они, разделенные дверью, не имели

возможности смотреть друг на друга. Мы с мистером Вандервентом поднялись наверх. Прежде чем репортер сделал последние трудные шаги, чтобы переступить порог нашей гостиной, я помешал угли в камине. Пламя разгорелось.

— Не состоит ли эта женщина в дальнем родстве с семейством Борджиа? Никогда не слышал столько нелестных эпитетов, адресованных моей скромной персоне. Я хочу спросить, доктор, — продолжал Роулэнд, неожиданно понижая свой скрипучий голос до шепота и бросая взгляд на дверь Холмса, — жизни этого грубияна ничто не угрожает?

— Ни в малейшей степени! — раздался пронзительный тенор детектива из его спальни. — Хорошо известно, — заметил Холмс, когда мы вошли и Вандервент бросил свое тело в кресло, — что, если говорить себе под нос, приглушив звук «с», вас будет слышно гораздо хуже, чем когда вы шепчете.

— Так это правда? — поинтересовался Вандервент, взъерошив непокорные пряди волос. — Джек Потрошитель вас ранил?

— Я нахожусь между жизнью и смертью, — язвительно усмехнулся детектив, — поэтому прошу вас перейти непосредственно к делу.

— Хочу выразить свое сожаление по поводу заметки в последнем номере «Лондон Кроникл». У меня просто нет слов.

— Интересно, я ведь только что закончил просматривать утренние выпуски газет. Вы не найдете этот номер, Уотсон?

Я некоторое время искал газету в хаосе, царившем в спальне Холмса, и наконец извлек то, что было нужно, из вороха периодики. Заголовок, набранный кричащими прописными буквами, гласил: «СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА». Вот что было написано в заметке:

Открылись новые обстоятельства печально знаменитого двойного убийства. Они касаются личности преступника, чьи зверства наполнили ужасом наши улицы. Только сегодня стало известно, что мистер Шерлок Холмс, склонный к затворничеству эксцентричный детектив-консультант, в ночь двойного убийства находился в гуще событий. В указанное время он флиртовал с женщинами сомнительного поведения, якшаясь с ними в гнездах разврата, столь многочисленных на темных улицах Уайтчепела. Выяснилось также, что именно мистер Холмс «обнаружил» убийство в Датфилдз-Ярде в момент его

совершения, а затем погнался за неизвестным, подозреваемым в этом преступлении, и исчез из поля зрения как раз в то время, когда вторая жертва закончила свое существование столь ужасным образом. Предстоит еще разобраться, бросают ли эти утерянные минуты тень подозрения на известного своим отшельническим образом жизни лондонского персонажа. Однако имеются свидетельства, что мистер Холмс вернулся на место первого убийства окровавленный, в растерзанном виде. Мало того, он посещал без вызова полиции место зверского убийства Энни Чэпмэн три недели назад. Позже этот эксцентричный джентльмен не дал сколько-нибудь удовлетворительных объяснений этому факту. Конечно, было бы низкой клеветой утверждать, что самочинно возложенная им на себя миссия борьбы с преступностью во всех ее формах направлена теперь своим острием против обездоленных. Однако необходимо решительно заявить: этот внештатный поборник законности должен подробно объяснить, в чем состоит его деятельность и как он обрел удивительное предвидение событий тех трагических ночей.

К моему величайшему удивлению, прослушав всю эту чушь, Шерлок Холмс откинул голову назад и от души посмеялся, негромко, почти беззвучно, в присущей ему манере, пока вконец не обессилел.

— Мне недоступен юмор, обнаруженный здесь вами. По-видимому, мне не хватает мудрости, — сказал мистер Вандервент.

— Как и мне, Холмс.

— Да бросьте, Уотсон. Уж слишком все это нелепо.

— Это клевета.

— Напротив, заметка великолепна, к тому же срывает покровы с маленькой тайны: ее написал загадочный Лесли Тависток. Она дает свежий взгляд, и фактическая часть этой статьи безупречна. Где репортер раздобыл все эти подробности? Еще до того, как пресса узнала о первом убийстве, меня увезли с места событий, как мешок с апельсинами; вы тоже покинули сцену. Возможно ли, чтобы мисс Монк дала интервью о событиях той ночи?

— Крайне маловероятно.

— Или же сотрудники Скотланд-Ярда намекнули, что их помощники-

любители посещают пабы сомнительной репутации?

— Что-то не верится.

— Вы, конечно, дали волю своей привычке расцвечивать биографии и тут же помчались в редакцию бульварного издания?

— Вовсе нет.

— Кое-что в этой статье я не в силах понять, — признался Холмс. — Она насквозь пропитана злобой.

— Ну, в этом как раз нет ничего удивительного, — возразил Вандервент. — Журналисты редко бывают добрыми. Главное для них — чтобы газета хорошо продавалась.

— А мне почему-то кажется, что профессия журналиста — сообщать новости, а не торговать газетами, — возразил детектив с угрюмым видом. — Мне трудно представить, что некий писака вдруг захочет сочинить подобную белиберду без всякой причины.

— У вас больше веры в мое ремесло, чем у меня, — наверное, потому что вам реже приходилось с ним сталкиваться. Но в одном вы правы: источник, давший факты для этой заметки, очень умен. Если не брать в расчет ваших друзей и полицию, которая неизменно стремится закрыть слишком болтливые рты, непонятно, кто отслеживал ваши передвижения в ту ночь. У вас ведь нет фальшивых союзников?

— Думаю, что нет, — решительно заявил мой друг.

— Мне тоже так кажется. В таком случае мы, по-видимому, исчерпали тему вашего столь живописного изображения в местной прессе. А теперь обратимся к почтовой открытке, полученной на следующее утро. Это не слишком приятное чтение, и мне трудно судить, насколько она вас удивит.

Когда детектив увидел открытку, выражение его лица изменилось: он был крайне заинтересован. Холмс изучил ее вдоль и поперек, а потом швырнул мне.

Я вовсе не разыгрывал дорогого старину Босса, давая вам совет. Вы услышите завтра о работе весельчака Джекки. Номер один при двойном событии сильно визжала, не удалось довести дело до конца. Не хватило времени добыть уши для полиции. Спасибо, что придержали предыдущее письмо, пока я снова не приступил к работе.

Джек Потрошитель

— С каждым разом все интереснее, — задумчиво проговорил Холмс. — Сначала показалось, что почерк другой, но при более внимательном изучении видно, что открытка лишь написана поспешно и в состоянии возбуждения. Что вы станете делать с этим эпистолярным шедевром?

— Газетчики будут лезть из кожи вон, чтобы опубликовать это послание. Предыдущее письмо «Дейли ньюс» напечатала в виде факсимиле. Каждая женщина, мужчина и ребенок теперь называют этого сумасшедшего дьявола Джеком Потрошителем.

— Я это заметил. Чего вы хотите добиться?

— Без сомнения, будем продавать газеты. Есть надежда, что удастся распознать почерк.

— Ваша помощь бесценна.

— Моим долгом было предупредить вас, что я и сделал. Надо было также снять с себя ответственность. Очень рад, что достиг цели по обоим пунктам. Я спущусь по лестнице сам, спасибо, доктор Уотсон. Если станете сопровождать меня, потратите зря десять минут. Удачного дня вам обоим.

Холмс зажег сигарету от свечки у постели и взглянул на меня с улыбкой:

— Вы уяснили смысл этих колких посланий?

— Они дают какой-то реальный ключ к разгадке?

— Нет, но в них намечена тенденция. Прежде всего, известно место их отправления — Ист-Энд, что еще раз подтверждает доскональное знакомство автора с Уайтчепелем. Возможно, он местный житель. Но самое интересное: публикация этих писем решает очень специфическую задачу.

— Какую?

— Внушить ужас, мой дорогой друг. Малодушный страх. Вряд ли я ошибусь, предположив, что цвет этого расследования, и без того черный, станет еще темнее к вечеру.

Глава 13

Мисс Монк проводит расследование

Мне отнюдь не казалось, что Холмс преувеличивает грядущую опасность, и вскоре пришло известие от Джорджа Ласка о беспорядках, вспыхнувших в нескольких районах Ист-Энда. Эти выбросы бессильной ярости обошлись без жертв, но ползучий страх охватил половину Лондона. Истерия нарастала. Поток предложений из всех районов города, как поймать убийцу, затопил Скотланд-Ярд. Среди них мне запомнились такие: переодеть полицейских в проституток и оснастить Уайтчепел проводкой с кнопками, включающими сигнал тревоги.

На следующее утро Холмс послал меня в Ист-Энд за мисс Монк, чье присутствие было необходимо для уточнения наших дальнейших планов. В чем их суть, друг мне не сообщил, но на душе стало легче, когда я узнал, что они существуют.

Когда я постучал в дверь комнаты на первом этаже, которую теперь, после того как ее заработки возросли, занимала Мэри Энн, я ожидал увидеть угрюмую жертву тяжелой депрессии. Но дверь распахнулась, и меня встретила опрятно одетая молодая женщина с живым блеском в умных зеленых глазах. На плите закипал чайник. Она предложила мне сесть в своей обычной манере, сочетавшей наигранное изящество и привычное кокетство, а сама заняла второй стул у грубо отполированного стола.

— Хотите узнать, чем я занималась?

Я с радостью согласился выслушать ее. Улыбнувшись, девушка налила мне чаю.

— Бродила по городу, высматривая Стивена Данлеви.

Встревоженный ее словами, я подался вперед:

— Надеюсь, вы понимаете, насколько опасно с ним общаться? Ведь мы как раз искали Данлеви, когда столкнулись...

— С Джеком Потрошителем?

— Назовем его так в отсутствие лучшего имени. Мисс Монк, мне даже думать не хочется о том, что могло случиться.

— Да, знаю, — согласилась она с серьезным видом. — Смешно сказать, доктор, я настолько испугалась, что опасалась нос высунуть из дома. Полвоскресенья вздрагивала при каждом шепоте и скрипе. Но теперь я так чертовски зла, что, хоть и боюсь, не обращаю на это внимания.

Мэри Энн посмотрела мне прямо в глаза, и в этот миг мы с ней поняли друг друга. Я когда-то путешествовал по странам, которые она не могла бы увидеть даже в самых смелых мечтах. Она же испытала страдания, о которых я способен был только догадываться. И все же мы ощутили родство душ: я знал, что она сделает все от нее зависящее для успеха нашего рискованного предприятия.

— Это хорошо. Значит, видели Стивена Данлеви? Вы так обрадовались поручению, что наверняка добились успеха.

— Помните, его домовладелица говорила, что он постоянно где-то болтается, но никогда не приводит женщин?

— Она хотела уверить вас в его абсолютной преданности.

Девушка рассмеялась.

— Да я ему и даром не нужна. Но история о его дружке Джонни Блэкстоуне, который убил ту женщину, пока приятель дожидался его, — абсолютная правда. После того как мы пропустили вчера днем по пинте, я снова пошла вслед за ним, и он оказался как раз там...

— Простите, мисс Монк, но я не совсем понимаю, как вы встретились с Данлеви?

— Я назначила ему встречу, когда отправилась искать вас с мистером Холмсом. Кстати, доктор, как он себя чувствует? — обеспокоенно спросила она.

Я заверил Мэри Энн, что мой друг скоро будет здоров, и попросил ее продолжить рассказ.

— Мы договорились выпить по кружке пива в два часа за углом, но после того, что случилось, меня тошнило от одной мысли, что придется с ним встречаться. Я ведь чувствую, что он знает больше, чем говорит. Но ровно в два он сидел в пабе и, когда увидел меня, улыбнулся и окликнул. «Найтс Стандарт» теперь — настоящий притон для петушинных боев. Девушки все сбились в кучу, шепчутся, оставаться ли здесь дальше: то, чем удалось разжиться, давно истрачено. Даже у тех, кто хочет уехать из Лондона, нет денег, чтобы купить хлеба и чая. Вот все и думают, как поступить.

Ну, мы с ним забрались в угол, вид у него какой-то странный, и он говорит: «Рад, что с тобой все в порядке, ведь ты, наверное, уже поняла, что случилось». А я ему в ответ: «Как не понять, весь Уайтчепел только и говорит об этом». Данлеви смотрит на меня пристально и спрашивает, не слишком ли я беззаботна, не подвергаю ли себя опасности. Я отвечаю, мол, нет, конечно, а сама не понимаю смысл его вопроса. Опять заговорили о Блэкстоуне: как бы его разыскать, пока вновь не произошло самое

худшее. Данлеви сказал, что напал на след своего дружка, а потом вдруг заявляет: «Чтоб я не слышал больше о том, что ты таскаешься по темным улочкам». А я гадаю про себя, зачем он специально предупреждает меня, когда и без того каждая ночная пташка по эту сторону Сити трясется от страха при одной мысли о ноже, приставленном к горлу. Спрашиваю у него, мол, а какой у меня еще выбор — только лишь забираться время от времени в темноту с клиентом. Он тогда хватает меня за руку и говорит: «Живи на деньги, которые дает твой благодетель из Уэст-Энда. Я очень надеюсь на успех, но тебе нельзя высовываться, пока я все не улажу». Это показалось мне очень странным.

Когда он вышел из паба, обещав, что мы еще увидимся, я скрылась из виду, зайдя в табачную лавку. Там подождала, пока он не уберется подальше, и лишь потом пошла за ним. Он зашел в тот же дом, что и в прошлый раз, и появился оттуда одетый не в военную форму, которую иногда носит, а по-новому, как джентльмен. Я иду за ним на безопасном расстоянии, пока он не сворачивает в проулок, ведущий в трущобы. Я жду его довольно долго, а потом неотступно следую за ним. На случай, если мне изменит удача и я буду обнаружена, у меня наготове версия, будто бы я знаю — у него здесь другая женщина. Дойдя до конца прохода, я вижу, что он зашел на цокольный этаж. Прикидываю: шансов на то, что будет открыто окно или дверь, учитывая нынешние лондонские особенности,^[13] немного, но я все же прокралась к дому, чтобы узнать наверняка. Тут я услышала голоса и нырнула за угол. Хотите верьте, хотите нет, но стекло в окне треснуло и вывалилось с одного края. В этом доме чуть ли не половина стекол разбиты и скреплены клочками бумаги. Если плотно приложить ухо к такому стеклу, слышно едва ли не каждое слово.

«Вы уверены, что он жил здесь все время увольнения?» — спрашивает Данлеви. «О да, — отвечает женский голос. — То были несколько тихих праздничных дней. Обе мои дочери уехали к своей тете в Йоркшир. Конечно, я не могла себе позволить оставить пустой комнату на чердаке, зная, что в город приехали с визитом люди и солдаты в увольнение». — «Понятно. Но в первый же день после праздника он исчез без предупреждения?» — «Странное дело: моему Джозефу десять лет, а этот Блэкстоун обещал, что на следующее утро покажет ему, как обращаться с револьвером. Но когда мы пришли, его и след простыл. Правда, он положил для нас деньги на стол. Жаль, что не оставил адреса: приятный молодой человек и умеет расположить к себе детей». — «Так оно и есть, мэм. Если удастся его разыскать в ближайшее время, передам ему привет от вас». Разговор продолжался и дальше, но я и так уже услышала много

интересного и боялась спугнуть удачу, поэтому тут же вернулась домой. Пусть мистер Холмс решает, что делать дальше.

— Вы совершенно правы, мисс Монк! Поспешим на Бейкер-стрит, и Холмс во всем разберется. Стивен Данлеви верно сказал: осторожность нам никак не помешает.

Холмс не спал, когда мы приехали, но лицо его по-прежнему казалось очень бледным. Волосы были взъерошены, он стоял в халате мышинного цвета, тяжело опершись о каминную полку. Убрал с нее все предметы, разместил там поспешно нарисованную карту Уайтчепела, всю в непонятных закорючках, с неразборчивыми названиями улиц. Такая кажущаяся небрежность объяснялась тем, что мой друг вынужден был сейчас писать левой рукой. Сыщик буквально впился взглядом в эти хаотично набросанные улочки и был теперь похож то ли на беглеца из сумасшедшего дома, то ли на судью, определяющего степень виновности правонарушителя.

— Мисс Монк, где Стивен Данлеви хранит носовой платок?

— В подкладке пальто, если память мне не изменяет.

— Хм. Я так и думал.

Девушка с мрачным видом уставилась на детектива:

— Мистер Холмс, сэр, я знаю, что вам было плохо этой ночью от слишком тугой перевязки, но видеть вас в таком состоянии...

— Вы подумываете о том, чтобы заняться торговлей.

— Откуда вам это известно? — выдохнула девушка.

— Я знаю также, что вы недавно очень сильно напились и что у вас есть юная подруга, возможно, соседка, чье благополучие вам безразлично.

— Какая наглость! — вскричала Мэри Энн, вздернув подбородок. Глаза ее сверкали. — Беседуйте с этим ковром, если хотите, а я не стану вас слушать.

Она уже шла к двери, когда Холмс из последних сил рванулся за ней и мягко придержал за руку:

— Мои искренние извинения, мисс Монк! Доктор Уотсон объяснит вам, что учтивость и такт не входят в число моих достоинств. Пожалуйста, сядьте.

Мэри Энн подозрительно взглянула на сыщика, но ее вспышка гнева быстро иссякла.

— Ладно. Я ведь не сказала, что вы не правы, просто немного... развязны. Во всяком случае, рада видеть вас живым. Наверное, мне не

стоило так возмущаться, все это чепуха.

— Моя дорогая мисс Монк! Я никогда не прибежал к мошенничеству, чтобы получить сведения личного характера, — вздохнул Шерлок, с трудом добравшись до канапе. Он прилег и слегка взъерошил волосы здоровой рукой. — Вам не первой пришла в голову такая мысль — и не последней, если мне и дальше будет сопутствовать удача.

— Как же вам это удалось?

Он откинул голову назад и закрыл глаза.

— О том, что вы собираетесь заняться торговлей, я сужу по четырём разновидностям тряпичных кукол, что выглядывают из ваших карманов. Их мастерят бедные матери и дают своим отпрыскам, чтобы те торговали ими вразнос. Если вы купите материалы на заработанные деньги, сумеете облегчить жизнь своим знакомым — по крайней мере, тем из них, кто имеет элементарные навыки шитья.

— А как вы узнали о девочке?

— Вы уже изучили все выкройки и составили о них свое мнение. Они вполне вам по карману, и, хотя большой ценности не представляют, вы носите их с собой. Значит, это подарок. Для кого он предназначен?

— Они для Эмили. Ей нет еще и четырех, бедняжке. Что дальше? — продолжала она спрашивать сыщика.

Тот слегка потупился и ответил:

— Ваши ботинки.

— Мои ботинки?

— Правый.

Она посмотрела вниз и быстро перевела взгляд на Холмса.

— Вы недавно заменили поношенную обувь на новую. Когда я в последний раз видел вас, на ней не было никаких отметин. Сейчас на коже правого ботинка в нескольких местах царапины: вы пинали что-то твердое, и весьма сильно. — В его бесстрастном тоне на мгновение появились эмоции. — Поздравляю вас: если пьяный склонен к непредсказуемым действиям, то человек думающий старается ограничить свой гнев ударами только одной ноги.

— Признаю, что вы правы. В прошлую субботу я была выбита из колеи и искала успокоение на дне стакана.

— Дорогая мисс Монк, не в силах выразить, насколько я...

— Да пошли вы оба! Верно, я сорвалась с катушек, но об этом напоминает лишь исцарапанный ботинок, и разве это имеет значение для таких, как я? — воскликнула девушка и уселась прямо на пол в манере индейцев рядом с изголовьем постели Холмса. — Что будем делать теперь?

— Подождите минутку, — рассмеялся Холмс. — Я еще не все у вас выяснил. Ведь вы продолжаете встречаться с рядовым Данлеви?

— Откуда, черт возьми...

— Значит, это правда.

— Да.

— Тогда расскажите, пожалуйста, что вам удалось узнать.

Мэри Энн так и сделала, не скрыв ничего из того, что сообщила мне. Правда, на этот раз она не избежала повторений.

— Вот такие дела, мистер Холмс, — закончила наша помощница. — И что мне теперь делать с этим типом?

Детектив немного подумал.

— Вас сильно тяготит его компания?

— Не очень. Скорее — непонимание, зачем все это.

Мой друг с усилием поднялся и пересек комнату.

— Уверяю, вам не грозит опасность, если будете держаться людных мест и не станете пускаться в авантюры после захода солнца. Носите это с собой, только спрячьте хорошенько.

Он вытащил из ящика стола маленький складной нож и бросил мисс Монк.

— Черт побери! — пробормотала она, но тут же взяла себя в руки. — Значит, мне и дальше шляться повсюду с этим безумным солдатом, одетым в брюки с засохшими пятнами крови, который ищет, выпучив глаза, своего друга, а потом приезжать к вам с докладом?

— Я был бы вам очень благодарен. Мы с доктором Уотсоном продолжим расследование, но очень важно при этом, чтобы кто-то оставался на месте событий.

— Видно, никуда не денешься, пока Блэкстоун в бегах. Надеюсь, мы скоро его разыщем. Просто нет уже сил бесцельно слоняться с Данлеви по Уайтчепелу. Кто знает, что взбредет бедняге в голову?

— Кстати, мисс Монк, нельзя ли обнаружить порой в кармане у кого-нибудь из ваших компаньенок кусочка мела?

— Мела? Ведь именно им было написано это безумное послание про евреев? Мои знакомые девушки могут носить с собой огрызок карандаша, да и то вряд ли. Многие даже не умеют им пользоваться. Мел ведь обычно служит, чтобы пометить размеры на рулоне ткани или куске древесины?

— И еще одно, мисс Монк, — добавил Холмс, когда она уже направлялась к двери. — Я обнаружил рядом с убитой женщиной веточку винограда. Буду благодарен, если вам в связи с этим удастся что-то выяснить.

— Какого сорта виноград?

— Судя по стеблю, черный.

— Мало кто торгует таким виноградом в наших краях. Не сомневайтесь, разузнаю.

— Спасибо вам, мисс Монк. И не забывайте об осторожности.

— Уж постараюсь, — бросила она через плечо, спускаясь по лестнице. — Хоть я и работаю на вас, мистер Холмс, это еще не означает, что я совсем рехнулась.

Закрыв дверь, я обратился к своему другу, который зажигал очередную сигарету:

— Вы вполне уверены, что все делаете правильно?

— Наверное, хотите спросить, знаю ли я, чем занимается мисс Монк? — парировал он, и я еще раз почувствовал, насколько тяжело столь активному человеку, когда он не вполне владеет собственным телом. — Увы, сейчас я беспомощен физически. Вы ведь не сумеете таскаться с Данлеви по всяким берлогам и выискивать Блэкстоуна? А мисс Монк сыграет эту роль не намного хуже меня, и благодаря ей, как я надеюсь, удастся раскрыть хотя бы одну тайну.

— Место, где прячется Джонни Блэкстоун?

— Намерения Стивена Данлеви.

— Разве мы не отправились в Уайтчепел в прошлый раз, чтобы защитить от него мисс Монк? — спросил я напрямик.

— Сейчас я знаю намного больше, чем тогда.

— Это радует, конечно. Однако многое в связи с убийством Тэйбрам остается непонятным. Что, если эта ниточка никуда нас не выведет?

— Вы рассматриваете вопрос совершенно не с той стороны, что, впрочем, меня вовсе не удивляет, — едко заметил Холмс. — Эта нить и не может нас куда-то вывести: ведь она лишь дает нам сведения о Стивене Данлеви, который ни в малейшей степени меня не интересует. А теперь, Уотсон, ваш выход.

— В самом деле?

— Вам предстоит встретиться в редакции «Лондон Кроникл» с неким Лесли Тавистоком, светилом так называемой «этической» журналистики. Встреча назначена в половине четвертого. А на обратном пути с Флит-стрит, — закончил он свои наставления, — купите, пожалуйста, в табачной лавке сигар. — Он подтолкнул ногой коробку, где они хранились. — Да и ящик для угля, боюсь, совсем опустел.

Глава 14

Лестрейд допрашивает подозреваемого

Мне пришлось ждать четверть часа после назначенного времени в шумном, заполненном бедно одетыми журналистами вестибюле «Лондон Кроникл», плохо освещенном и отапливаемом. Стоило мне войти в кабинет мистера Лесли Тавистока, как я понял: ничего приятного меня здесь не ждет. Журналист сидел за рабочим столом с выражением спокойного безразличия и напускной иронии на чисто выбритом умном лице. Представившись, я не успел больше произнести ни слова — он уже поднял руку, как бы мягко протестуя.

— Доктор Уотсон, — начал газетчик, — я не собираюсь ставить под сомнение ни вашу благонадежность, ни здравый смысл, спрашивая, что привело вас сюда. Эта история уже стала в Лондоне притчей во языцех. Просто я вслед за первой своей публикацией собираюсь довести до публики еще несколько красочных подробностей о столь оригинально мыслящей личности, как мистер Шерлок Холмс. Вот почему я рад видеть вас здесь и хотел бы задать несколько вопросов, если не возражаете.

— Позвольте напомнить, что вы уже самым постыдным образом оскорбили мистера Холмса, и единственная цель моего визита — узнать, что вы предпочтете: раскрыть источник приведенных вами фактов или отвечать за клевету?

Тависток был явно удивлен моими словами. Я, признаться, и сам не ожидал, что так быстро и решительно перейду в лобовую атаку. Журналист изогнул дугой бровь, всем своим видом выражая крайнюю степень разочарования.

— Очень сомневаюсь, что вам удастся достичь своей цели, доктор Уотсон. Если мистер Холмс желает продолжать свои невероятные подвиги, он должен предстать перед испытующим взором общества. Факты, лежащие в основе моей статьи, абсолютно достоверны. Возможно, какие-то частности изложены в выражениях, которые не устраивают мистера Холмса, но вам со своей стороны следует разъяснить его сверхъестественное предвидение.

— Шерлок Холмс всегда был бичом преступного мира, и мотивы его действий абсолютно ясны, — вскипел я.

— Ощущает ли он свою ответственность за арест убийцы? — спросил Тависток как бы между делом.

— Он сделает все, что в его силах...

— Не чувствует ли мистер Холмс вины за то, что упустил Потрошителя? Возможно, это повлечет за собой новые убийства.

— Послушайте, сэр! Это уже становится невыносимым.

— Простите, доктор Уотсон, учитывая ужасные обстоятельства этих преступлений, есть ли вероятность, что убийства совершает врач?

— Не понял, простите.

— Я хочу сказать: если рассуждать чисто теоретически, вы как медик допускаете, что убийца имеет специальные знания и навыки?

— Подобным умением обладает любой мясник. Что касается моих собственных медицинских знаний и практических навыков, то они до сих пор ограничивались исцелением больных, — ответил я холодно.

— Не смею усомниться. Кстати, мистер Холмс, хоть он и не доктор, весьма сведущ в анатомии. Если не ошибаюсь, я читал об этом в вашей увлекательной статье в прошлогоднем рождественском ежегоднике Битона. Как вы считаете...

— Я считаю, что вы виновны в самом возмутительном искажении правды, которое мне доводилось встречать в печати, — заявил я, вставая со стула. — Будьте уверены, вы о нас еще услышите.

— Ни минуты не сомневаюсь, доктор Уотсон, — с улыбкой сказал Лесли Тависток. — Позвольте заверить в том же и вас с мистером Холмсом. Удачного вам дня.

Закатное солнце прочертило длинные тени на кирпичных стенах Бейкер-стрит, когда я вернулся домой. Хотя преступления Джека Потрошителя буквально перевернули душу, эта последняя неприятность ранила меня как-то лично. В гостиную я вошел шумно: Холмс, выбравший диван базой планируемых им операций, тут же проснулся.

— Вижу, вы обменялись любезностями с мистером Тавистокком, — насмешливо заметил он.

— Извините, Холмс. Вы, наверное, отдыхали. Как вы себя чувствуете?

— Как разрегулированный поршень неисправного парового двигателя.

— Если хотите, приготовлю немного морфия.

— Давайте сделаем это сразу, Уотсон. Может быть, хоть немного полегчает.

Не без доли отвращения я поведал сыщику о разговоре с Тавистокком. Когда я замолчал, а Холмс потянулся за сигаретой, его обычно пронизывающий взгляд стал каким-то рассеянным, словно он о чем-то мечтал. Лишь минут через десять мой друг заговорил:

— Очень досадно, когда ты не в состоянии зажечь трубку с первого раза.

Я не сдержал улыбку, услышав это неожиданное суждение.

— Она всегда стремится освободиться от своего владельца, хотя бы на время.

— Свою дозу беспокойства на сегодняшний день я уже получил. Тависток не сказал ничего такого, что могло бы дать нам ключ к разгадке?

— Увы.

— Вам не показалось, что он испытывает раскаяние?

— Незаметно.

Наш разговор был прерван отдаленным звонком колокольчика.

— Это Лестрейд, — вздохнул Холмс. — Собирается поведать об очередных убитых женщинах. Его визиту предшествовала телеграмма с оплаченным ответом, где он спрашивал, насколько я плох. Проявление вежливости, которое следует расценивать как дурной знак.

Упрямство и пытливость ума, свойственные Лестрейду, придавали его лицу выражение какой-то застывшей решимости. Он словно поставил себе целью во что бы то ни стало обнаружить недостатки в нашей работе. Настойчивость Лестрейда была замечательным качеством, но, как я теперь понимаю, и весьма мучительным для него самого: казалось, он спал не более шести часов с тех пор, как мы в последний раз виделись в Уайтчепеле.

— Мистер Холмс, — сказал он с улыбкой, на миг озарившей его унылое лицо, — передаю вам наилучшие пожелания от ваших друзей в Скотланд-Ярде.

— Искренне благодарю их. Присядьте и попотчуйте обитателя этого лазарета рассказами о последних жертвах убийцы.

— Что ж, — начал инспектор, вытаскивая свой рабочий блокнот, — по крайней мере, мы знаем, кто они. Правда, это не слишком помогло нам в расследовании. Первая жертва этой ночи — некая Элизабет Страйд, вдова, у которой, возможно, есть дети.

Я кивнул.

— Безутешная женщина в черном. Мы случайно встретили ее по соседству незадолго до того, как произошло убийство.

— Да что вы говорите! — живо откликнулся Лестрейд. — С кем она была?

Я уже собирался пожать плечами, сетуя на свою забывчивость, но Холмс ответил:

— С пивоваром, проживающим в Норвуде вместе со своей властной

матерью и не имеющим никакого отношения к расследуемому делу.

— Понятно. Траур вдова носила по мужу и детям, которые, как она утверждала, погибли при катастрофе парохода «Принцесса Алиса». Однако, по нашим данным, ее муж Джон Томас Страйд скончался от сердечного приступа в работном доме «Поплар Юнион». Благодаря этому обману, она рассчитывала получить большую денежную помощь. По словам священника местной церкви, Элизабет Страйд родилась в Швеции и была тяжело больна. Удивительно, как она прожила так долго. Мы разговаривали с ее сожителем Майклом Кидни. Ему иногда приходилось запираить эту женщину на висячий замок.

— Прелестно. Это объясняет наличие дубликата ключа.

— Что касается второй несчастной, — продолжал наш гость, — ее имя Кэтрин Эддоуз. У нее трое детей от человека по имени Томас Конвей из Восемнадцатого королевского ирландского полка. Понятное дело, они никогда не состояли в браке. Шлялись по улицам, зарабатывая на жизнь исполнением низкопробных песенок. Пристрастившись к выпивке, эта женщина потеряла всякую связь с детьми и Томасом. Незадолго до того, как она была убита, Кэтрин Эддоуз со своим нынешним сожителем возвратились со сбора хмеля. Его имя Джон Келли — чтобы установить его, нам пришлось повозиться. Однако в ночь убийства они не были вместе: не хватило денег для оплаты двуспальной кровати.

— Лестрейд, имеются ли у вас свидетельства того, что Эддоуз и Страйд, Николс и Чэпмэн — короче говоря, известные нам жертвы в любых сочетаниях, — были знакомы друг с другом?

Инспектор покачал головой.

— Я тоже думал об этом, мистер Холмс: а что, если речь идет о каком-то языческом культе, к которому они принадлежали и были убиты за отступничество? Или их связывала былая страсть к одному и тому же мужчине? Но все это ерунда, ничего такого не подтвердилось. Возможно, они порой и перекидывались словечком, но не дружили.

— Тогда, боюсь, мое предположение подтверждается, — пробормотал мой друг.

— О чем вы, мистер Холмс?

— Мне еще необходимо обдумать свою версию, Лестрейд, а потом вы обязательно ее узнаете. А в вашем расследовании появились какие-нибудь зацепки?

— По правде сказать, в Скотланд-Ярде есть люди, воображающие, что мы имеем некую ниточку.

— Очевидно, вы считаете, что они ошибаются? — понимающе

заметил сыщик.

— Да, это так. Инспекторов не так много, но языком они работают гораздо больше, чем следует.

— Я весь внимание.

— Видите ли, мистер Холмс, я считаю, что принимать всерьез подобную болтовню — наихудший способ охоты за химерами.

— То есть вы категорически отвергаете эту зацепку ввиду бесполезности? — настаивал мой друг с несвойственным ему добродушием. — Возможно, личный опыт или сведения о подозреваемом настраивают вас против этой версии?

— Знаете, мне даже время на это тратить не хочется. Той же точки зрения придерживаются Грегсон, Джонс, Уиклиф, Ланнер, Хоуз...

— Мне все же хотелось бы взглянуть на обстоятельства дела вашими глазами.

— Не желаю попусту растрачивать вашу энергию, мистер Холмс.

— Чепуха, — усмехнулся мой друг. — Я ведь не имею возможности выплеснуть ее за пределы этой комнаты.

Лестрейд выглядел так, словно у него из-под ног выдернули ковер, но быстро овладел собой и сжал кулаки.

— Черт возьми, мне даже стыдно в этом признаться, но вы сами навлекли на себя подозрения! — воскликнул измученный вконец инспектор. — Все эти ваши штучки вроде: «Вы найдете револьвер в третьем стойле слева» или «Письмо было послано человеком в широкополой фетровой шляпе»... Вы осведомлены о том, чего знать не должны, вы вдруг оказываетесь на месте преступления самым таинственным образом! Беннетт сказал сегодня утром в моем кабинете: «Удивительно, что это не случилось раньше».

— Выходит, меня подозревают! Я весьма польщен.

— Мистер Холмс, заверяю вас...

— Нет, раз уж возникла подобная идея, давайте наметим контуры этой версии, — решительно заявил Холмс. — Проследим за моими действиями в ту праздничную ночь. Получается, это я в приступе бешенства нанес Марте Тэйбрам тридцать девять ножевых ран. Однако доктор Уотсон подтвердит, что в тот вечер я самым мирным образом настраивал свою скрипку.

— Я совсем не утверждаю...

— Разве я вел себя подозрительно и чем-то выдал себя, когда вы разбудили меня, постучав в дверь, наутро после убийства Николс?

— Мистер Холмс...

— Я вот теперь и думаю, как это мне удалось убить Элизабет Страйд за несколько мгновений до того, как я обнаружил ее труп, — безжалостно продолжал мой друг. — Но если доктор лживо описал мои действия той ночью, почему бы ему не повторить свои слова? Должен извиниться перед вами, доктор Уотсон, что попросил вас участвовать в этом гнусном фарсе. Убив Страйд, я помчался в Сити, чтобы зарезать там Эддоуз, и, измазанный ее кровью, вернулся на место первого убийства. Действительно, что может быть проще?

— Послушайте! — вскричал инспектор, весь красный от стыда. — Как вы полагаете, пришел бы я к вам лично, чтобы рассказать обо всех собранных нами уликах, если бы думал, что вы причастны к этим злодеяниям? Никому и в голову такое не приходило, пока вчера не появилась эта идиотская статья. Нас бросили на съедение прессе, и тут кто-то пошутил, что вот, мол, и вам досталось. Потом мне стали задавать глупые вопросы по содержанию статьи — вот так и возникла эта дурацкая версия.

— Да за такое вешать надо!

Лестрейд немного успокоился, убедившись, что Холмса не столько разъярило, сколько позабавило услышанное.

— Ладно, я передам в Скотланд-Ярд ваши показания, и мы устраним это досадное недоразумение. Расскажите еще немного о том, что было до моего появления.

— Мы с доктором Уотсоном случайно наткнулись на только что убитую женщину. Бросились искать преступника и очень скоро обнаружили его.

— Понятно, — сказал инспектор, делая записи в блокноте. — Время запомнили?

— Около часа ночи. Мы повстречали там констебля. Кажется, его фамилия Лэмб. Он посвящен во все подробности этой истории.

— Знаю, — сконфуженно признался Лестрейд. — У нас есть его отчет. Но поскольку он представил его уже после исчезновения мистера Холмса, я вызвался получить сведения из ваших собственных уст. Я появился там вскоре после вашего возвращения, мистер Холмс, и видел, как вы садились в кэб. Вас отвезли прямо в Лондонскую больницу?

— Нет, я вернулся домой.

Инспектор был ошарашен:

— Неужели?

— А какая разница?

— Никакой, конечно. Кроме... ну совсем уже идиотского

предположения, что раз вы уехали в кэбе, мистер Холмс, то, значит, вы и сделали ту надпись мелом на Гулстон-стрит.

Очевидно, наши лица выразили крайнюю степень изумления, потому что инспектор поспешил заверить нас:

— Выяснить, когда появилась эта надпись, чрезвычайно трудно, но я обязан восстановить подлинный ход событий.

— Почерк Холмса совершенно иной, — сказал я, чувствуя, как во мне против моей воли вскипает злость.

— Я и сам это вижу. Но, как вы знаете, доктор, нам не дали возможности сохранить образец почерка. А в сочетании со столь же дикой идеей, будто на Холмсе была чужая кровь...

— Если моего слова для вас мало, спросите, чья это кровь, у доктора Мура Эгера с Бейкер-стрит, двести двадцать семь. Или ищите сами, — весело добавил детектив. — Уотсон! У вас есть возражения по медицинской части?

Отбросив галстук, инспектор расстегнул две верхние пуговицы на рубашке.

— Благодарю вас, джентльмены, я набрал вполне достаточно материала для дальнейшего расследования, — сказал он, обуреваемый муками профессионального смущения.

— Тогда всего вам доброго, Лестрейд. Рад был вас видеть, — бросил Шерлок через плечо, направляясь к дверям спальни.

— Минуточку, мистер Холмс! Грегсон и Ланнер просили передать, что вам лучше какое-то время не появляться в Уайтчепеле. По крайней мере, до тех пор, пока не прояснится вся картина недавних безобразий.

— Куда более вероятно, что они все чаще будут случаться в этом районе города, пока мы не положим конец власти ужаса, установленной Джеком Потрошителем, — ответил Холмс, прислонившись к дверному косяку своей комнаты.

Похоже, это заявление обидело нашего коллегу, что вызвало у меня сожаление. Как видно, я в очередной раз недооценил инспектора Лестрейда: мне пришло в голову, что в Скотланд-Ярде у Холмса нет друга лучше. Инспектор, однако, ничуть не удивился, лишь устало улыбнулся:

— Нисколько не сомневаюсь, мистер Холмс. И все же я был обязан расспросить вас. Поправляйтесь скорее. Удачного дня, доктор Уотсон.

Глава 15

Лондонский монстр

Холмс оставался в своей комнате некоторое время после ухода Лестрейда и вышел, когда солнце уже закатилось.

— Не желаете ли нанести визит, который гарантирует более приятное общение, чем в предыдущий раз?

— Я к вашим услугам, Холмс.

— Тогда помогите мне надеть пальто, и мы разрешим проблему, которая не дает мне покоя.

— Конечно. Куда мы идем?

— Проконсультироваться со специалистом.

— Зачем он нужен? — удивился я. — Вы сами — лучший эксперт в области криминалистики.

— Не стану с вами спорить, — спокойно ответил он. — Но нам предстоит консультация специалиста совсем иного профиля.

— Достаточно ли вы окрепли для сегодняшней поездки?

Холмс с плутовской улыбкой засунул под мышку одну из тетрадей, куда записывал цитаты и афоризмы.

— Я высоко ценю вашу заботу, доктор. Но в данном случае она неуместна.

Мы вышли из дома на бодрящий холод и двинулись по Бейкер-стрит. Миновав два дома, детектив резко остановился.

— Позвоните в колокольчик, Уотсон, если это вас не затруднит. Думаю, вы знакомы с этим человеком ближе, чем я.

Сдержав улыбку, я последовал его совету. Нам не пришлось долго ждать. Дверь распахнулась. На пороге стоял мистер Мур Эгер. На кончике его носа угнездились очки, которые отнюдь не портили его внешность.

— Ну надо же! — радостно воскликнул он. — Я думал, клиент, а тут такая приятная неожиданность...

Он провел нас в светлую, хорошо обставленную комнату с полосатым венецианским ковром на полу, камином, в котором едва горел огонь, и таким количеством книжных полок, что стен почти не было видно. Доктор Эгер усадил Холмса на канапе, мне любезно предложил кресло, а сам остался стоять у камина, всем своим видом демонстрируя неподдельное удовольствие от встречи с нами.

— Дядюшка, устроивший вам эту практику, — чрезвычайно

заботливый джентльмен, — заметил сыщик.

— Еще бы! — рассмеялся хозяин дома, одобрительно похлопав в ладоши. — Не думал, что вы о нем вспомните. Проклятая забывчивость! Я ведь упоминал имя дяди Августа во время своего субботнего визита. Вечером, кажется? Или в воскресенье утром?.. Впрочем, неважно. Надеюсь, вы поделитесь своими умозаключениями с преданным поклонником?

Холмс печально улыбнулся:

— Вы, наверное, удивитесь, но я не припоминаю ни одной подробности вашего визита.

— Мои извинения, мистер Холмс. Доктор Мур Эгер, к вашим услугам. — Он протянул левую руку, чтобы пожать неповрежденную конечность моего друга. — А как вы пришли к выводу, что дядя Август финансировал это предприятие?

— Заметил явные признаки экономии, которой вы следуете в своей практике. При этом у вас богатая библиотека, включающая даже некоторые раритеты, в комнатах хорошая мебель. Имеется благодетель, но вы не получаете от него постоянную материальную помощь. Следовательно, речь идет об однократном пожертвовании человека, чье состояние не позволяет оказывать вам более регулярную поддержку. Я знаю по опыту, что лишь близкие родственники способны дарить большие суммы денег, не имея крупных вкладов в банке. На камине стоит фотография в рамке, на которой, по всей видимости, ваши родители. Одеты они весьма скромно, значит, едва ли могли финансово обеспечить практику начинающего врача. Тем не менее над вашим письменным столом висит документ, свидетельствующий, что некий доктор Август Эгер имеет патент на медицинскую практику. Ваш дядя, уйдя на покой, даровал вам деньги и, по-видимому, значительную часть своей библиотеки. А его лицензию вы оставили себе на память.

— Удивительно точно! А как вы узнали, что Август Эгер — мой дядя, а не дедушка?

— Дата на документе, не говоря уже о гарнитуре шрифта и цвете бумаги, исключает такую возможность.

Доктор Эгер посмотрел на меня с явным одобрением.

— Я полагал, вы несколько приукрасили достоинства своего друга. Не был готов к мысли, что мистер Холмс — гений. Вы же, доктор, — человек безукоризненной честности.

— Это всего лишь умение делать выводы, исходя из видимых фактов, — возразил сыщик в своей обычной спокойной манере, но я почувствовал, что ему приятно восхищение молодого врача.

— Ну-ну, какое там «всего лишь»! Вы первопроходец в своей профессии и заслуживаете всяческого восхищения. Тема моего исследования тоже совершенно уникальна, и она, как вы правильно подметили, еще не принесла мне богатства.

— Вы занимаетесь какой-то необычной областью медицины? — спросил я.

— И, боюсь, не очень популярной, — улыбнулся Мур. — Мы с моими коллегами охватываем широкий диапазон наук: от патологической анатомии до месмеризма, включая френологию, краниометрию^[14] и неврологию. Я психолог.

— Неужели? — воскликнул я.

— Целый год я учился у Шарко^[15] в парижской больнице Сальпетриер. Обладай дядя Август достаточными средствами, он, несомненно, устроил бы мне практику на Кавендиш-сквер,^[16] тогда мои специальные знания были бы оправданы и географически. Боюсь, Бейкер-стрит — скорее место для криминальных расследований, чем для лечения душевных болезней. Я живу за счет пациентов, страдающих ипохондрией, нервными и обычными заболеваниями. Естественно, порой приходят и люди с ножевыми ранениями.

— Что ж, — сказал Холмс, прокашлявшись, — именно в этой области мне и требуется ваша помощь.

— Замечательная новость! — улыбнулся доктор Эгер. — Джентльмен обязан быть сдержанным, но я сгораю от любопытства: чем могу быть вам полезен?

— Я узнал из медицинского справочника, что вы специалист по нервным расстройствам. Беглого взгляда на ваши книжные полки оказалось достаточно, чтобы понять: именно ваше экспертное мнение мне необходимо. «Руководство по душевным расстройствам», «Умственная патология», «Сексуальная психопатия»^[17] — вот названия книг вашей библиотеки, которые позволили мне сделать подобный вывод.

Детектив вкратце изложил печальные обстоятельства, ставшие поводом для его визита к доктору Эгеру. Когда мой друг замолчал, Мур, всем своим видом выражая заинтересованность:

— Я, конечно, внимательно следил за преступлениями Потрошителя. Из сообщений прессы узнал, что именно он нанес вам раны, которые я зашивал той памятной ночью. Но я вас правильно понял — вам требуется, скорее, помощь психолога?

— Именно так, — подтвердил Холмс. — Я детектив-консультант,

доктор Эгер. Занимаюсь исследованиями в различных отраслях знания. Мне нередко приходится собирать и истолковывать более или менее веские доказательства. Но они, я полагаю, малоприменимы к Потрошителю. Это особый тип преступника, с каким мне не доводилось иметь дело раньше. Моя практика основана на том факте, что, сколь уникальным ни казалось бы конкретное правонарушение, знаток истории криминалистики без труда впишет его в давно известную схему. Шаблон в расследуемом нами деле применим настолько редко, что мне потребовалось немало времени, чтобы классифицировать преступника. Однако после событий тридцатого числа я стал лучше понимать этого субъекта. Двойное убийство сорвало с него маску. Теперь понятно: главное удовольствие он получает не когда убивает, а когда разрезает свои жертвы на части.

Разговор начинал вызывать у меня отвращение, но доктора Эгера он сильно заинтересовал.

— Убийца ищет тех, кто причинил ему зло, и совершает эти чудовищные преступления из чистой мести? — спросил я.

Сыщик покачал головой:

— Не думаю, что он знаком с ними. Моя рабочая гипотеза состоит в том, что он убивает случайно встреченных женщин. Похоже, мы идем по следу законченного безумца, хотя внешне он выглядит, как заурядный человек.

Объятый страхом, я уставился на Шерлока:

— Вполне допускаю, что этот изверг — сумасшедший, но то, что предполагаете вы, совершенно исключено. За этими смертями, несомненно, скрыт еще какой-то мотив. Безумцу не удастся жить незамеченным среди нормальных людей.

— Вы так думаете? — спросил мой друг, при этом одна бровь взлетела вверх.

— Дело даже не в этом, — упорствовал я, ощущая раздражение. — Просто эксцентричные люди здоровы, подобно вам и мне, но как вы назовете человека, который режет на куски бедных женщин без всякой причины и не думает о последствиях? Можно ли всерьез вообразить, что такая жестокость не вызывает ни у кого тревоги?

— Не спрашивайте меня. Именно это я и собираюсь выяснить у доктора Эгера, — сказал Холмс, переводя взгляд на психолога, стоящего у камина. — Считаете ли вы, как профессионал, возможным, чтобы сумасшедший безусловно играл роль нормального человека?

Мур подошел к книжной полке и извлек небольшой томик:

— Начинаю вас понимать, мистер Холмс. Вы говорите о Лондонском

монстре.

Детектив быстро нашел нужную выписку в своей тетради:

— Я имею в виду не только Лондонского монстра, хотя он в свое время наделал шуму. Впервые появился в нашем городе сто лет назад, в апреле тысяча семьсот восемьдесят восьмого года. В течение двух последующих лет на улицах было зарезано около пятидесяти женщин. Убийцу так и не нашли — возьмите это на заметку, Уотсон. Перенесемся на континент. Инсбрук, тысяча восемьсот двадцать восьмой год: убийца подходил вплотную к женщинам и наносил им раны простым перочинным ножом. Дело до сих пор не закрыто. Бремен, тысяча восемьсот восьмидесятый год: некий парикмахер при свете дня ранил ножом в грудь не менее тридцати пяти женщин, пока его наконец не арестовали. Все это примеры того, что я бы назвал патологической эротоманией.

— Ваша цепочка рассуждений внушает ужас, — заметил доктор Эгер.

— О какой логической последовательности вы говорите, Холмс? — спросил я со страхом.

— Если мне удастся обнаружить звено, связующее жертв — вот вам прекрасный пример: общее знание некой тайны, — моя гипотеза благополучно развалится. Но я спрашиваю себя: «*Cui bono?*»,^[18] пока эти слова не начинают жечь мозг. Единственный ответ: «Ни в чьих». Теперь уже совершенно ясно: человек, совершивший столько не имеющих никаких мотивов убийств, — сумасшедший. И чтобы продолжать беспрепятственно убивать...

— ...преступник не должен выглядеть безумцем, — закончил фразу Мур.

— Итак, я задаю вам вопрос, доктор Эгер: возможно ли это?

— Весьма трудно ответить с абсолютной уверенностью. В конце концов, является ли умственное расстройство болезнью души, вырождением рода или дефектом мозга? Ваша версия предполагает радикально новую форму сумасшествия — монотипию, скрывающуюся под личиной рационального ума, который поддерживает и маскирует эту патологию. Такая идея больше подходит к классическому определению зла в чистом виде, чем к маньяку, наносящему внезапный удар ножом. Вы говорите о полном моральном вырождении, сопровождаемом приятной внешностью и трезвым умом.

— Именно так, — подтвердил сыщик.

— Боюсь, это вполне возможно, — ответил доктор.

— Что ж, ничего не поделаешь, — сказал мой друг. — Благодарю за помощь. Прощу меня извинить: у меня еще уйма работы. Плата за

оказанные вами услуги — на столе.

Мур попытался вернуть банкноты:

— Мистер Холмс, будучи вашим соседом, я не вправе требовать от вас оплату экстренной помощи.

— Тогда считайте это гонораром за консультацию, — улыбнулся детектив. — Пойдемте, Уотсон. Не будем больше отнимать время у доктора Эгера.

— И вам спасибо, Холмс, — стоя в дверях, сказал учтивый молодой человек. — Если вновь возникнет необходимость во мне, ни минуты не сомневайтесь. Сегодня меня посетили три пациента: двое с бессонницей и один с плохо скрытым пристрастием к наркотикам. Ваш визит скрасил мне день. ^[19]

Помахав на прощание Эгеру, мы быстро одолели короткий путь до нашего дома.

— Выглядите обеспокоенным, доктор Уотсон, — заметил Холмс.

— Трудно поверить, что такие создания существуют вне беллетристики, призванной напугать читателя, — сознался я, нашаривая ключ в кармане.

— Да, все это плохо укладывается в голове. Мне потребовалось несколько недель, чтобы только допустить возможность подобного кошмара.

— А вы уверены, что наш подопечный принадлежит к этому типу злодеев? — не отставал я, пока мы поднимались по лестнице.

— У меня нет в этом ни малейших сомнений.

— Не представляю, каковы будут ваши следующие шаги. Вы описали настоящего монстра.

— Он не чудовище, не дикий зверь, а нечто несравненно более опасное. Боюсь, когда в человеке извращенность соединена с ощущением собственной правоты, результат получается просто убийственный. У меня возникли опасения, что разыскать такого злодея почти невозможно. Но я сделаю это, Уотсон. Клянусь вам, я его поймаю.

Холмс кивнул мне, пожелал спокойной ночи и, не тратя лишних слов, скрылся за дверьми своей комнаты.

Глава 16

Проблема Уайтчепела

Спустившись из спальни на следующее утро, я обнаружил, что Холмс уже позавтракал. Убрав все подушки с канапе, он свалил их кучей рядом, запасся сигаретами и растянулся на полу с важностью окутанного завесой фимиама языческого божка. На мое приветствие он не ответил. Между восемью и девятью часами я расправился с яйцом и несколькими ломтиками бекона, проглядывая между делом «Таймс» и «Пэлл Мэлл».

— Мне надо переговорить с вами, Уотсон, если у вас есть время, — сказал Холмс, выбрасывая сигаретный окурочок в ближайшую пустую чайную чашку.

— Слушаю вас.

Выйдя из-за обеденного стола и взяв сигару из ящика для угля, я удобно устроился в кресле.

— Я не стану испытывать ваше терпение дольше, чем необходимо, но проклятие сыщика-одиночки в том, что у него нет соратника, всегда готового его выслушать, когда проблема становится неподъемной для одного человека. Вы, конечно, заметили, что наше расследование идет по трем направлениям. Первое — и, вынужден признаться, наименее плодотворное — касается фактических преступлений Потрошителя; здесь у нас поразительно мало вещественных доказательств. Хотя визит к доктору Эгеру в целом оказался весьма полезным, наш источник информации, мисс Монк, пока не сообщила сведений, которые позволили бы выяснить место жительства и имя преступника, чтобы арестовать его. Второе направление основано на допущении, что Джеку Потрошителю, кем бы он ни был, доставляет огромное удовольствие мучить нас. Эта идея проистекает из письма, полученного в феврале прошлого года. Создается впечатление, что сочинять издевательские записки для него не менее приятно, чем совершать чудовищные убийства. Впрочем, не исключено, что эта тяга к переписке его и погубит: малейшая зацепка может обнаружить его местонахождение. До сих пор я внятно излагал свои мысли?

— Вполне.

— И наконец — дело об убийстве Марты Тэйбрам.

— Вы по-прежнему считаете, что это дело рук Потрошителя?

— Да, но здесь таится еще одна загадка: темная история Стивена

Данлеви и Джонни Блэкстоуна. Мисс Монк не успела проработать у нас и недели, как вдруг к ней подходит незнакомец и утверждает, что ему известно все о смерти Тэйбрам. Принимая во внимание, что Уайтчепел — небольшой район, хоть и густонаселенный, нельзя исключить, что наша знакомая почти сразу повстречала человека, знающего Джека Потрошителя. Но насколько это правдоподобно?

— Что вы хотите сказать?

— Не странно ли, что мисс Монк обнаружила такую важную зацепку совершенно случайно? Это обстоятельство становится еще более необъяснимым, если мы подробнее остановимся на источнике этой информации — мистере Данлеви. Должен признаться, в ту страшную ночь в пабе я видел его уже не в первый раз. Я сразу же понял это, но лишь через несколько дней вспомнил, где встречал его раньше: в ламбетском рабочем доме, когда мы уходили от мисс Монк.

Я раскрыл рот от изумления.

— Вы уверены?

— Абсолютно. И это еще одна причина, почему мисс Монк следует держать его под наблюдением.

Хотя я часто замечал, как Холмс, следуя выработанным им методам, манипулировал людьми, как фигурами на шахматной доске, но никак не мог привыкнуть к подобному. Я холодно кивнул, возмущенный его речами.

— Не исключено, что Данлеви и мисс Монк состоят в сговоре против вас.

Мой друг лишь улыбнулся в ответ:

— Я рассматривал эту версию. И все же считаю, что мисс Монк не работает на него; по крайней мере, этого не было, когда я обратился к ней за помощью.

— Если исключить личную симпатию, откуда такая уверенность?

— Из-за ее новых ботинок с ободранными носками, что вызвали такой скандал прошлой ночью.

— Не понимаю.

— На ее старых мужских башмаках были симметричные дыры как раз на подъеме, где изгибается стопа, — труднопереносимое состояние в это мокрое и холодное время года. И все же в течение двух недель после того, как я заплатил ей, она не покупала новой обуви. Решила даже, что я подшучиваю над ней, обращаясь как с коллегой. И уж, конечно, мисс Монк не получала денег от Данлеви. В лучшем случае рассчитывала отложить фунт-другой про запас, чтобы опять не оказаться в рабочем доме.

В этот момент мы услышали громкие медленные шаги на лестнице.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла массивная фигура старшего брата великого детектива. Роль Майкрофта Холмса в английском правительстве была огромна, хотя и неизвестна широкой публике. Майкрофта отличали пугающая пронизательность и армейская приверженность к заведенному порядку. Он редко выбирался за пределы Уайтхолла, квартиры на Пэлл-Мэлл или клуба «Диоген». Я тут же предложил ему сесть, но он остался стоять, озабоченно глядя на младшего брата, лежащего на полу. В его внимательных серых глазах плескалось явное неудовольствие.

— Я был неприятно удивлен и встревожен, когда в воскресенье мне домой пришло циркулярное письмо из самых высших сфер, — объявил Майкрофт Холмс. — Он не причинит тебе вреда? — Этот вопрос был обращен ко мне, и я покачал головой. — Послушай, Шерлок, в какие игры ты играешь? Ты преследовал убийцу из Уайтчепела самым безрассудным образом.

— Присядь, брат Майкрофт, в ногах правды нет — быстро устанешь. А меня ты уже успел утомить, — съязвил мой друг, которого одновременно позабавило и раздосадовало появление брата. — Так уж вышло. Мы совершенно случайно оказались на месте преступления.

Майкрофт неохотно сел, привычно устремив глаза куда-то в пустоту, что со стороны при взгляде на обоих братьев воспринималось как расслабленность, а на деле было величайшей концентрацией мысли.

— Ты меня изумил. Крайне неосмотрительно было преследовать его в темноте без оружия. Гнал за ним даже после того, как упал...

Должно быть, меня смутила эта реплика, потому что Холмс с саркастическим видом поднял обшлаг рубашки, обнажив запястье. Я тогда даже не заметил, как сильно он ушиб и разодрал руку при падении.

— Хотел пресечь его дальнейшие действия, но, как видишь, случилось иначе, — сказал Шерлок брату.

— Мой дорогой мальчик, ты обязан относиться к таким вещам более серьезно.

Губы Холмса раздраженно дернулись.

— Майкрофт, если ты хочешь сказать, что я легкомысленно отношусь к чудовищным убийствам пяти беззащитных женщин...

— Ты делаешь вид, что не понимаешь меня. — Холмс-старший ласково глядел на родственника, но голос его звучал сухо. — Это вопрос огромной практической важности, не говоря уже о моих нежных чувствах к единственному брату. Ты не должен больше в одиночку гоняться за опасными безумцами. Разве ты не понимаешь, насколько велик риск?

Уайтчепел — маленький район огромного Лондона, но тот эффект, который производят эти убийства... Шерлок, ты осознаешь, какие последствия будет иметь твоя неудача?

— Все возрастающее число проституток, выпотрошенных во имя какого-то мрачного ритуала.

— Твой цинизм неуместен, — фыркнул Майкрофт. — Ты читал статью о двойном убийстве в «Стар»?

— Просматривал. Они требуют уволить сэра Чарльза Уоррена.

— Иногда эти карбонарии очень верно выражают общественное мнение. Они пишут, что Уайтчепел разнесет Британскую империю вдребезги. Это, конечно, явное и злонамеренное преувеличение, но мы крайне обеспокоены. И, хотя это тебя несколько не интересует, знай, мой мальчик: есть люди, которые искусственно раздувают ужасы Уайтчепела, превращая их в проблему всей страны. Мы стремимся к прогрессу, но вокруг смутьяны и анархисты.

— Конечно, это скорее ваши трудности, чем мои. Я вовсе не претендую воплощать собой информационный центр британского правительства.

Майкрофт Холмс сурово поджал губы:

— Думаю, ты был бы глубоко взволнован, узнав о несчастьях, преследующих сейчас Ее величество со всех сторон. Я не вправе обсуждать это, но ты окажешь мне честь, если согласишься на слово. Все очень плохо, Шерлок, и становится еще хуже. Один лишь вопрос об автономии Ирландии настолько расколол парламент, что этот безумец, разгуливающий на свободе среди обездоленных, вполне способен превратить сеющие рознь слова в подстрекательские действия. И тут еще до меня доходят слухи о написанном на стене провокационном воззвании, бросающем тень на евреев...

— Я слышал, ваш сэр Чарльз стер эту надпись.

Майкрофт вздохнул, всем своим видом выражая терпение, которому вот-вот придет конец.

— Думаешь, я не понимаю всю степень твоего разочарования? Возможно, ты почувствуешь огромное политическое значение этого дела, когда я скажу: меня просило обратиться к тебе лицо, чью роль вряд ли можно преувеличить.

Глаза Холмса смягчились, но бровь вопрошающе поднялась.

— Мой дорогой брат, что ты хочешь от меня? Мне нечего предложить, кроме своих уверений.

— Напротив, я рассчитываю получить от тебя ответы на важные

вопросы. Мистер Ласк послал петицию Ее величеству, предлагая назначить награду за поимку убийцы.

— Да, он превосходно разбирается в иерархии власти.

— Мне хотелось бы услышать твои соображения.

Великий сыщик решительно покачал головой:

— Нет. Игра едва ли стоит свеч. Чтобы достичь результата, мне пришлось бы просеять массы пустой породы, не говоря уже о давлении официальных властей, которые заинтересованы в успехе этого расследования.

— Тогда договорились: никакого вознаграждения. Какие иные формы помощи будут тебе полезны?

Холмс глубоко вздохнул:

— Мне требуется неограниченный доступ к показаниям, собранным полицией округа Сити и Скотланд-Ярдом. И неважно, что напишут обо мне в «Лондон Кроникл».

— Это я обеспечу.

— Необходимо увеличить численность патрулей в Уайтчепеле. Они должны быть укомплектованы толковыми людьми.

— Я заранее предвидел это требование. Пополнение вчера взято из других районов города. Я полагаю, ты ознакомился с историей Лондонского монстра?

— Мой дорогой Майкрофт, какие свежие идеи порой приходят тебе в голову!

— Что еще потребуется?

— Время прежде всего, — ответил Холмс, внезапно показавшийся мне очень усталым. — Если это все, Майкрофт, желаю тебе хорошего дня. Мне необходимо продолжить работу.

Старший брат с усилием поднял со стула свое массивное тело.

— Шерлок, я знаю, что сильные стороны каждого из нас лежат в противоположных сферах. Ты упиваешься деталями, меня интересует вселенная. Ты движешься назад, в прошлое, создавая цепочку умозаключений на основе мельчайших подробностей, я же предсказываю грандиозные события на почве обыденности. И теперь я целиком полагаюсь на твои специфические таланты. Будь деятелен, Шерлок. Если тебе понадобится помощь, немедленно обращай ко мне.

— Скажи своему высокопоставленному лицу, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы остановить этого изверга.

— Хорошо сказано, Шерлок. И я не останусь в стороне. Ты займешься расследованием, я — всем остальным. Поправляйся быстрее. Не выразить

словами, как я рад, что ты не лежишь где-нибудь в канаве, убитый.

— Спасибо. Целиком разделяю твою точку зрения.

— Тогда до свидания.

Я проводил Майкрофта Холмса. Выйдя из дома на улицу, он обернулся и схватил меня за руку:

— Присматривайте за ним, доктор. Меня пугает, что брат занимается этим ужасным делом, но он должен испробовать все средства. Ему необходимо действовать быстро. От этого слишком многое зависит.

И тучный, осанистый Майкрофт тяжело двинулся по Бейкер-стрит в сторону ближайшей стоянки кэбов на Дорсет-стрит. Я постоял немного, вдыхая бодрящий воздух осеннего дня. Наставления Майкрофта подействовали на меня лучше, чем пустые обещания. Шерлок обладал замечательным умением восстанавливать силы, если все его существо было сконцентрировано на этом. Тот самый человек, который больше месяца лежал беспомощный в нервной прострации, если у него появлялось дело, был способен энергично взяться за него и не останавливаться на полпути. И я мысленно поклялся, что, если Холмс снова направится по следу Джека Потрошителя, я буду рядом с ним.

Глава 17

Человек в униформе

На следующий день было около шестнадцати часов, когда в гостиную вошла миссис Хадсон:

— Мистер Холмс, к вам пришла мисс Монк. С ней какой-то мужчина.

— Отлично, миссис Хадсон. Проводите их ко мне наверх. — С удивившей меня живостью детектив вскочил с дивана. — Несмотря ни на что, мы продвигаемся вперед, Уотсон. Как поживаете, мисс Монк?

Она, по-видимому, стремглав взбежала по лестнице: ее спутник все еще с трудом поднимался следом.

— Я привела его! — возбужденно прошептала Мэри Энн. — Как только вы сказали мне о веточке винограда, я пошла по следу, и разразил меня гром, если бы я не сумела его отыскать. Пришлось потратить шиллинг, чтобы уговорить его прийти сюда.

Человек, вошедший в гостиную, был худым, с сединой в волосах и большим носом. На щеках — глубокие морщины, на лице — выражение недовольства, которое, как мы скоро убедились, менялось в сторону покорности, разочарования или нескрываемого презрения в зависимости от сиюминутных обстоятельств. Но в первый момент по его водянистым голубым глазам и упрямому подбородку было видно, что он весьма не в духе.

— Меня зовут Шерлок Холмс, — радушно представился мой друг, — а это доктор Уотсон.

— Я знаю, кто вы и чем занимаетесь, — огрызнулся вошедший, — а вот зачем я тащился через весь Лондон, чтобы увидеть вас, пока непонятно.

— Это мистер Мэтью Пакер, — поспешно сказала девушка. — Он действительно живет на другом конце города, на Бернер-стрит. Продает фрукты прямо из окна своего дома. Верно я говорю?

— С этим трудно поспорить.

— Рад приветствовать вас, мистер Пакер! — с нескрываемым энтузиазмом воскликнул детектив. — Присядьте поближе к камину. В это время года нас всех донимает холод, и ваш ревматизм, должно быть, разыгрался не на шутку.

— Я не жаловался на свои хвори, но, если уж вы узнали про них, не говорите откуда, — сказал мистер Пакер, проходя к плетеному креслу.

— Доктор Уотсон, — сказал Холмс, скрывая приятное изумление под

маской простодушия, — кажется, вы говорили, что лучшее средство от ревматизма — стакан доброго бренди?

— И не один раз. Налить вам, мистер Пакер?

— Не откажусь. А теперь пусть эта юная дама объяснит, зачем отвлекла старика с утра пораньше от дел в лавке.

— Видите ли, мистер Холмс, — вступила в разговор Мэри Энн, — я шла по Бернер-стрит и увидела в окне мистера Пакера свежий черный виноград. И сразу же вспомнила несчастную женщину, убитую рядом с клубом. Ее ведь нашли с веточкой винограда в руке! Черного, как раз такого, что продаете вы, мистер Пакер, — добавила она с лучезарной улыбкой.

— Уж не хотите ли вы сказать, что эту женщину убил я, — ухмыльнулся старый плут, — а вы привели меня на допрос к этим джентльменам?

— Ничего подобного, мистер Пакер, — ответил сыщик с печалью в голосе. — Крайне маловероятно даже то, что вы заметили нечто полезное для нас.

— Именно об этом я твержу вашей сумасшедшей помощнице.

— Единственная надежда на успех зиждется на предположении, что вы, возможно, видели в тот вечер женщину с цветком, приколотым к жакету. Красный цветок на фоне белого папоротника. Но, как я уже сказал, ситуация почти безнадежная. Похоже, Джек Потрошитель умнее всех нас.

Выражение презрительности на лице торговца сменилось гримасой снисходительности.

— Говорите, к ее жакету был приколот красный цветок? — спросил он, потягивая бренди.

— Да, — вздохнул детектив. — Боюсь, все бесполезно.

— Как это ни смешно, но я действительно продавал виноград женщине с красным цветком. Платил, естественно, мужчина, но она все время стояла рядом.

— Удивительное совпадение! Вы случайно не запомнили какие-то особенности ее лица или фигуры?

— Весьма унылая особа, — ответил старик Мэтью. — Светлокожая, с темными кудрями, а юбка, капор, корсаж, меховая оторочка жакета — все черное.

— В самом деле? — холодно спросил Холмс.

— У нее было волевое лицо, если вы понимаете, что я хочу сказать: квадратные челюсти, высокие скулы...

— А ее спутник?

Шерлок выглядел, как всегда, бесстрастным, но я видел, что он весь внимание.

— Обычный парень среднего роста, плотный, крепкого телосложения. Одет просто, как клерк или лавочник, — сюртук и суконная шляпа. Перчаток не было.

— Ваш рассказ чрезвычайно заинтересовал меня, мистер Пакер. — Нотка показного равнодушия уже не слышалась в голосе моего друга. — А лицо? Вы можете описать этого человека?

— Правильные черты, гладко выбрит. И знаете — я уже видел его раньше.

Тут уже Холмс не сдержался, подавшись вперед всем телом.

— Да что вы говорите!

— Похоже, живет где-то по соседству, уж больно физиономия знакомая.

— Не припоминаете, где видели его раньше?

— Где-то поблизости. В пабе или на рынке.

— А род его занятий и место жительства вам неизвестны?

— Я лишь сказал, что встречал этого парня, но не говорил, будто его знаю.

Холмс нервно сжал пальцы, но голос его остался ровным:

— В какое примерно время вы продали им виноград, мистер Пакер?

Он пожал плечами:

— Думаю, часов в двенадцать.

— Вы рассказывали об этом полисменам?

— Полиция! — фыркнул Мэтью. — О чем мне с ними разговаривать? Понятное дело, они стучали мне в дверь, хотели узнать, не заметил ли я чего-нибудь. Ну, я им и сказал, что видел в половине первого, когда закрывал лавку. Ровным счетом ничего.

— Вы не стали сообщать полиции, что заметили нечто подозрительное?

— Господи, да что подозрительного, когда люди покупают гроздь винограда?

— Пожалуй, вы правы. И все же, мистер Пакер, не вспомните ли еще что-нибудь про ночь убийства и того человека?

— Ну что ж, за бренди, которым вы меня столь любезно угостили, я припомню еще одну подробность, — соблаговолил ответить торговец. — Наверное, они не были большими друзьями, но женщина встречала и ранее этого парня, не носившего перчаток, точно вам говорю.

— Почему вы так решили? — спросил Холмс.

— Он покупает виноград, а женщина и говорит ему: «Они ведь тебя не хватятся сегодня вечером?» А он ей раздраженно: «О ком ты говоришь?» А она: «Я тебя раскусила, но не обижайся — в этой одежде ты выглядишь великолепно».

— Она имела в виду его наряд?

— Точно, — согласился старик, допивая оставшееся бренди. — Не возьму в толк, с чего она так сказала: в его одежде не было ничего примечательного. Она просто потеряла голову от этого типа, если то, что вы говорите, верно. Через час она уже была мертва.

Холмс ничего не сказал в ответ: мысли его были далеко. Наш гость демонстративно откашлялся и встал:

— Так или иначе, джентльмены, мне пора идти. К тому же не представляю, что за польза от ваших расспросов.

— Ради бога, извините за беспокойство! — воскликнул я.

— Пять женщин мертвы, а у вас даже нет подозреваемых! Результат пока неважный. Что ж, дайте мне знать, если что-то выйдет. Но я сильно сомневаюсь. Мне пора возвращаться в лавку.

— Простите, мистер Пакер, но, боюсь, вам придется еще задержаться.

— Неужели? И зачем, позвольте спросить?

Холмс приблизился к пожилому мужчине, остановившись в паре дюймов и буквально нависнув над этим вспльчивым человеком. Бледный, с подвязанной рукой, он выглядел чрезвычайно устрашающе.

— Я весьма благодарен, что вы к нам зашли. Думаю, вам известно, что Скотланд-Ярд тоже разыскивает Джека Потрошителя. Если вы до сих пор не поняли, что располагаете важной информацией, я считаю своим долгом разъяснить, в каком положении вы оказались. Мы сейчас возьмем кэб и отправимся напрямиком в Скотланд-Ярд, где вы в точности повторите моему другу Лестрейду все, что сказали нам. И не дайте мне повода заподозрить хотя бы на мгновение, что вы сочувствуете Джеку Потрошителю.

Старик Мэтью растерялся, не зная, что ответить.

— Итак, в путь. Уотсон, будьте так любезны, принесите мое пальто. Мисс Монк, я не хочу отнимать у вас время, поэтому не предлагаю ехать с нами. Сердечно благодарю, что привели к нам этого человека. Прошу вас следовать с нами, мистер Пакер.

Вот так начался день, ставший радостным для нас и принесший много беспокойства мистеру Пакеру. Лестрейд охотно записал его показания, потом пригласил старика в морг, где ему показали не Элизабет Страйд, а Кэтрин Эддоуз. Торговец решительно заявил, что никогда ее не видел, и тогда ему предъявили для опознания труп Страйд. На этот раз он уверенно

подтвердил, что это и есть женщина, покупавшая виноград. Близился вечер. В награду за правильную идентификацию убитой Пакера доставили к сэру Чарльзу Уоррену, которому наш свидетель в третий раз дал показания. После этого мы с благодарностью отпустили его.

— Должен признать, что деньги, заплаченные вами мисс Монк, окупались достаточно быстро, — сказал я Шерлоку, когда мы ехали в кэбе.

— Теперь область поисков чрезвычайно сузилась, — с подчеркнутой медлительностью проговорил детектив. — Вместо того чтобы напрягать силы, выискивая англичанина ростом пять футов семь дюймов, мы откроем охоту на гладко выбритого англичанина ростом пять футов семь дюймов, с правильными чертами лица.

— Что же мы в итоге имеем из показаний Пакера?

— На мой взгляд, представляют интерес два момента.

— Отсутствие перчаток?

— Bravo, Уотсон! Эта деталь сужает социальную сферу поисков: не думаю, что представители низших слоев Уайтчепела надевают перчатки к обеду. А второй момент?

— То, что Пакер раньше встречал его где-то поблизости?

— Мой дорогой друг, естественно, мы не забываем — отличное знание Уайтчепела этим человеком предполагает, что он бывал там и раньше.

— Ну, тогда странная реплика о его одежде — если, конечно, Пакер все верно расслышал.

— Уотсон, вы определенно делаете успехи. Да, эти слова чрезвычайно меня заинтересовали. Вероятно, этот парень решил, что будет меньше бросаться в глаза в наряде обычного добропорядочного британца.

— Не понимаю почему.

— Неужели? — улыбнулся Холмс. — Вы удивляете меня, мой мальчик. Возьмем такой пример. Допустим, мне надо подробно описать вас. Если бы мы не были знакомы и физиогномика не была частью моей профессии, я бы сказал, что у вас правильные черты лица. В конце концов, этот термин означает симметрию, не более.

— Я теряюсь в догадках, как Страйд узнала этого человека и стало ли это причиной ее смерти.

Внезапно Холмс рассмеялся.

— Предположим, ваши лондонские друзья достаточно наблюдательны, чтобы опознать вас при встрече. Если вы оденетесь как простой моряк, они поймут, что это вы?

— Думаю, да.

— Вы уверены? Если вы в своей нынешней одежде внезапно

окажетесь в Индии, тамошние друзья вас узнают?

— Некоторые да, а кто-то, наверное, и нет, — признал я.

— Почему же?

— Моя внешность сильно изменилась. К тому же я всегда был в армейской форме.

— А вот теперь я растолкую свои доводы, — сказал сыщик с обычным для него отсутствующим выражением лица. — Уж коли есть вероятность, что коллеги не узнают вас в толпе, если вы не будете одеты в униформу, как можно ожидать этого от незнакомого человека? Но в этом мире существуют люди с хорошей памятью на лица, и Элизабет Страйд была одной из них. Большинство не узнало бы не слишком запоминающееся лицо вне привычного окружения, а она сумела это сделать. К сожалению, ей не удалось ничего рассказать: вскоре она погибла.

— Вы правы, Холмс, — сказал я, подумав. Ход его мысли стал теперь для меня абсолютно ясен. — Штатское одеяние существенно изменяет облик человека, если до этого он постоянно носил униформу.

— В ближайшее время я направлю все свои усилия на поиски этого Джонни Блэкстоуна, — отозвался мой друг. — Боюсь только, это займет немало времени.

Глава 18

Трофеи

Утро шестого октября выдалось туманным и холодным, влажный воздух норовил проникнуть в жилища сквозь окна и дымоходы. Было где-то часов восемь, когда раздался короткий стук в дверь и вошел Холмс с чашкой кофе в руке.

— Какие новости?

— Сегодня погребение Элизабет Страйд. Если хотите, поедем вместе на Восточное Лондонское кладбище — я выяснил, что ее хоронят там.

— Буду готов через десять минут.

— Кэб прибудет в половине девятого.

Я быстро оделся и, наскоро позавтракав, уселся в пролетку рядом с Холмсом.

— Ожидаете каких-то событий?

— Не имею ни малейшего представления, что может случиться. Именно поэтому мы и едем туда.

— Но вы что-то подозреваете?

— На Мэрилбоун-роуд открылся новый вегетарианский ресторан. Насколько мне известно, появление таких заведений во многом связано с нашими восточными колониями, но подобная практика имеет и достаточно долгую британскую историю. Так, сэр Исаак Ньютон испытывал ужас перед кровяной колбасой.

Я подавил любопытство, зная, что ничто на свете не заставит Шерлока Холмса делиться информацией, когда он к этому не расположен. Мы закутались в свои пальто. Холмс погрузился в раздумья, а я проклинал тонкие стенки кэба, несколько не защищавшие от непогоды. Я смотрел, как мелькают улицы за окном. Нога ныла от сырости, проникавшей внутрь экипажа.

Железный забор отделял Восточное Лондонское кладбище от дороги, травяная лужайка за воротами была обсажена по краям ольхой, горным ильмом и кленами, темневшими в утренней мгле. Туман висел в воздухе, подобно призраку, и я закутался в шарф поплотнее.

— Холмс, а где же часовня?

— Здесь ее нет. Этому кладбищу не более пятнадцати лет, оно предназначено для местных жителей. Одно из непредусмотренных последствий того, что население города за пятьдесят лет увеличилось вдвое

и достигло четырех миллионов человек: куда девать мертвых?

Около десятка мужчин и женщин стояли в ожидании рядом с низкой лачугой. Они собрались вокруг тележки, на которой лежал длинный предмет, завернутый в рваную мешковину. В нескольких ярдах стояли констебль и доктор Мур Эгер.

— Доброе утро! — поприветствовал офицера Холмс. — Что привело вас сюда?

— Здравствуйте, сэр. Инспектор Лестрейд распорядился, чтобы полиция присутствовала на похоронах жертвы убийства.

— Весьма разумное решение.

— Да, мистер Холмс. Правда, не знаю, следует ли нам обеспечивать порядок или просто показаться публике...

Холмс рассмеялся:

— Полагаю, даже видимость работы полезна Скотланд-Ярду.

— Я этого не говорил, сэр, — рассудительно заметил констебль, поднимая воротник. — Однако нас здесь ждали, если вы меня понимаете.

— Несомненно. Вот и служитель церкви. Давайте присоединимся к траурной процессии.

Приходской священник, тяжело дыша, подошел к тележке. Его гладкое, лоснящееся лицо было угрюмо, из-под пальто выглядывал белый пасторский воротничок. Мы шли на некотором расстоянии от тела покойной, достаточно далеко, чтобы избежать лишних пересудов, но настолько близко, чтобы слышать тихие голоса остальных участников процессии. Без сомнения, Холмс с его обостренными чувствами различал слова даже лучше меня.

— Не слишком впечатляющее зрелище, — заметил светловолосый мужчина, от которого даже за несколько ярдов разило рыбой.

— Сам знаешь, у Лиз не было родственников, — отозвалась укутанная шалью молодая женщина в черной соломенной шляпе.

— Она постоянно жила в нужде. Ей никогда не везло.

— По крайней мере, ее не разрезали на куски, как ту, другую девушку. Все-таки не такая страшная участь.

— Если бы не мысли о том, чья же очередь следом, я бы смогла снова наконец спокойно спать, — сказала другая женщина. Чувствовалось, что она вот-вот разрыдается. — Пройлой ночью крыса как выскочит на аллею, я аж завизжала от страха.

— Ну, я не такая. Тесаку непросто будет поймать меня в темном углу.

— Сегодня — да, но завтра тебе захочется глотнуть джина, и где тебя тогда искать?

— Где-нибудь на Уайтс-роу с задранными на голову юбками.

— Оставь Молли в покое, Майкл.

— Он прав. Молли, как и всех нас, так и тянет на улицу.

Мы пришли на отдаленный участок кладбища, где, казалось, поработали не могильщики, а гигантские кроты. Земля была перевернута, кучка свежего грунта лежала рядом с ямой глубиной шесть футов и примерно такой же длины. Надгробных памятников нигде не было: увиденное прискорбным образом напомнило мне сделанные наспех военные захоронения.

— Это здесь, Хоукс? — спросил священник.

— Вот ее могила, — проворчал владелец похоронного бюро. — Участок один пять пять ноль девять.

Священник, не теряя времени даром, скороговоркой прочитал заупокойную молитву, в то время как Хоукс и кладбищенский служитель взяли с тележки завернутое в саван тело и опустили в могилу.

— Элизабет Страйд была неимущей, — тихо сказал мой друг, — и ее хоронят за счет прихода. И все же больно осознавать, что человеческое существо, и без того страдавшее без меры, вот так завершает свой земной путь.

Церемония закончилась, и немногие присутствовавшие быстро разошлись. Остался только рыжеволосый темноглазый мужчина средних лет, казавшийся скорее разъяренным, чем объатым скорбью. Он поднял с земли камень и бросил в распорядителя похорон Хоукса с криком:

— Я относился к этой женщине как к королеве, а вы швыряете землю в ее могилу, словно она дохлая собака, которую бросили в реку!

— Идите прочь! — огрызнулся Хоукс. — Я исполняю свои обязанности, именно за это мне платят. А если вам не нравится, хороните ее сами.

Мужчина с безумными глазами прошел мимо нас. Тут его взгляд упал на закругленный шлем и полосатый нарукавник^[20] констебля. Рыжеволосый приостановился, угрожая бормоча вполголоса:

— Будь я копом, патрулирующим Уайтчепел той ночью, наложил бы на себя руки от стыда!

— Уходите отсюда, мистер, — отозвался полицейский. — Мы делаем что в наших силах.

— Тогда возьмите нож и полосните им по своей драгоценной глотке!

— Вы пьяны, и, если не успокоитесь, придется вас арестовать.

— Лучше разыщите того, кто убил Лиз, а если не можете, убирайтесь к черту!

— А кто вы, сэр, позвольте спросить? — вмешался Шерлок Холмс.

— Майкл Кидни, — ответил скандалист, с трудом сохраняя равновесие. — Я был ее мужем и непременно найду убийцу, пока вы, свиньи, роетесь носом в грязи.

— А, владелец всячего замка! — воскликнул сыщик. — Скажите, она полюбила вас до того, как вы заперли ее на ключ, или после?

— Ах ты дьявол! — прорычал Кидни. — Она порывалась бросить меня, только когда была пьяна. А кто вы такой и откуда так много знаете?

— Меня зовут Шерлок Холмс.

— Ах вот оно что! — Кидни распалился еще больше. — Я слышал, что, возможно, Потрошитель — это вы и есть!

— Да, были такие обвинения.

— Так что тогда вы делаете на ее похоронах?

— Вас это не должно беспокоить. Послушайте мой совет, Кидни, не лезьте не в свое дело.

— Пришли полюбоваться на свою работу?! — завизжал он. — Злорадствуете, насмехаетесь над Богом и теми, кто любил ее?

Кидни, растрепанный и неистовый, замахнулся кулаком на Холмса, но мой друг без труда уклонился от удара. Я бросился к негодяю, чтобы схватить его за руки, но тут вмешался полицейский, пригрозив Кидни дубинкой.

— Пойдешь с нами. И помни: пикнешь еще раз — так отделаю, что родная мать не узнает.

Мы вытащили эту упирающуюся скотину на улицу, где нам улыбнулась удача в лице еще одного полисмена, патрулирующего свой участок. Передав Кидни в руки блюстителей закона, я вернулся туда, где оставил Шерлока. Мой друг сидел на траве, задумчиво поправляя перевязь.

— У этого констебля, похоже, крутой нрав, — заметил я.

— Не круче, чем у Кидни, — отозвался Холмс, недовольно поморщившись. — Хорошо еще, что не разгорелась серьезная драка, а то бы ему крепко досталось.

— Даже раненный, вы остаетесь грозным противником, и я очень рад, что силы возвращаются к вам с каждым часом. Но послушайте, Холмс, вам удалось выяснить то, что хотели?

— Полагаю, мне следует объяснить, зачем я вытащил вас в эту жуткую сырость, — сказал мой друг, когда мы направлялись к дороге. — Как ни странно, мне пришла в голову та же мысль, что и Майклу Кидни. Эти убийства совершаются самым вызывающим образом и сопровождаются громкой шумихой, раздуваемой прессой. А что, как не похороны жертвы,

способно привлечь любопытствующих?

— Потрошитель не настолько глуп, чтобы появиться тут.

— Я и не ожидал, что он придет, но в его письмах есть нотка тщеславия, которая давала мне такую надежду. Он с каждым разом наглет все больше и очень скоро рискует окончательно зарваться, — предсказал мой друг. — Надеюсь, это случится до того, как еще кто-нибудь будет убит.

В следующий понедельник, вернувшись из клуба после партии в бильярд, я застал в гостиной любопытную сценку: Холмс растянулся на канаве, задрал ноги на спинку и поместив под голову подушки. Шейку скрипки он просунул сквозь ткань своей перевязи, а левой рукой царапал по струнам, извлекая жуткие, пронзительные звуки, что, очевидно, означало высшую степень меланхолии. Я направился в спальню: его странные музыкальные опыты действовали мне на нервы, особенно сейчас, когда он играл левой рукой. Однако Холмс остановил меня вопросом:

— Как поживает ваш приятель Терстон?

Я изумленно повернулся:

— Откуда вы знаете, что я встречался с Терстоном?

Он положил скрипку на прикроватный столик и сел.

— Месяцев восемь назад вы с горечью заявили, вернувшись из клуба, что не собираетесь больше играть там в бильярд, поскольку никто из оппонентов не сравнится с вами в мастерстве. Между собой мы сыграли с тех пор только раз, и я нахожу, что вы действительно грозный противник. Месяц назад вы взяли верх над новым членом клуба по фамилии Терстон. С тех пор вы не отказались от своего хобби, при этом ваше мастерство никуда не делось.

— Но как вы узнали, что я играл в бильярд?

— Вы обедали дома, а вчера не было матча по регби, который вы обычно обсуждаете со спортсменами из вашего клуба.

— Неужели все мои действия настолько очевидны?

— Только для искушенного наблюдателя.

— А вы, я вижу, посвятили свой досуг музыке.

— Так кажется на первый взгляд, но на самом деле я присутствовал на похоронах Кэтрин Эддоуз. Полная противоположность тому, что мы наблюдали недавно. Около пяти сотен человек, если я правильно определил на глаз, полированный гроб из вяза, да такой, что покойную было видно через стекло, публика на улицах: иммигранты, местные, обитатели Ист-Энда, Уэст-Энда, полиция Сити и Лондона, — да вдобавок еще и частный детектив-консультант. Видите, какой эффект дает небольшая сумма денег?

Я хотел было ответить, но тут раздался резкий стук в дверь. Вошла миссис Хадсон с небольшим пакетом:

— Это доставили с почтой, мистер Холмс. Когда я относила наверх чай, собиралась прихватить и пакет, но кошка вцепилась в него, словно в какое-то лакомство.

Холмс вскочил с канапе, как собака, почуявшая след, и кинулся к столу для химических опытов, где мощная лампа позволяла все хорошо разглядеть. Сила в правой руке Холмса сохранилась, и он был способен кое-как пользоваться здоровой конечностью. Разрезав карманным ножом бумагу, в которую была завернута деревянная коробка, Холмс стал внимательно изучать ее через лупу, что-то удовлетворенно бормоча. Возился он так долго, что я под конец просто изнемог от желания узнать, что все же лежит внутри коробки.

И вот сыщик приоткрыл крышку и разгреб ножом какое-то сено, под которым блеснул серебряный предмет.

Холмс нахмурился и, обернув руку куском ткани, извлек маленький портсигар. Детектив осмотрел его со всех сторон, но не нашел ни одной царапины на поверхности металла — вещица была совершенно новой. Вытащив из портсигара записку, Холмс бросил его на стол.

Текст послания гласил:

Мистер Холмс!

Вы потеряли портсигар. На этом я не вырезал монограмму — не было времени, — но вы, конечно, сделаете это сами, если пожелаете. У меня много работы: точу ножи (слишком часто приходится ими пользоваться в последнее время), но я не настолько занят, чтобы не передать мои наилучшие пожелания вам и доктору. Надеюсь, вы не думаете, что я отошел от дел, — работы еще предстоит много.

Ваш

Джек

PS — Не было времени отчистить нож от вашей крови, до того как выпотрошил последнюю девчонку. Какая же это была веселая неразбериха!

Я изумленно уставился на Холмса:

— Наверное, потеряли портсигар, когда столкнулись с убийцей. Точно помню, как вы просили мой.

Он не ответил.

— Холмс, но это полная чушь! Зачем ему присылать вещь, которая вам даже не принадлежит?

— Страница вырвана из записной книжки, стандартный карманный размер, черные чернила, и если повезет...

Вытащив кусок графита, Шерлок слегка провел им по бумаге и издал радостный крик, когда на ней появились какие-то знаки.

— Что вы там нашли?

Он с явным удовлетворением передал мне записку, и я увидел надписи, которые обнаружили:

245—11:30

1054—14

765—12:15

— Холмс, что же это такое?

— Оттиск предыдущей страницы. Признаюсь, пока я ничего не понял. Это, конечно, не означает, что написанное не поддается расшифровке. Никаких отпечатков пальцев ни на бумаге, ни на портсигаре, что очень странно: либо он носит перчатки с момента покупки вещи, либо тщательно стирает все свои следы. У этого коллекционера трофеев светлые волосы, он чрезвычайно педантичен. Я не сомневаюсь, что рядом с его жилищем находится конюшня, поскольку это сено недавно было в непосредственной близости от лошади. Сегодня этот человек присутствовал на похоронах Кэтрин Эддоуз. А пакуя эту коробку, — торжествуя закончил Холмс, — он курил сигарету. Пепел упал на сено.

Детектив соскреб ножом хлопья белого мягкого пепла на кусок промокательной бумаги и показал их мне через лупу.

— Я вижу волосяной мешочек, который вы обнаружили между бумагой и коробкой, а также почтовый штемпель — он, несомненно, показывает, что отправитель находился вблизи кладбища. А пепел? Поможет ли он выследить преступника?

Мой друг раздосадованно отбросил лупу, скомкал бумагу в кулаке и, прежде чем ответить, сделал очень глубокий и медленный вздох.

— Боюсь, что нет.

— Но почему? — спросил я.

— Потому что он курил мои сигареты.

Новость была неприятная, но сказать мне было нечего, поэтому я промолчал.

— Теперь насчет трофеев, — уже более спокойно продолжал Холмс, вытаскивая из держателя стеклянную пробирку и зажигая горелку с синим пламенем. — Насколько нам известно, он забрал с собой матку и почку. Безусловно, у него и мой портсигар: иначе как бы он узнал, что на нем монограмма?

— Холмс, что вы делаете?

Мой друг лукаво взглянул на меня, устанавливая пробирку с водой над горелкой. Затем вытащил пузырек с белоснежными кристаллами из кожаного футляра, отрезал от испачканной бумаги клочок с темным пятном и швырнул в кипящую воду.

— Как вы полагаете, Уотсон, что это за пятно? Чернила? Грязь? Краска?

— Не очень приятно думать об этом... но, Холмс... да, конечно! — воскликнул я, наблюдая, как он тщательно смешивает в пробирке капельки жидкостей из разных склянок. — Как же я мог забыть! Когда мы познакомились, вы как раз говорили что-то непонятное о своем открытии...

— Дело в том, что тест Шерлока Холмса на гемоглобин — огромное достижение в криминалистике, у меня ушло четыре месяца на его разработку, — сказал сыщик небрежно.^[21] Откупорив пузырек, он вытряхнул бледные кристаллы в воду, где распадалась черная бумага, и выключил горелку. — То был во многих смыслах исторический день, друг мой Уотсон, и я приглашаю вас его отметить.

Я взял полученную им прозрачную жидкость и нерешительно вылил несколько капель в воду. На наших глазах она окрасилась в угрожающий темно-бордовый цвет.

— Это кровь, — сказал друг бесстрастно. — Я так и думал. Еду в Скотланд-Ярд. Не стану, как скряга, пользоваться своим открытием один после всех неприятностей, которые мы доставили Лестрейду. Будьте так любезны, дождитесь меня. Есть некоторая вероятность, что я попрошу вас внести денежный залог.

Глава 19

Что должен был рассказать

Стивен Данлеви

Шерлока Холмса не взяли под арест в Скотланд-Ярде, но позже он вспоминал, что в ту ночь полицейские глядели на него с плохо скрываемым подозрением.

— Самое смешное, — проговорил он задумчиво, — что, будь я действительно замешан в какой-нибудь противозаконной деятельности, среди них не нашлось бы ни одного, кто вывел бы меня на чистую воду. Откажись я от ограничений, накладываемых цивилизацией, они бы не имели никаких шансов на успех. Тогда бы меня ничто не остановило.

Мои записи свидетельствуют, что 11 октября было завершено следствие по делу об убийстве Кэтрин Эддоуз, которым я интересовался, надеясь узнать вновь открывшиеся обстоятельства медицинского характера. Я заверил коронера, что удаление почки требует, по меньшей мере, элементарного знания анатомии и что этот орган не представляет ни малейшей ценности на рынке товаров. Второй «трофеей» Потрошителя почти не упоминался. Вынесенное в итоге заключение, как и во всех предыдущих случаях, гласило: «Умышленное убийство некоего лица или неизвестных лиц».

Вернувшись на Бейкер-стрит вечером с тяжелым чувством на душе, я уже вдевал ноги в домашние тапочки, как вдруг услышал дребезжание колокольчика у входной двери. Поспешив к эркеру, я отдернул занавеску и выглянул, но звонивший или исчез, или уже успел войти. Я стоял лицом к окну, когда дверь в гостиную сильно хлопнула, впустив стремительно вбежавшую мисс Монк.

— Где он? — гневно спросила она.

— Холмс? Не знаю. Мэри Энн, дорогая, что случилось?

— Если мистер Холмс сыграл со мной злую шутку, он ответит за это! Больше не сумеет заговорить мне зубы! Я поставлю его на место, помяните мое слово. Хватит держать меня в неведении, больше не соглашусь шпионить для него, пусть даже он станет выплачивать мне фунт не раз в неделю, а каждый час или даже минуту!

— Мисс Монк, пожалуйста, сядьте и расскажите мне на понятном английском, что произошло.

— Меня выслеживают!

— Боже правый! У вас есть хоть малейшее представление, кто это может быть?

Дверь распахнулась, и вошел Холмс, погруженный в раздумья. Он приятно удивился при виде нашей гостьи.

— Стивен Данлеви! — почти прокричала она.

— За вами кто-то шел следом, — сказал Холмс.

— Боже милосердный! — не на шутку рассердилась девушка. — Так я и думала! Идите вы оба к дьяволу!

Она попыталась протиснуться мимо него в проем, но Холмс быстро отступил и захлопнул дверь, при этом ловко вытащив клочок бумаги из кармана нашей гостьи.

— Билет лондонской подземки. Вы еще ни разу не пользовались этим транспортом во время своих визитов на Бейкер-стрит. Кэбы — довольно заметное средство передвижения, особенно в Уайтчепеле, а вы не хотели привлекать к себе внимание. Почему вы так поступили? За вами уже там кто-то наблюдал?

Девушка открыла рот, чтобы ответить, но детектив обошел ее и направился к окну.

— Вы добились успеха?

Мисс Монк закрыла рот и кивнула.

— Расскажите с самого начала. Когда вы поняли, что за вами следят?

Мэри Энн, ничего не отвечая, подошла к стулу и буквально рухнула на него.

— Простите, мистер Холмс. Не знала, что и думать.

К моему изумлению, ее глаза наполнились слезами, она тяжело вздохнула и закрыла лицо руками.

— Дорогая моя юная леди! — воскликнул Холмс, положив руку ей на плечо. — Откуда мне было знать, что вы так расстроены?

Через мгновение она уже сердито утирала слезы.

— Чем скорее объясните, что все это значит, тем лучше.

— Войдя, вы назвали имя Стивена Данлеви. Это он вас преследовал?

Мисс Монк кивнула.

— Я увидела, что смеркается, и вышла из дома, чтобы купить чаю и проведать знакомых девушек.

— Продолжайте.

— Сейчас я снимаю комнату на Грейт Гарден-стрит, и вот решила заглянуть к девушке, живущей на Маунт-стрит. Погода была хорошая, я не спешила и пошла сначала в другую сторону, чтобы выкупить книгу,

которую заложила, когда у меня не было и двух пенсов. И вот иду я по Олд Монтегю-стрит к ломбарду и вдруг вспоминаю, что забыла квитанцию, и повернула назад. Тут мимо проходит парень, одетый в лохмотья, шляпа надвинута на нос, поверх шарфа только глаза и видны. Лицо перепачкано в грязи. Он направлялся в ту же сторону, куда и я шла вначале. Я не обратила на него особого внимания и поспешила в меблированные комнаты, где разыскала квитанцию в кисете для табака, который храню под половицей.

И вот иду я опять по Олд Монтегю-стрит, прохожу пивнушку, выкупаю из заклада книгу и быстро выхожу из ломбарда. Парень в грязном шарфе все еще ошивается поблизости, но я направляюсь к больнице, а о нем не думаю: в Уайтчепеле люди всегда кишат, как мухи. Прошла еще несколько шагов, и тут у меня возникло странное чувство: этот парень в лохмотьях не побирался, не ждал кого-то, не дремал сидя, — короче, вел себя не вполне естественно. Мне бы до него и дела не было, но показалось, что я видела этого типа раньше. Прошла я немного вперед и нырнула в подворотню. Потом выхожу и иду назад. Уже и улицу свою миновала, чтобы проверить, идет он за мной или нет. Вижу вход в здание, а позади меня толпится народ из Армии спасения; я захожу и прячусь за дверь. Вскоре проходит этот малый в шарфе и оглядывается вокруг, словно потерял что-то, и я вижу, что это Данлеви собственной персоной.

Скажу вам, мистер Холмс, это сильно меня обеспокоило. Если бы я тогда не оглянулась, не увидела бы его. Кто знает, а вдруг он ходил за мной по пятам все это время? Не очень-то приятно, когда парень, за которым ты наблюдала, сам тебя преследует. Я выскочила, сжимая в кармане нож, который вы мне дали. Стук сердца отдавался в ушах, так сильно оно билось. Я пересекла Грейт Гарден-стрит, вышла на Уайтчепел-роуд и не останавливалась, пока не дошла до скопища людей на железнодорожной станции напротив больницы.

Детектив вытащил из ящика стола телеграфный бланк.

— Мисс Монк, Стивен Данлеви знает, где вы живете?

— Он достаточно часто видел, как я захожу в дом.

— Как вы считаете, он когда-нибудь замечал, что вы за ним следите?

— Я готова поклясться, что он не обнаружил этого сегодня утром, но сейчас понимаю: это звучит несколько самонадеянно.

— Мэри Энн, уверяю вас: я не ожидал, что Данлеви проявит такое безрассудство и станет следить за вами. Впрочем, вынужден признаться, я давно подозревал, что он отнюдь не столь прост, как кажется.

— Ну это-то понятно! — вмешался я в разговор. — Чего ради солдату выслеживать мисс Монк?

— Он вовсе не солдат, — почти одновременно сказали Холмс и мисс Монк.

— Что?! — вскричал я.

Мои компаньоны украдкой взглянули друг на друга.

— Ну что ж, кому-то из вас придется объяснить мне, почему Данлеви не солдат, — раздраженно потребовал я.

Их ответы: «Его манера ходить» и «Носовой платок» я услышал одновременно.

Холмс откашлялся.

— Любой военнослужащий, который провел в армии больше двух недель, держит носовой платок за обшлагом мундира, а не в кармане, — объяснил Холмс. — Да вы и сами, Уотсон, так поступаете. Что вы сказали, мисс Монк?

— Я говорю, что у солдат другая походка, даже у санитаров.

— Ладно, — сказал я раздраженно. — Давайте прекратим обсуждать, кем не является Стивен Данлеви. Позвольте спросить, кто он на самом деле?

— Завтра вы оба будете знать столько же, сколько и я, — твердо пообещал сыщик. — Телеграмма окончательно решит этот вопрос. Пока есть пара неясных моментов, но, когда мы соберемся здесь завтра в три часа дня, все станет понятно. Мисс Монк, вы не против еще один день попользоваться метро?

— Конечно, я не такая важная леди, хоть и зарабатываю фунт в неделю.

— А вас не очень затруднит провести ближайшую ночь вне дома? Могу предложить адрес, где о вас хорошо позаботятся. — Холмс вручил ей визитную карточку. — Не исключаю, что это излишняя предосторожность, но мне хочется быть уверенным в вашей безопасности. У моего друга любезная экономка и имеется свободная комната.

— «Мистер Джордж Ласк, Толлет-стрит, один, Олдерни-роуд», — прочитала девушка. — Ну что ж, я согласна. Все необходимое у меня в карманах. А что случится завтра?

Холмс улыбнулся, провожая ее до дверей.

— Я с величайшим нетерпением жду завтрашнего дня. Мне очень жаль, что вас так напугали. Восхищаюсь силой духа, проявленной вами.

Мэри Энн слегка покраснела от смущения.

— Как видно, мне придется вынести еще несколько поездок в метро, но я к этому готова. До завтра, джентльмены. Полагаю, этот мистер Ласк сильно удивится. Впрочем, неважно. Надеюсь, он скоро смирится с моим

присутствием.

На следующий день в половине третьего я сидел один с выпуском журнала «Ланцет» на коленях, курил сигару и без особого успеха пытался следить за ходом мысли автора статьи о заболеваниях, вызываемых паразитами. Без десяти три я добавил угля в камин и посмотрел, что делается за окном. Тут я услышал кошачью поступь Холмса на лестнице. Мой друг вошел, улыбаясь собственным мыслям.

— Дела идут прекрасно, — сказал он. — Не думал, что все так встанет на свои места. Заметьте: до вчерашнего дня я не имел ни малейшего понятия, что Данлеви преследует Мэри Энн, но это сыграло нам на руку. А вот и колокольчик! Мисс Монк уже здесь.

Она вошла куда в лучшем настроении, чем вчера. Весело поприветствовала нас и, увидев свое отражение в стеклах буфета, недовольно нахмурилась и поправила прическу.

— Малыши, оставшиеся на попечение мистера Ласка, — слишком сильное зрелище для одинокой девушки, — сказала она с довольным видом, извлекая заколку из кармана. — Правда, четверо старших доставляют гораздо меньше беспокойства, чем трое младших. За вчерашний вечер я успела побывать принцессой, рабыней махараджи, джинном и вьючной лошастью. И если бы мне не захотелось спать...

Девушка внезапно умолкла, услышав дребезжание колокольчика внизу.

— Мисс Монк, присядьте, пожалуйста, в плетеное кресло, — предложил Холмс. — Ваше привычное место занимает доктор Уотсон, но, если хотите расположиться поудобнее, мы предложим вам сесть на диван.

Дверь распахнулась, и на пороге возник еще один гость — светловолосый, высокий, широкоплечий молодой человек в темно-сером пальто и брюках из неяркой клетчатой ткани. Гладко выбритый, с усами, загнутыми кончиками вверх, и приятными чертами лица, искаженными в тот момент сильнейшим испугом. Было заметно, что он едва сдерживает волнение. При ярком дневном свете я не сразу узнал его, но тут меня озарило: это тот самый человек, с которым мисс Монк сидела в пабе «Квинз Хед» в ту ужасную ночь.

— Мистер Стивен Данлеви, я полагаю? Разрешите представиться: Шерлок Холмс. Впрочем, льщу себя надеждой, что вам уже известно мое имя. Доктора Уотсона, наверное, тоже помните; ну, а в компании мисс Монк вы имели удовольствие бывать не один раз.

Стивена Данлеви, казалось, несколько не удивило, что Шерлок Холмс ждет его. Увидев мисс Монк, чьи выразительные брови изумленно взмыли

вверх, молодой человек издал непроизвольный возглас облегчения.

— Что скажешь, Данлеви? — прервала эту немую сцену Мэри Энн. — Ты, по крайней мере, вымылся с тех пор, как я видела тебя в последний раз.

Наш гость, казалось, был ошеломлен этим замечанием, но Холмс, как всегда, контролировал ситуацию.

— Прошу вас, присядьте, мистер Данлеви. Рад сообщить, что ваше присутствие здесь подтверждает мнение, которое у меня сложилось о вас. Будьте так любезны, ответьте на несколько вопросов.

— Конечно, сэр. Но я не знаю, что произошло после того, как вы пригласили меня.

Шерлок Холмс загадочно улыбнулся:

— Полагаю, мне удастся описать, как разворачивались события. Есть, конечно, пара-тройка незначительных подробностей, которые я хотел бы услышать от вас.

— Я к вашим услугам. Рад видеть мисс Монк здесь, на Бейкер-стрит.

Мы с Мэри Энн озадаченно переглянулись, но Холмс оставался невозмутимым.

— Приятно это слышать. Вначале я гадал, кто вы: простолюдин из Сити или частный детектив, но теперь с удовольствием представляю вас мисс Монк и доктору Уотсону как Стивена Данлеви, журналиста «Стар» — бурлящего рассадника либерального недовольства.

От удивления у меня перехватило дыхание.

— Журналиста! А к чему тогда все эти рассказы о потерянном армейском друге и убитой девушке?

— В этом и заключается главный вопрос, — сказал Холмс, зажигая сигарету с самодовольным видом. — Итак, я начинаю. Прерывайте меня, когда что-то неясно.

Стивен Данлеви — это подлинное имя — зарабатывает себе на кусок хлеба с сыром сочинением тех самых подстрекательских статей, которые недавно в этой же комнате осуждал мой старший брат. Мол, некоторые живут тем, что выставляют на всеобщее обозрение задворки британской цивилизации, известные под именем Уайтчепел. Самые нахальные представители такого рода изданий не гнушаются даже тем, что, желая собрать наиболее достоверный материал, проводят свои расследования в чужом обличье.

Накануне убийства Марты Тэйбрам был нерабочий день. И без того шумный город переполнила праздная публика, ищущая удовольствий. Народ предвкушал замечательное веселье с рыночными забавами и фейерверками. Опытному журналисту нетрудно было отыскать тему для

репортажа. Мистер Данлеви взял за несколько шиллингов напрокат одежду гренадера, спрятал блокнот поглубже и отправился на вылазку, надеясь сочинить захватывающую историю.

Будучи по натуре общительным, умея легко сходиться с людьми, мистер Данлеви случайно встретился с группой солдат, недавно получивших увольнительную. То, что они не разоблачили его мошенничество, объясняется исключительной осторожностью мистера Данлеви или же их чрезмерным опьянением, а скорее всего, сочетанием этих двух факторов. Вместе с ними наш сегодняшний гость переходил из одного паба в другой, так что к концу вечера мистер Данлеви был уже пьян не меньше своих собутыльников и готов к поиску приключений.

По общему мнению, самым компанейским из всего полка был сержант Джонни Блэкстоун. Все знали его как доброго малого и хорошего служаку, но, выпив, он превращался в отпетого хулигана. Мистер Данлеви, не имея никакого представления об особенностях характера Блэкстоуна, оставался в его компании даже после того, как близкие дружки Джонни сочли за благо покинуть его. Им-то было хорошо известно, что он, крепко набравшись, ищет малейший повод, чтобы затеять ссору.

В пабе «Два пивовара» мистер Данлеви свел знакомство с Мартой Тэйбрам и ее подружкой Жемчужинкой Полл, которая впоследствии бесследно исчезла в преисподней лондонских трущоб. Что касается Марты Тэйбрам, она получила известность как первая женщина, которую Джонни Блэкстоун убил в припадке безумной ярости. По крайней мере, о ней первой стало известно. Я смутно представляю, что подвигло его на такое кровавое деяние, но, возможно вы, мистер Данлеви, дадите нам более точную информацию.

По мере того как Холмс излагал свою версию, беспокойство Стивена Данлеви росло. В ответ на предложение сыщика он вытер лоб носовым платком и решительно кивнул:

— Вы просто изумляете меня, мистер Холмс: все сказанное — чистейшая правда. Нарисованная вами картина настолько верна, что я мало чем смогу помочь вам. Мы оба были уже сильно пьяны к тому времени, когда зашли в «Двух пивоваров» и сели немного поболтать с девушками. Блэкстоун именно таков, как вы его описали: щеголеватый темноволосый парень, колдстримский гвардеец, сражавшийся в восемьдесят втором году в Тель-эль-Кебире.^[22] Ему около тридцати, и он хорошо известен в окрестных пабах.

Сквозь туман в голове я уже понимал, что мы сильно засиделись, но тут вспыхнула ссора с человеком за соседним столиком, и Блэкстоун разбил

бутылку о его руку. Мы покинули паб в самом постыдном состоянии и некоторое время шли вместе с девушками. Вскоре Блэкстоун под каким-то предлогом нырнул в темный проулок вместе с Мартой. Я собирался было последовать его примеру, но вовремя одумался и распрощался с мисс Полл, дав ей шиллинг. Решил подождать у входа в проулок, пока вернется Блэкстоун.

Прошло пять минут, десять. Тогда я зашел в паб посмотреть, нет ли его там. Не обнаружив ни Блэкстоуна, ни человека, с которым мы повздорили, я вернулся на прежнее место. Примерно в четверть третьего из проулка внезапно вышел полицейский. Он чуть не натолкнулся на меня, и я был так ошарашен, что не нашел ничего лучше, кроме как изображать солдата и дальше: признайся я, что устроил маскарад, возникло бы множество ненужных вопросов. Вот я и объяснил констеблю, что жду своего дружка-гвардейца, который зашел в проулок с девчонкой. Полицейский сказал, что посмотрит, нет ли солдат поблизости, да и мне велел быть начеку.

— И, я полагаю, вы последовали его совету, — сказал Холмс. — А на следующий день, когда в голове прояснилось, узнали из газет, что найдена убитая женщина с тридцатью девятью ножевыми ранениями.

Стивен Данлеви кивнул с мрачным видом, мельком взглянув на Мэри Энн:

— Именно так все и было, мистер Холмс.

— Теперь попытаемся распутать другую ниточку. Вы решили, что устроенный вами маскарад не позволит обратиться в полицию, как бы ни были ценны ваши свидетельства и сколь бы ни была велика роль Блэкстоуна в смерти Тэйбрам. Не слишком-то мужественное поведение.

— Вот уже два месяца я только и думаю о том, как исправить свою ошибку! — вскричал Данлеви.

— Верю. Ведь когда поблизости обнаружили Полли Николс, убитую столь же зверским образом, вы решили разыскать Блэкстоуна.

— Думаю, он той же ночью вернулся в полковую казарму. Вернее, ранним утром седьмого августа. Не придумав ничего лучше, он стал жаловаться на здоровье. У него нашли небольшой жар и позволили отдыхать целую неделю. Тут он и вовсе решил, что свободен от всяких обязательств.

— А вы, надо отдать должное вашей проницательности, подумали, что, возможно, он замешан и во втором убийстве, и провели собственное расследование. Таким образом вы рассчитывали не только успокоить свою совесть, но и успешно продолжить карьеру: обнаружив Джека Потрошителя, вы добились бы беспрецедентной журналистской удачи. Вам

потребовалось время, чтобы связаться с полком Блэкстоуна, разыскать его друзей; вы даже пытались найти Жемчужинку Полл, чтобы выяснить, была ли она раньше знакома с вашим случайным собутыльником. Так вы добрались до ламбетского рабочего дома, где какое-то время обитала мисс Полл, и там по какой-то странной иронии судьбы увидели нас с мисс Монк. Предполагаю, вы узнали меня и удивились, что я пожимаю руку этой юной леди на пороге рабочего дома. Не вижу иной причины, зачем вам было рассказывать ей в пабе историю этого омерзительного убийства.

— Матерь божья! — изумленно воскликнула Мэри Энн.

— Я действительно узнал ее, — сказал, покраснев, Стивен, — к тому же слышал, что вы нередко нанимаете... обитателей Ист-Энда, мистер Холмс. Об этом писал в своих сочинениях доктор Уотсон. Я подозревал, что она ваша помощница и у нее удастся что-нибудь выведать. Впрочем, я окончательно убедился в вашем сотрудничестве лишь после того, как она решила на крайне странный поступок: украла мой бумажник, а потом вернула его.

— Неужели вы заметили?! — удивилась девушка.

— Это сказано не в осуждение, мисс Монк, все было очень ловко проделано. У меня есть обычай перед тем, как выйти из паба, проверять, на месте ли ценные вещи. Я уже собирался потребовать вернуть бумажник, но вы весьма любезно сделали это сами.

— И после этого стали меня выслеживать?

— Нет-нет! — запротестовал Данлеви. — Только после ночи двойного убийства. Ведь вы оказались в самой гуще событий, и, как я полагал, знаете что-то, неизвестное мне. Я шел за вами в уайтчепелской толпе вовсе не для того, чтобы выследить живущего в Уэст-Энде мистера Холмса. Все гораздо проще. А когда я узнал, что ваше единственное место назначения — Бейкер-стрит, то и вовсе прекратил слежку, боясь нарваться на неприятности.

— Когда изучили все газеты, мучаясь бездельем после чая, — съязвила она.

— Так или иначе, — подытожил Холмс, — мисс Монк проявила находчивость и обнаружила вчера, что вы за ней следите. И тогда я сообщил вам, отправив телеграмму, что рассчитываю на ваше присутствие здесь сегодня днем.

— А каков текст телеграммы? — поинтересовался я.

Стивен Данлеви вытащил из кармана смятый листок бумаги и вручил мне с насмешливой улыбкой.

— «Мисс Монк исчезла при неясных обстоятельствах, жду вас ровно в

три часа дня на Бейкер-стрит, Шерлок Холмс», — прочитал я вслух.

Юная дама, о которой упоминалось в записке, воззрилась на меня, не веря своим ушам. Впервые за время нашего знакомства она совершенно утратила дар речи.

— Надеюсь, вы простите меня за эту маленькую шутку. Ваша забота о безопасности мисс Монк делает вам честь, мистер Данлеви, несмотря на все ваши оплошности. — Холмс перевел на него свой оценивающий взгляд. — Но мне необходимо выяснить одно обстоятельство. Находясь в Ист-Энде, вы поддерживали переписку с вашим нанимателем — сообщали газетчикам о моих действиях?

— Вы имеете в виду заметку этого отвратительного прохвоста Тавистока? К моему величайшему сожалению, я упоминал в беседах с несколькими коллегами о вашем участии в расследовании, — признал журналист со страдальческим видом, — но только в том смысле, что вы гениально предвидели заранее нападения изверга.

— К несчастью, ваши допущения оказались совершенно безосновательными, — холодно заметил мой друг.

— Холмс, вероятно, он не мог...

— Конечно, нет, Уотсон. Мистер Данлеви, простите меня за последнюю реплику. Я прошу вас определиться, намерены ли вы помогать или мешать дальнейшему расследованию.

— Я в вашем полном распоряжении, мистер Холмс, — торжественно объявил Данлеви. — Боюсь, мое единственное настоящее открытие сводится к обнаружению первоначального места жительства Блэкстоуна. Это меблированные комнаты, но сразу же после той трагической ночи он съехал оттуда. Я с радостью предоставлю вам любую помощь, на которую буду способен.

— Великолепно! В таком случае желаю вам удачного дня, — без лишних церемоний сказал мой друг, распахивая дверь. — По всей вероятности, я дам о себе знать уже в ближайшую неделю.

Мистер Данлеви потряс мою руку и поклонился мисс Монк.

— Приношу искренние извинения за обман, к которому был вынужден прибегнуть, — сказал он Холмсу. — Я хорошенько подумаю в следующий раз, прежде чем заняться нелегальной деятельностью. Доброго дня всем вам.

Когда дверь за ним затворилась, я отважился попросить:

— Надеюсь, вы нам расскажете, как разработали всю эту комбинацию, хотя бы ради нашего душевного спокойствия.

Холмс расшвыривал газеты, освобождая место для самых нужных.

— Цепочка достаточно проста, если замечаешь несообразности. Поневоле задаешь себе вопросы. Почему армейский друг искал Блэкстоуна всего месяц? И зачем нужны целых два месяца только для того, чтобы установить место проживания друга в ту трагическую ночь? С другой стороны, зачем человеку без конца твердить об одном и том же не самом сенсационном убийстве в целой серии преступлений такого рода, если он не имеет к ним никакого отношения? Остальные выводы были сделаны после кропотливого исследования. Данлеви не имел знакомых в ламбетском работном доме, тем не менее опрашивал его обитателей. Мне он тоже был неизвестен, однако во всех подробностях расписал мисс Монк смерть Тэйбрам. Но самые важные результаты принесла моя привычка регулярно просматривать газеты. Я обращал ваше внимание на утренний выпуск «Стар» от пятого сентября, а также на номер той же газеты от пятого октября. Эти вырезки наклеены в моей тетради цитат и афоризмов — она на столе.

Раскрытая тетрадь была придавлена коробкой патронов для револьвера с чувствительным спусковым крючком. Я встал, чтобы прочитать упомянутые Шерлоком статьи. Так, «Город ночи. Журнал событий Ист-Энда». Автор — С. Ледвин.

«Содержащий массу интересной информации дневник тайного репортера. Я выявил еще нескольких. Анаграмма была достаточно простой, но я обратился к властям, чтобы знать наверняка, что у меня есть свой человек».

«Была ли журналистика единственным его интересом?»

Мой друг эффектным жестом сердито отбросил газеты.

— Мне надоели обвинения, что я, дескать, организовал целую серию свиданий между мисс Монк и самым гнусным преступным отребьем Лондона, — едко заметил он. — Могу заверить вас, доктор...

— Хочу попросить прощения у вас обоих, но я плохо выспалась: один малыш запустил мне руку в волосы, а второй положил ногу на живот. Гостиная была переполнена, и я совсем вымоталась. О нет, — завершила нас Мэри Энн, быстро направляясь к двери, — кровать была предназначена для одного, но хозяева всегда сумеют устроиться поудобнее. Я иду домой. Встретимся в обычное время, джентльмены. Удачи вам, мистер Холмс.

Когда дверь за ней закрылась, я повернулся к своему другу:

— Мой дорогой, простите меня за упрек, будто вы пренебрегаете безопасностью мисс Монк. — И хотя мои извинения упали на каменистую почву, я продолжил, стараясь не обращать внимания на суровый вид и нарочитую невозмутимость лучшего лондонского сыщика. — Вам не

кажется странным, что Блэкстоун, если он и впрямь коварный убийца, совершил преступление, находясь в компании Данлеви?

— Нет, если учесть, что того весь вечер потчевали выпивкой — возможно, намеренно, — а потом он попал в заботливые руки мисс Жемчужинки Полл. Блэкстоун, видно, решил, что Данлеви ему уже не помешает.

— Понимаю. Блэкстоун ведь не знал, что его собутыльник — журналист. Что ж, ваша версия вполне правдоподобна. Но, Холмс...

— Что еще, Уотсон? — спросил он, складывая газету, которую держал в руках.

— Данлеви сказал, что продолжает следить за мисс Монк из-за каких-то особых обстоятельств.

— Так оно и есть. — Шерлок вытащил тетрадь и стал делать записи по ходу разговора. — Он больше не следует за ней в обычные дни, когда она берет кэб и отправляется на Бейкер-стрит. Он сопровождает ее, только когда она бродит одна по темным лабиринтам Уайтчепела. — Мой друг насмешливо взглянул на меня и добавил: — Почему он это делает, я оставляю на суд вашего несравненного воображения.

Глава 20

Нить

По мере того, как Холмс проводил свое расследование, я все больше убеждался, что почти ничего не знаю об этом деле. Тем не менее я с радостью наблюдал, что активность лучшего лондонского сыщика растет прямо на глазах. И вот настал день, понедельник, пятнадцатое число, когда он в приступе нетерпения бросил в огонь свою перевязь, объявив:

— Если ваша с доктором Эгером совместная работа до сих пор не дала желаемого эффекта, то, как видно, лишь Бог способен помочь бедным британцам, терзаемым все новыми болезнями.

На следующее утро, вскоре после того, как я оделся, у двери моей спальни послышались шаги Холмса. Раздался короткий стук, и мой друг вошел.

— Как скоро вы будете готовы занять место в кэбе?

— Незамедлительно. Что случилось?

— Джорджу Ласку срочно требуется наша помощь. Поторопитесь, друг мой, он не тот человек, чтобы беспокоить нас по пустякам.

Когда мы прибыли на Толлет-стрит, Холмс мгновенно выскочил из экипажа, взлетел по лестнице и позвонил в колокольчик. Нас провели в ту же хорошо обставленную гостиную с пальмами и преисполненной собственной значимости кошкой.

— Очень рад видеть вас обоих, — сказал Ласк, крепко пожимая нам руки.

Его прежде веселое лицо было затуманено беспокойством. Охватившую его тревогу подчеркивали и опущенные вниз кончики усов.

— Не сомневаюсь, что это какая-то мерзкая мистификация стервятников бульварной прессы, но все же я решил обратиться к вам.

Он жестом указал на шведское бюро.

Детектив тут же подошел и выдвинул крышку. Слабый запах, и раньше стоявший в комнате, стал резким. Я сразу узнал его — то был запах винного спирта, который используется в медицине как консервант, я и сам часто имел с ним дело в университетские годы.

Мой друг присел к бюро и взял в руки завернутую в бумагу маленькую картонную коробочку. Мы с Ласком подошли ближе и, стоя рядом, наблюдали, как Холмс открывает крышку. Внутри оказалась кучка лоснящейся плоти.

— И что это, доктор? — спросил сыщик, глядя на меня.

Он вытащил из кармана сюртука складной нож, раскрыл его и передал мне вместе со зловещей коробочкой. Я внимательно изучил ее содержимое.

— Это кусок почки.

— Почти половина, судя по углу разреза и изгибу этой стороны. Человеческая?

— Без сомнения.

— Пол? Возраст?

— Не могу ответить. Если это половинка, как вы утверждаете, то почка принадлежала взрослому человеку. Более точная идентификация, к сожалению, невозможна.

— Похоже, в нее не впрыскивали формалин,^[23] используемый для препарированных органов. А ткань, хранимая только в винном спирту, неизбежно портится без фиксатора и совершенно бесполезна в учебном классе, так что студенческая проказа здесь исключается. Винный спирт, в котором хранится почка, легкодоступен.

— К присланному в коробочке органу приложено письмо, — сообщил мистер Ласк.

Исследовав вначале вместилище почки и бумажную упаковку, Холмс прочел написанный отвратительным почерком документ, в котором в самых мерзких выражениях давались пояснения к содержимому ужасной коробки.

Из ада

Мистер Ласк

Извините

Шлю вам только половинку почки

взятой у одной женщины

второй кусок я поджарил и съел

очень вкусно

если наберетесь терпения

пришлю вам окровавленный нож

которым ее вырезал

Подпись:

*Поймите меня если сможете
мистер Ласк*

— Черные чернила, самая дешевая писчая бумага, никаких отпечатков пальцев и прочих следов, — тихо сказал Холмс. — Вот уж воистину «из ада». Какое надо иметь горячее воображение, чтобы сочинить такую белиберду?

— Несомненно, это розыгрыш, — упорствовал мистер Ласк. — Ведь всем известно, что у Кэтрин Эддоуз была похищена почка. Это орган собаки. О, простите, доктор Уотсон: если почка принадлежала человеку, то это не более чем мерзкая выходка проказливого патологоанатома.

— Не исключено, — сказал детектив, — но маловероятно. Посмотрите на почерк: я вижу значительное сходство с другими образчиками письма нашего старого знакомого. Но в каком состоянии духа он пребывал, когда сочинял это мрачное послание! Я специально изучал почерковедение, или графологию,^[24] как теперь называют французы эту науку, но никогда не видел ничего более отвратительного.

— Одной манеры письма вам достаточно, чтобы утверждать, что это почка Эддоуз?

— Этот обрывок плоти мы получили не из медицинской школы или университета и не из близлежащей лондонской больницы.

— Откуда такая уверенность?

— В случае необходимости они хранят органические материалы в глицерине.

— У нас нет доказательств, что посылка пришла из Ист-Энда. И в Уэст-Энде многие учреждения...

— На почтовом штемпеле, если внимательнее приглядеться с помощью лупы, едва заметная надпись «Лондон Е». Письмо послано из Уайтчепела.

— Любой морг способен прислать подобное.

— В Уайтчепеле нет моргов! — раздраженно сказал Холмс. Терпение уже изменяло ему. — Там только сарай для трупов.

На лице мистера Ласка отразилась крайняя степень изумления.

— Но какой уровень преступности в Уайтчепеле! Примите также во внимание болезни... Только половина детей становятся взрослыми, мистер Холмс. Ни один район не нуждается в морге так сильно!

— И тем не менее...

— Боже милосердный, если бы мир знал беды этого района!

Мистер Ласк видимым усилием воли взял себя в руки и с грустью посмотрел на нас.

— Уотсон, нас ждет работа, — объявил детектив. — Мистер Ласк, вас не затруднит сообщить о случившемся в Скотланд-Ярд?

— Конечно, мистер Холмс. И передайте привет мисс Монк! — воскликнул он, когда мы уже собрались уходить. — Ее, наверное, замучили мои отпрыски, но, надеюсь, они не причинили ей вреда.

Холмс был уже на полпути к выходу, когда я нагнал его. Широким шагом он словно компенсировал еще не до конца преодоленную после болезни слабость. Я слишком хорошо знал своего друга, чтобы надеяться услышать сейчас от него хотя бы одно слово. Но, к моему удивлению, этот исхудавший за время болезни человек произнес целую речь:

— Я не позволю забавляться с собой подобным образом! Каких только низостей он и без того не совершил! И все же отправка консервированного человеческого органа лондонской королевской почтой превосходит всякое воображение. Словно мерзавец задался целью вогнать последний гвоздь в гроб нашего расследования!

— Друг мой, что вы имеете в виду?

— У нас уже собрано множество улик, одно за другим приходят послания, словно пропитанные кровью, а этот негодяй раскрыл свое лицо не больше, чем когда вогнал нож мне в плечо! — с отвращением говорил Холмс. — Мы знаем лишь, что это препараторский нож, шестидюймовый, с обоюдоострым лезвием.

— Холмс, — возразил я, обеспокоенный этим взрывом эмоций, — вы сделали все, что только можно ожидать...

— ...от Грегсона, Лестрейда — да любого из этих нелепых простаков, избравших своим поприщем службу в полиции из-за того, что они слишком слабы для тяжелого физического труда и недостаточно богаты, чтобы купить себе патент на офицерское звание!

Я был настолько ошеломлен его горячностью, что сумел сказать лишь:

— Но все-таки мы продвинулись в своем расследовании.

— Мы словно увязли в зыбучем песке! У нас нет ничего — ни отпечатков обуви, ни ярких черт характера. Мы с уверенностью можем сказать лишь, что он любит красть вырезанные органы и наслаждается моими сигаретами!

— Холмс, куда мы идем?

— Расплатиться с долгами, — огрызнулся он, и я не услышал больше от него ни одного слова целых двадцать минут, которые понадобились нам, чтобы дойти от Майл-Энда до оживленной артерии Уайтчепел-роуд, а затем по целой веренице улиц — до зеленой двери в запачканной сажей кирпичной стене.

Холмс резко постучал и зачем-то принялся слегка похлопывать набалдашником трости по своему высокому лбу.

— Кто здесь живет, Холмс?

— Стивен Данлеви.

— Что вы говорите! Бывали здесь раньше?

Он взглянул на меня, и в глазах его была такая боль, что я счел за лучшее отложить дальнейшие расспросы на будущее.

Неряшливо одетая особа средних лет в тщательно закрепленном булавками капоре открыла дверь и посмотрела на нас с чопорностью давно утратившей всякие надежды старой девы.

— Чем могу вам помочь, джентльмены?

— Мы хотели бы видеть вашего квартиранта Стивена Данлеви.

— А кто вы такие?

— Его друзья.

— Видите ли, джентльмены, это частное заведение. Я не позволю любому человеку с улицы беспокоить моих постояльцев.

— Хорошо, в таком случае мы здесь для того, чтобы предъявить вам обвинение в содержании публичного дома, раздел тринадцать Акта о поправках к уголовному кодексу. Конечно, если вы не вспомните, что мы друзья мистера Данлеви.

— Да-да... Видимо, яркий свет ослепил меня. Сюда, пожалуйста.

Мы поднялись по грязной, украшенной паутиной лестнице и прошли по коридору к двери без номера. Домовладелица постучала:

— Выходите, к вам пришли двое джентльменов. Говорят, что ваши друзья, так, во всяком случае, они сказали.

Она улыбнулась нам щербатым ртом и удалилась вниз по лестнице.

Не дожидаясь ответа, Холмс повернул дверную ручку, ворвался в комнату и уселся в ближайшее кресло, прежде чем стоявший у открытой двери хозяин успел поприветствовать нас.

— Хотя неблагоприятная задача установить вашу личность сильно замедлила мое расследование, я все же выяснил место рождения Джонни Блэкстоуна, разыскал ферму его родителей, начальную школу, первый полк, место, куда его перевели по службе — Египет, — и установил факт его исчезновения. Мне нужно узнать, где сейчас Блэкстоун. Его армейское начальство, родители и любимая сестра не меньше моего заинтересованы в том, чтобы найти его. Я попрошу вас рассказать о первой встрече с Блэкстоуном в мельчайших подробностях, не упуская самой незначительной детали. Я призываю вас стать певцом банальности. — Детектив зажег сигарету, вдохнул и медленно выпустил дым. — Снабдите меня мелочами — топливом, на котором работает механизм сыска.

Беседа продолжалась почти четыре часа, но мне показалось (думаю,

и Данлеви тоже), что она заняла несколько дней. Холмс снова и снова просил его повторить свой рассказ. Данлеви каким-то непонятным образом удавалось сохранить хорошее настроение. Однако я заметил, что он все больше сердится на себя за проявленное в ту ночь неблагоразумие, помешавшее ему запомнить все в подробностях.

Я курил, прислонившись к двери, Данлеви удобно расположился в кресле, подперев рукой подбородок, а Холмс занял другое кресло, уперев ноги в низкую каминную доску. Мой друг продолжал допрос. Мне казалось, он идет уже далеко не по первому кругу.

— Что вы успели услышать из разговора Блэкстоуна с Мартой Тэйбрам с момента их встречи и до того, как вы покинули «Двух пивоваров»?

— Только то, о чем я вам уже говорил, мистер Холмс. Все вокруг кричали, и никто особо не стеснялся в выражениях.

— Этого недостаточно. Пораскиньте хорошенько мозгами. Ну же, напрягите память, мистер Данлеви!

Тот крепко зажмурился, сосредоточиваясь, устало потер переносицу.

— Блэкстоун отвесил комплимент по поводу ее капора, сказал, что тот очень идет Марте. Он настаивал, что сам оплатит ее выпивку, говорил, мол, они с ней подружатся. Они издевались над одним солдатом — тот очень нервничал: положил глаз на девчонку и целый час не решался начать с ней разговор.

— А потом?

— Рассказывал про египетскую кампанию.

— Употребил именно это слово?

— Точно не помню. Было много экзотических выражений, ярких описаний... Помню рассказ о трех кобрах, который, как видно, ее сильно развлек. Я едва успел...

Холмс привстал в кресле, всем своим видом показывая неподдельный интерес.

— Три кобры, говорите?

— Вроде бы так.

— Вы точно помните количество?

— Готов поклясться, что речь шла о трех кобрах. Удивительно, что он встретил их так много сразу, но я мало что знаю о Египте.

Сыщик вскочил и приставил палец к губам. На лице его не дрогнул ни один мускул, но весь он почти вибрировал от едва сдерживаемой энергии.

— Мистер Данлеви, я сейчас задам вам чрезвычайно важный вопрос. Опишите как можно подробнее глаза Блэкстоуна.

— Бледно-голубого цвета.

Данлеви запнулся. Ему почудилось, что Холмс не в своем уме, и журналист изо всех сил старался, чтобы эта мысль не отразилось на его лице.

— Вам не показалось, что его раздражает свет?

— В тех притонах, куда мы заходили, было довольно темно. Только в «Белом лебеде» яркая лампа. Помнится, он сидел к ней спиной, но глаза не меняли цвет. Даже в плохо освещенных пивных его бледно-голубые глаза сияли.

Холмс издал восторженный возглас. Подбежав к Данлеви, он крепко стиснул его руку.

— Я знал, что вы попались на нашем пути не только для того, чтобы мучить нас. — Он надел шляпу, взял трость и поклонился, как в театре. — Доктор Уотсон, наше присутствие необходимо в другом месте. Приятного дня, мистер Данлеви.

Я выскочил вслед за Холмсом и догнал его уже на перекрестке.

— Nihil obstat.^[25] Нам улыбнулась удача. Стивен Данлеви рассказал все, что нужно.

— Я искренне рад.

Холмс рассмеялся.

— Признаю, что утром был слегка не в себе, но, думаю, вы простите мне это, если я расскажу, где мы разыщем след Джонни Блэкстоуна.

— Я так и не понял, какая связь между глазами человека и его египетскими подвигами.

— Вы, как и Данлеви, думаете, что три кобры — воспоминание о колониальных войнах?

— А что еще они могут означать?

— Вам ничего не подсказывает, как медику, сужение его зрачков даже при очень плохом освещении?

— Напротив, яд кобры — нейротоксин, влияющий на мышцы диафрагмы и никак не затрагивающий светочувствительность или зрение.

— Как обычно, мой дорогой друг, вы правы, но мыслите в неверном направлении. — Он пронзительно свистнул, подзывая случайный экипаж, оказавшийся поблизости. — Через несколько минут вы все поймете. Я познакомлю вас с «Тремя кобрами» — пожалуй, самым захудалым опиумным притоном во всем Лаймхаусе.^[26]

Глава 21

На волосок от гибели

Поездка по Коммершиал-роуд из Уайтчепела в доки Лаймхауса не отняла много времени. Полная зависимость от моря этого небольшого участка города определила его своеобразную топографию. Здесь встретишь скорее моряка, чем возчика, а грузчики с рынка мигом превращаются в докеров. Чем ближе к Темзе, тем большее разнообразие рас и народов. Солнце садилось на медленно текущую реку; в окне экипажа валлийские докеры сменялись чернокожими портовыми грузчиками, а те, в свою очередь, — индийскими носильщиками. Все они двигались в одном направлении — к дому и очагу, — лишь ненадолго забредая по пути в пабы, чтобы пропустить пару стаканчиков джина для подкрепления сил.

Мы свернули в улочку, где попали в окружение китайцев обоих полов, одетых в безукоризненно английской манере; об их родине напоминали лишь декоративные разрезы на одежде. Молодой мужчина с косичкой, заправленной под аккуратную матерчатую кепку, в плохо защищающих руки на холодном ветру перчатках без пальцев, вез ребенка в коробке из-под чая с двумя передними колесами, подпоркой сзади и отшлифованными наждачной бумагой ручками.

Холмс постучал тростью в потолок кэба, и тот остановился у входа в магазинчик с грубо нарисованной картинкой кипящего чайника. Мой друг проворно соскочил на тротуар, повернув голову влево, в сторону грязной от сажи и сырости арки. Я вряд ли взял бы на себя смелость угадать, чем торгуют по обе стороны улицы лавки с разбитыми стеклами, заклеенными грязной коричневой бумагой.

— Это здесь. Благодарю вас, кэбмен. А теперь, Уотсон, нам надо не потерять голову.

Под аркой мы спустились по заросшим мхом крутым каменным ступенькам в обрамлении деревянных перил и стен из темного кирпича. Примерно в трех этажах ниже улицы, на уровне реки находился причудливый внутренний двор. Семь домов из гниющего серого дерева расположились полукругом. Мой друг приблизился к покосившейся двери одного из них и постучал три раза.

Дверь открыл сутулый китаец с кустистыми седыми бровями и подчеркнуто бесстрастным выражением лица. Он отвесил нам вежливый поклон.

— Осмелюсь спросить, это заведение, известное под названием «Три кобры»? — поинтересовался Шерлок.

Владелец притона кивнул.

— Если желаете покурить, джентльмены, есть несколько свободных коек, — сказал он на хорошем английском.

— Какая удача! — улыбнулся Холмс.

— Меня зовут мистер Ли. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он распахнул дверь в коридор, откуда три крутые ступеньки привели нас в узкий проход с кроватями, которые были встроены в стену, как койки на корабле, — шесть убогих постелей, с каждой стороны коридора. На одной из них лежала старая женщина с глубоко посаженными глазами-колодцами и длинной косой цвета свинца. Жизни в ней, по-видимому, оставалось ровно настолько, чтобы вдыхать ужасное зелье.

— Боже милосердный, Холмс, откуда вы узнали о существовании этой дыры? — пробормотал я.

— Моя работа заключается в том, чтобы вникать во многие частности, — прошептал в ответ детектив.

Мистер Ли жестом пригласил нас следовать за ним. Коридор в конце расширялся, переходя в большую комнату с кроватью у стены и набитыми травой тюфяками на полу. Ветхие полоски просвечивающей ткани, которые когда-то, несомненно, придавали обстановке некий налет мистицизма, теперь свешивались, гладкие и лоснящиеся от дыма, словно пропитанные грязью паруса потерпевшего крушение корабля. В этой комнате я увидел англичан: двух солдат, сжимающих вялыми пальцами длинные трубки, и сидящего с приоткрытым ртом морского офицера, лениво рисующего рукой какие-то узоры в густом воздухе.

Китаец провел нас к паре соломенных тюфяков, отгороженных обветшалыми занавесками. Холмс сказал, что мы располагаем временем выкурить трубку на четыре пенса. Мистер Ли отошел к плите, где над кастрюлей с малым количеством воды, кипящей на медленном огне, было закреплено сито с большой кучей измельченного опиума.

— Мой дорогой Холмс, ведь нам не придется в самом деле курить эту гадость? — прошептал я.

— Не беспокойтесь, Уотсон, — так же тихо, но с шаловливой усмешкой ответил он. — Я хоть и люблю травить себя, но несколько иным образом.

Китаец разогрел на огне две порции смолистого вещества желтого цвета, наполнил им трубки, передал нам и удалился. Холмс привел меня в смятение, зажав трубку между зубами, но я вскоре понял, что он хотел

лишь освободить руки и расстегнуть цепочку часов. С ее конца свисал золотой соверен, память об одном из давних приключений Холмса.^[27] Он быстро выгреб из трубки тлеющий комок, швырнул его на пол и протянул руку, чтобы взять мою трубку. Повторив с ней те же действия, Холмс извлек из кармана носовой платок и тщательно вытер монету, восстановив отчеканенное в золоте изображение королевы в его прежней безупречности. Затем подобрал платком охлажденные комки и опустил их в карман.

— Полагаю, мы достигли цели и можем закончить рекогносцировку, если вы не желаете заказать еще одну порцию.

— Давайте уйдем, если вы увидели все, что хотели.

— А вот и человек, который мне нужен. Я мог бы переговорить с вами? — спросил Холмс мистера Ли.

Хозяин сдержанно кивнул, и мы прошли вслед за ним в боковую комнату рядом с входом, где на единственном маленьком столике лежали книги и гроссбухи, исписанные загадочными иероглифами.

— Я хочу сказать, сэр, — сказал Холмс, стараясь выглядеть незаинтересованным, — что мой друг высоко оценил ваш бизнес, и его мнение совершенно справедливо. Верно ли, что среди ваших клиентов немало солдат?

— Вы это и сами видели.

Детектив выложил пятифунтовую банкноту на пожелтевшую страницу гроссбуха.

— Теперь, когда мы уладили с вами дела, я желаю заявить без обиняков, что нашего общего знакомого преследуют всякие неприятные личности — ну, ростовщики, сами понимаете, — и он вынужден скрываться. Я очень хочу помочь, но не знаю, где его искать. Не дадите ли мне знать, когда он в следующий раз заглянет сюда? Вы, конечно, будете вознаграждены за хлопоты и потраченное время.

— Как вас зовут, сэр?

— Бэзил. Когда-то я был капитаном корабля, а теперь владею небольшой флотилией, — сказал Холмс, записывая свой адрес на клочке бумаги.

— А кто ваш друг?

Холмс подробно описал Блэкстоуна, не называя его имени.

Мистер Ли записал что-то в блокноте и со вздохом выпрямился.

— Этот человек время от времени приходит сюда. Всегда один. Его здесь многие знают. Капитан Бэзил, я очень стараюсь всячески помочь своим клиентам. У меня только один вопрос: можно ли ожидать какого-

нибудь насилия со стороны вашего друга-солдата?

— Вероятность этого нельзя исключить, — признался Холмс, улыбнувшись.

— Понимаю. — Китаец сделал еще одну пометку. — Если что-либо подобное произойдет в моем заведении, вы станете моим должником. — Он улыбнулся. — Не думаю, что вы захотите быть мне чем-то обязаны.

Я еще не успел сойти с мокрых ступенек на тротуар, как Холмс сказал:

— Вам не понравился наш новый помощник.

— Думаю, вся эта история показалась ему весьма темной и сомнительной.

— Так оно и есть для человека непосвященного. Однако его рассуждения о насилии были весьма искренними. Мистер Ли — весьма эксцентричная личность. Я имел с ним деловые отношения и раньше, хоть и не был знаком. Он филантроп, поставщик опиума, буддист и очень серьезный противник. Был известным ученым в Пекине. Около четырех лет назад в этом районе была убита маленькая девочка. Мистер Ли разыскал преступника, члена банды «Сорок воров Лаймхауса», и мне даже не хочется вам рассказывать, что случилось с этим мерзавцем. Чтобы очистить этот район от банд, мистер Ли сделал больше за пять лет, чем Скотланд-Ярд — за двадцать.

— Значит, он наш союзник? Зачем тогда все это нелепое представление с трубками?

— Это бизнес, мой дорогой Уотсон! Я никогда раньше не видел мистера Ли. А среди поклонников этого вида порока существуют воистину братские чувства. Как клиент, я нахожусь в равном положении с Блэкстоуном. Иначе я посторонний, неважно — светский человек или простолюдин. В любом случае, мне было необходимо взглянуть на хозяина заведения.

Когда мы вышли на улицу, загорелись фонари, правда, в этом районе их было удручающе мало.

— Нам необходимо попасть в ту часть Лондона, где бывают кэбы, — сказал Холмс. — Надо было заплатить кучеру, чтобы подождал нас. Нога не слишком вас беспокоит?

— Ничего страшного.

— Тогда ускорим шаг, мой друг, в предвкушении домашнего очага и грядущей победы.

Безошибочное умение ориентироваться, присущее детективу, вскоре вывело нас на территорию, хоть и незнакомую, но, по крайней мере, с

вывесками на английском языке. Холмс, погруженный в раздумья, шел впереди, не сворачивая ни влево, ни вправо. Он вел себя, как и подобает человеку, оказавшемуся в новом месте: с любопытством рассматривал заброшенные склады, которые вскоре сменились обветшавшими жилищами, откуда доносился запах пищи.

Я был настолько погружен в свои мысли, что не обратил внимания на хриплые крики усталого газетчика, распродающего остаток своего товара. Однако второй юноша с хмурым лицом бульдога с такой решимостью сжимал в руках газету, что мой взгляд поневоле задержался на первой странице. Издав возглас удивления, я остановился и нашарил в кармане монетку. Холмс тоже вышел из состояния задумчивости, привлеченный моим изумленным воплем.

ШЕРЛОК ХОЛМС НА СВОБОДЕ

Хотя полицейские силы в Уайтчепеле были значительно увеличены после ужасного «двойного убийства», совершенного Джеком Потрошителем, все же, как это ни прискорбно, есть повод обвинить лондонские власти в вопиющем пренебрежении общественной безопасностью. Граждане, без сомнения, сочтут шокирующим тот факт, что главный (по существу, единственный выявленный к настоящему времени) подозреваемый, самозванный «детектив-консультант» мистер Шерлок Холмс, до сих пор разгуливает на свободе. Его нередко видят на улицах Ист-Энда. Читателя едва ли стоит обвинять в излишней подозрительности, если он удивится, узнав, что мистер Холмс, чье местонахождение в ночь убийств до сих пор не установлено Скотланд-Ярдом, присутствовал на похоронах обеих жертв. Это обстоятельство представляется тем более загадочным, после того как в нескольких кварталах от места убийства Эддоуз был обнаружен нож, на первый взгляд не имеющий никакого отношения к данному преступлению. Всем хорошо известно, что в ту ночь мистер Холмс был каким-то образом ранен. Выброшенным ножом невозможно было

нанести Эддоуз такие ужасные раны, и он, по всей вероятности, не принадлежал убийце. Возникает подозрение, что это оружие прятала в своей одежде жертва преступления, сумевшая ударить ножом нападавшего, прежде чем уступить его порочным желанием. Нет сомнения, что полиция с должным усердием проводит расследование в отношении мистера Холмса, однако трудно отделаться от мысли, что, будь его свобода ограничена жесткими рамками, на улицах нашего города стало бы намного спокойнее.

— Черт бы побрал этого мерзавца! — вскричал Холмс, убирая ядовитую писанину с глаз долой. — Какие лживые аргументы! Газетчик сначала вводит в заблуждение полицию, а после того, как та начинает расследование, ссылается на разбирательство, чтобы поднять новую волну измышлений!

— Но как он узнал, что вы присутствовали на похоронах?

— Если Стивен Данлеви приложил к этому руку, я с вашей помощью добьюсь от него ответа.

Мой друг припустил вперед еще быстрее.

— Что теперь нам делать, Холмс?

— Как можно скорее вернуться домой.

Внезапно я понял всю меру опасности: каждый день в газетах писали о возросшем озлоблении толпы в Ист-Энде. Ее бездумная ярость в любую минуту готова была выплеснуться на случайно подвернувшегося иммигранта или заблудившегося прохожего. Несколько раз дело едва не доходило до линчевания. Если бы какой-нибудь чрезмерно бдительный гражданин узнал Холмса поздним вечером в Уайтчепеле, последствия этого были бы непредсказуемы.

— Я полагаю, это проделки Тавистока?

— Кого же еще?

— О, попадись он мне сейчас! — воскликнул я. — Он бы проклял тот день, когда ступил на ниву журналистики!

— Этот подлец в своих писаниях буквально выворачивает факты наизнанку, — проворчал Холмс. Внезапно он остановился. — Имейте в виду, мой мальчик, главная опасность сейчас таится в толпе.

Он свернул в узкий проулок, который, видимо, официально именовался аллеей, а я бы скорее назвал его расщелиной. Единственными живыми существами, которых мы там встретили, были обезумевшие от

голода собаки, злобно уставившиеся на нас желтыми глазами.

— Холмс, что вы собираетесь делать?

— Ваша идея выплеснуть эмоции при помощи кулаков хоть и привлекательна, но, увы, крайне неубедительна. Необходимо выяснить, откуда этот наглец получает информацию.

Мы прошли полквартиры по сильно разбитой булыжной мостовой, и тут я осознал, что стук колес поезда, доносящийся слева, сопровождается звуком чьих-то шагов, помимо наших. Но прежде чем оглянуться, я посмотрел на Холмса и убедился: он знает, что мы не одни.

Мы нырнули в боковую улочку, но это не помогло: таинственные шаги по-прежнему слышались в темноте за спиной.

— Сейчас мы идем на север по Мансел-стрит и вот-вот достигнем железнодорожного депо, — пробормотал Холмс. — Потом выйдем на Олдгейт Хай-стрит и очень скоро окажемся в Сити.

— Я бы предпочел Вестминстер.

— Возьмем кэб до Бейкер-стрит, здесь недалеко.

Когда мы вышли на Олдгейт Хай-стрит, вблизи того места, где эта улица переходит в Уайтчепел Хай-стрит, мне на мгновение показалось, что наши неприятности на этом закончились. Но тут человек, шедший вслед за нами, более явственно обозначил свое присутствие.

— Это мистер Шерлок Холмс? — прокричал он.

Лучше освещенная и более оживленная часть улицы сразу же превратилась для нас во враждебный ландшафт: все головы в пределах слышимости разом повернулись в сторону хорошо известной публике физиономии моего друга.

— Так оно и есть! — завопил наш преследователь. — Шерлок Холмс собственной персоной. Расхаживает себе по темным улицам как ни в чем не бывало.

Еще несколько угрюмых наблюдателей, судя по всему, не из самых уважаемых слоев общества, присоединились к нашему незваному спутнику.

— Эй, вы! Вам в этих краях есть за что ответить!

Из толпы раздался зловецкий одобрителный ропот.

— Ну-ка повернись к нам лицом и отвечай, что ты делаешь в Уайтчепеле, кровавая ищейка?

Холмс поморщился, очевидно, недовольный тем, что его приравнивали к детективам Скотланд-Ярда, но промолчал.

— Ты, наверное, вообразил, — крикнул узнавший Холмса человек, голос которого казался мне отвратительным, — что так и уйдешь? Зарезал

столько красоток и думаешь, у нас не найдется для тебя ножа?

— Уотсон, если увидите полисмена раньше меня, подзовите его, — сказал Холмс, засунув правую руку в карман, а левой сжимая тяжелую трость.

— Сюда, на помощь! Мы сумеем защитить себя! — кричал наш недруг.

— Как ваша рука, Холмс?

— На пару ударов хватит. Тут не помешал бы ваш револьвер.

— Придется обойтись кулаками.

Я высматривал полицейского, но, к несчастью, представителей закона нигде не было видно.

— Мы недалеко от станции метро «Олдгейт», — заметил Холмс.

— Разве у нас есть шансы спастись бегством?

— Слабые, ведь у вас болит нога. И прошли мы уже немало.

— Холмс, я им не нужен.

— Если бы я счел это правильным, давно бы уже дал стрекача. Но, как видно, вам еще придется потерпеть меня какое-то время.

Когда мы достигли перекрестка, несколько человек из толпы обогнали нас и зашли спереди. Я медленно обернулся и только теперь по-настоящему испугался: около тридцати человек следовали теперь за нами в этой нелепой процессии, еще десять преграждали дорогу.

— Полагаю, говорить с ними не имеет смысла? — поинтересовался я самым беспечным тоном, на какой был способен.

— Сделаем с ними то же, что они сотворили с Кэтрин Эддоуз! — крикнул отвратительный маленький дьявол.

Сыщик наконец обернулся. Его серые стальные глаза выражали непоколебимую решимость.

— Сами понимаете, это сейчас не сработает.

— Но за отсутствием лучшего... — прошептал я.

— Джентльмены, — обратился к толпе Холмс, — у меня нет ни малейшего представления, что вы собираетесь делать, но раз это так для вас важно, готов помочь.

Это замечание не успокоило собравшихся, но слегка их озадачило. Один или двое злобно хихикнули, остальные сжали кулаки.

— Ты прекрасно осведомлен о наших намерениях, кровавая собака, иначе шел бы намного медленнее.

— Похоже, вы меня преследуете, — спокойно отозвался Холмс. — Не вижу в этом никакого смысла, если вам не нужна моя помощь. Всем известны мои таланты в расследовании преступлений. Скажу только одно:

меня видели неподалеку от Потрошителя именно из-за того, что я всеми силами стараюсь избавить вас от него.

Услышав это смелое заявление, несколько человек взглянули на Холмса с интересом, но их симпатия оказалась недолговечной.

— Ты был там, тебя узнали! — крикнул головорез с дубиной в руке, выходя вперед. — Чего стоят слова безжалостного убийцы?

— Вы, сэр, как я понимаю, родом из Западного Йоркшира?

Грубый скот остановился как вкопанный.

— Вот это да! Откуда, черт возьми, тебе это известно?

— В свое время вам доводилось охотиться на кроликов?

— Если даже так, что с того? — нахмурился он.

— Вы очень тесно с ними соприкасались. Вас никогда не принимали за кролика?

Эта удачная шутка вызвала смех у части собравшихся, в то время как другие, почувствовав в словах Холмса скрытую издевку, крепче сжали в руках самодельное оружие, осыпая нас злобными проклятиями.

— Может быть, вам удастся выдумать что-нибудь более примиряющее? — предложил я.

— Вы что, всерьез воображаете, что я сумею заговорить им зубы? — спросил Шерлок, делая шаг в сторону. Теперь мы стояли спиной к спине.

— Нет, — тихо ответил я, повернув к нему голову, — но в их рядах появилась небольшая брешь. Я схвачусь с этим рябым парнем с лопатой, и, если мне удастся сбить его с ног, бегите что есть сил.

Мы стояли, не отрывая глаз от окружавшей нас толпы.

— Вы сошли с ума, — прошипел Холмс, — если думаете, что я...

И тут, внезапно замолчав на полуслове, он поймал меня за рукав и, непонятно почему, радостно заулыбался.

— Мэн Джек! — закричал он. — Как вас угораздило присоединиться к этому легковерному сброду?

Я разинул рот от изумления: из скопления людей вышел настоящий великан с багровым шрамом, идущим от виска поперек носа и глубоко прорезающим щеку.

— Теперь я знаю наверняка, — сказал он громким баритоном, — что сегодня неподходящий вечер для Шерлока Холмса гулять в Уайтчепеле.

— Мэн Джек, как я рад вас видеть!

— Боюсь, что не могу сказать то же самое, мистер Холмс.

— В газетах пишут, что он и есть Тесак! — заорал угрюмый юнец.

— Отправим его в ад этой же ночью!

— А что вы скажете, Мэн Джек? — спросил мой друг. — Поверьте,

все это выдумки.

— Я знаю это не хуже вас, да это и младенцу понятно, — проворчал он. — Уходите с миром — тут и говорить не о чем.

— Ах вот, значит, как: он невинная овечка! — выкрикнул негодяй, начавший всю эту заваруху. — Хватит переливать из пустого в порожнее! У меня с собой нож, и я пушу его в дело!

— И я! — крикнул еще кто-то.

— Ни один из вас не годится в полицейские, — сказал Джек спокойно, но голос его был так силен, что эхом отразился от стен домов. — Эй, вы там! Дайте пройти этим парням. Уходите, мистер Холмс. Они меня слушаются, когда сохраняют рассудок, но, если перестают соображать, горе тому, против кого они затаили злобу!

— Благодарю вас. Пойдемте, Уотсон.

Их лица были хмуры, и некоторые мерзавцы, включая дюжего йоркширца, даже осмелились плюнуть в нашу сторону, но все же толпа расступилась.

— Кто этот человек? — изумленно спросил я.

— Мэн Джек? Боксер-профессионал.

— Так вы встречались с ним на ринге?

— Нет, конечно. Вы ведь достаточно хорошо знакомы с боксом, чтобы понять: мы принадлежим к разным весовым категориям.

— Тогда я не понимаю, зачем ему было спасать нас от расправы.

— Просто вы не знаете его полного имени. Мэн Джек Хокинс — член семьи одного из моих осведомителей. Сознаюсь, мой друг, когда я набирал мальчишек в свой отряд несколько лет назад, то и представить себе не мог, что кто-то из их родителей однажды поручится за меня, подтвердив мое доброе имя. Впрочем, немногие из них вообще имеют семьи, — вздохнул Холмс. Он выглядел совсем обессиленным. — Малыш Хокинс только что заработал солидное вознаграждение. А вот и кэб, друг мой. Если мы поспешим, он от нас не скроется.

Глава 22

Исчезновение Шерлока Холмса

На следующий день я не видел детектива примерно до восьми часов, когда чрезвычайно взъерошенный человек в грязной непромокаемой куртке и высоких башмаках поприветствовал меня взмахом руки и исчез в спальне Холмса. Он был похож на тех мужчин, кто с риском для жизни прочищает за гроши сточные трубы. Через полчаса Холмс в сером твидовом костюме появился с трубкой в гостиной и уселся за стол с таким видом, словно предвкушал любимую работу.

— Ну и что делает у вас этот мусорщик?

— Он отправился в те края, куда Шерлок Холмс лишен доступа, по крайней мере, в настоящее время. Что у нас на ужин?

— Миссис Хадсон обещала ягненка.

— Замечательная женщина. Не сочтите за труд, позвоните в колокольчик. Мне было не до еды с самого раннего утра — слишком много работы.

— Вы находились в Ист-Энде?

— Часть дня. Нашлись и другие дела — заходил в Скотланд-Ярд.

— В таком наряде?

— Мне нужно было видеть инспектора Лестрейда. Я добыл срочную информацию, которая будет ему очень полезна. Его коллеги выразили сомнение. Я их предупредил, что, если мои сведения попадут на страницы газет, Скотланд-Ярд окажется в весьма глупом положении. Это заставило их призадуматься, и очень скоро я оказался в кабинете Лестрейда. Там я раскрыл свою подлинную личность, к неудовольствию нашего доброго знакомого, и задал ему несколько важных вопросов.

— Каких именно?

— Полицию, конечно, расстроили домыслы этого ублюдка Тавистока, но они озабочены и тем, чтобы избежать обвинений в фаворитизме. Некоторые наиболее активные деятели предложили арестовать меня ради полноты расследования и в угоду общественному мнению.

— Боже правый, на каком основании?

— Сколь бы это ни казалось неправдоподобным, но окровавленный нож действительно обнаружили в нескольких кварталах от трупа Кэтрин Эддоуз. Лестрейд даже не стал сообщать нам об этом: слишком уж эта находка не похожа на обоюдоострое лезвие, которым пользовался

Потрошитель. То, что нашли этот нож, — не более чем случайное совпадение, но подлые действия Лесли Тавистока или его источника информации натолкнули полицию на мысль, что Эддоуз пустила это оружие в ход для самозащиты. При охватившей всех нынче панике уже никого не волнует, что любой суд присяжных в Великобритании мгновенно отметет эту басню. Я не вправе даже выдвинуть против журналиста обвинение в клевете: формально все верно.

— Но он зашел слишком далеко! — возразил я.

— Уотсон, если бы газетчиков наказывали за измышления, любое периодическое издание в Англии обанкротилось бы весьма скоро. Покинув Скотланд-Ярд, я направился в Уайтчепел, чтобы повидать Стивена Данлеви. Он клянется, что не виноват.

— Ну, этого и следовало ожидать, — констатировал я, подумав, что, если Данлеви и дальше будет водить нас за нос, стремясь при этом добиться расположения мисс Монк, мне придется утопить его в Темзе.

— Я склонен верить ему, — задумчиво сказал Шерлок. — Но мне все больше кажется, что против меня действует некая зловещая сила, направленная на то, чтобы помешать успеху моего расследования. Не исключено, что я выдумываю заговор там, где его нет, но эти интриги помогают злодею оставаться безнаказанным, связывая мне руки.

— Кажется, «интриги» — это еще очень мягко сказано.

Мой друг успокаивающе помахал трубкой.

— Мне нечего добавить к сказанному, и мы вряд ли узнаем что-нибудь новое, пока не увидим Тавистока.

— Мы будем с ним встречаться?

— Выкурим с этим клеветником по сигаре у Симпсона в десять часов.

— Тогда вы будете вправе утверждать, что знакомы и с другими низшими формами лондонской жизни, помимо Джека Потрошителя, — мрачно заметил я.

Сыщик рассмеялся:

— Ну что ж, это станет своего рода отдыхом после целого дня тяжелых трудов.

— Чем еще занимались, Холмс? Сегодня утром вы ушли так рано.

— Уверяю вас, я не терял времени даром... А вот и миссис Хадсон. Позвольте мне полностью сосредоточить свое внимание на том, что она принесла на подносе.

Вечером, как часто бывало в том октябре, пронизывающий туман окутал город. Сильный ветер дул нам в лицо, мы пригнули головы и плотно

обернули шарфы вокруг шеи. Хотя нас ожидала не самая приятная встреча, я вздохнул с облегчением, увидев мерцающий в пяти ярдах от нас фасад заведения Симпсона.

Полированное красное дерево, тихий звон хрусталя и серебра улучшили мое настроение, по крайней мере до тех пор, пока мы не очутились в отдельном кабинете с пылающим в камине огнем и роскошными пальмами по углам. И тут я вновь увидел Лесли Тависток. В редакции газеты я не слишком хорошо его разглядел. Он был значительно ниже среднего роста, с каштановыми, зачесанными назад волосами и выразительными движениями рук. Его проницательные, настороженные карие глаза, скорее хитрые, чем умные, усиливали впечатление о нем как о человеке, который поднялся до высот своего нынешнего положения, не особенно считаясь со средствами.

— Для меня большая честь лично познакомиться с вами, мистер Холмс! — воскликнул Тависток, приближаясь к моему другу с протянутой для пожатия рукой, которую Холмс умышленно проигнорировал. — Впрочем, ладно, — продолжал Тависток, превратив резким движением запястья несостоявшееся приветствие в напыщенный жест, демонстрирующий понимание. — Я не вправе винить вас. Крупные публичные фигуры настолько привыкают слышать похвалы, расточаемые обожающими их толпами, что малейшее порицание приводит их в полное замешательство.

— Особенно когда эти толпы хотят тебя убить, — сухо заметил Холмс.

— Боже праведный! — воскликнул Тависток. — Неужели вы вновь как ни в чем не бывало разгуливали по Ист-Энду? Вы же знаете, это опасное место. Хотелось бы уточнить, по какому делу вам понадобилась встреча со мной?

Мой друг холодно улыбнулся, вперив в собеседника орлиный взгляд.

— Мистер Тависток, мне ничего не известно о вас, кроме того, что вы холостяк, член коллегии адвокатов, любитель азартных игр и нюхательного табака. Но одно я знаю твердо: вы очень сильно пожалеете, если не назовете источник информации для этих чертовых статей!

В отличие от Тависток я был хорошо знаком с методами Холмса и подметил, что одет журналист небрежно: манжеты несвежей рубашки скреплены английскими булавками. На столе лежали две газеты, посвященные скачкам. Grimаса страха исказила лицо Тависток, хоть он и пытался, разливая бренди по стаканам, скрыть свою досаду за улыбкой.

— Что ж, вам присущи умные догадки о людях. Это неподражаемо передано в сочинениях доктора Уотсона.

— Догадки, как вы их назвали, — не самый главный стилистический прием в литературных трудах моего друга.

Тависток передал нам бренди. Я взял стакан, но, должен признаться, ни с кем прежде мне не было так противно пить.

— Мистер Холмс, вы, кажется, вбили себе в голову, что я совершил какой-то ужасно дурной поступок. Признаю, что мои скромные статейки, возможно, доставили вам определенное неудобство, о чем я искренне сожалею, но обязанность журналиста — информировать публику.

— Вы искренне желаете действовать в интересах общества?

— Вне всякого сомнения, мистер Холмс.

— Тогда скажите мне, кто заказал вам эту статью?

— Но вы ведь и сами понимаете, что это невозможно, — самодовольно заявил этот наглец, — поскольку цель моего клиента — защищать права населения, даже если для этого потребуются нападать на вас.

— Если у вас хватает дерзости, глядя нам в лицо, намекать, что мой друг способен на подобные зверства, вы за это ответите, — вмешался я, кипя от ярости.

— Мы уходим, — тихо сказал детектив, оставляя свой стакан нетронутым.

— Пойдите! — вскричал Тависток. На его лице отразилась обеспокоенность. — Мистер Холмс, я честный журналист. Уверяю вас, если вы согласитесь дать мне интервью, в следующей публикации вы предстанете в совершенно ином свете.

— Мистер Тависток, думаю, вы не удивитесь, услышав от меня, что вы последний человек в Лондоне, с кем я готов откровенничать, — холодно ответил мой друг.

— Извините меня, мистер Холмс, но это нелепость. У вас есть возможность очистить себя от всяких подозрений.

— Не тешьте себя иллюзиями.

— Это был бы самый сенсационный материал последних десятилетий! — воскликнул Тависток. — «Шерлок Холмс — благородный страж справедливости или извращенное орудие похоти?» Единственное, что от вас требуется, — снабдить меня несколькими яркими подробностями.

— Если вы не раскроете ваш источник информации, ничего от меня не получите.

Глаза Тавистока лукаво сузились.

— Неужели вы всерьез рассчитываете на успех своего расследования, если жители Уайтчепела будут считать вас убийцей?

Сыщик пожал плечами, но по тому, как напряглась его челюсть, я понял: ему в голову пришла та же мысль.

— Ну же, давайте. — Репортер вытащил блокнот из кармана пальто. — Всего несколько высказываний, и мы состряпаем самый волнующий заголовок, который когда-либо попадался вам на глаза.

— Спокойной ночи, мистер Тависток.

— Подумайте о вашей карьере! — отчаянно протестовал журналист. — Неужели вы не понимаете: она для меня ничего не значит — важно лишь, чтобы моя история была увлекательной.

Холмс покачал головой. Его лицо исказила гримаса отвращения.

— Я полагаю, Уотсон, на улице атмосфера гораздо чище.

Но вечерний воздух был по-прежнему вязким и каким-то тошнотворно едким. В таком тумане трудно было найти кэб, и мы молча дошли пешком до Риджент-стрит, погружившись в невеселые мысли. Волей-неволей приходилось согласиться с едким заявлением Тавистока: если озлобление против Холмса будет и дальше столь же сильным, как в прошлую ночь, не только его расследование, но и сама жизнь окажется под угрозой.

Мы уже почти дошли до Бейкер-стрит, когда Холмс нарушил молчание.

— Вы совершенно правы, мой друг. Мне не удастся безнаказанно появляться в Уайтчепеле, пока умы отравлены клеветой, распущенной Тавистокком. За последние пять минут вы взглянули на меня четыре раза и подметили верно: рисунок в «Лондон Кроникл» возмутительно точен, отчего мы и пострадали прошлой ночью. — Я невольно улыбнулся, а Холмс горестно вздохнул. — Мне повезло, что у меня только одно доверенное лицо. Когда объясняешь свои действия, разрушаешь фундамент репутации.

— Ваша репутация...

— Сейчас, несомненно, сильно подорвана. Тем не менее я доволен, что повидал Тавистока. Охотно верю вам: он негодяй. И хотя подоплеку его статьи выявить не удалось, он проронил одну любопытную фразу.

— Какую?

— Сказал, что его источник информации желает защитить население. Если этот таинственный незнакомец всерьез думает, что жителям Уайтчепела будет лучше без меня, он или безумец, или...

Я ждал, что Холмс скажет дальше. Он покачал головой и продолжил:

— Одну гипотезу надо отбросить: будто у этого грубияна Тавистока есть какой-то повод преследовать меня. Он до омерзения ясно дал понять: ему все равно, назначат меня премьер-министром или привяжут к хвосту

лошади, пустив ее вскачь, затем четвертуют и насадят голову на пику — лишь бы ему позволили все это расписать в своей статье.

— Чем же мне помочь вам, Холмс?

Мы добрались наконец до нашего жилища, хотя его дверь была едва различима во мраке.

— Ничем, мой дорогой. Думаю, действовать надо мне. Поверьте, я не буду сидеть сложа руки.

В тот вечер Холмс растянулся в кресле, уперев подбородок в колени и неотрывно глядя на листок бумаги с рядами цифр, присланный Потрошителем в портсигаре. Больше часа мой друг не менял позы, сидя с полузакрытыми глазами, одинокий и неподвижный, как оракул, то и дело набивая трубку крепким табаком. В конце концов я отправился в постель, чтобы поразмышлять о предстоящих нам испытаниях.

На следующее утро я обнаружил под масленкой на обеденном столе послание, написанное четким почерком Холмса.

Мой дорогой Уотсон!

Возможно, мои изыскания не позволят мне какое-то время вернуться на Бейкер-стрит. Вы поймете, что дело очень важное, а расследование в Ист-Энде носит такой характер, что его гораздо эффективнее проводить в одиночку. Умоляю вас, не беспокойтесь и не забредайте далеко от дома: Лондон имеет свою отталкивающую сторону. Возможно, очень скоро мне понадобится ваша помощь. Пишите мне на адрес почтового отделения Уайтчепела до востребования, Джеку Эскотту.

Ш. Х.

P. S. Поскольку мое новое расследование приняло весьма опасный оборот, сообщаю, что направил к вам мисс Монк, дабы она получила причитающиеся ей деньги.

Вряд ли стоит объяснять, что этот постскриптом явно противоречил увещеваниям Холмса не тревожиться о его безопасности. Я согласился, что ему удастся с большей пользой работать в одиночестве, как это не раз

случалось и раньше, но в голову лезли непрошенные мысли, что опасностей будет слишком много для одного человека, даже для такого, как Шерлок Холмс.

Миссис Хадсон просунула голову в дверной проем:

— Доктор Уотсон, к вам мисс Монк.

Выразительное лицо нашей помощницы казалось озабоченным. Она стянула с рук новые перчатки и положила их в карман.

— Здравствуйте, мисс Монк.

— Миссис Хадсон предложила чаю, но для меня это не совсем привычное время. Она такая милая.

— Сядьте, пожалуйста. Я рад вас видеть, принимая во внимание...

— ...тот факт, что я уволена? — спросила девушка, улыбнувшись.

— Господи, конечно нет!

Я передал ей записку, и ее глаза, обращенные ко мне, загорелись тревогой.

— Что он собрался делать в одиночку?

— Пожалуй, Шерлок Холмс — самый одинокий человек, который встречался мне в странствиях по трем континентам. Боюсь, я не лучше вашего представляю, чем он сейчас занят.

Кусая губы, Мэри Энн подошла к почти угасшему огню и воинственно пощуровала кочергой угли.

— Утром, еще до завтрака, мне пришла от него телеграмма. Я не собираюсь получать деньги за то, что провожу время в пабах, болтая с пьяными девицами, — объявила она, распрямившись. — Что мы будем теперь делать?

— В прошлый раз это времяпрепровождение дало весьма интригующие результаты.

— Это был подарок судьбы, но колодец иссяк. Вроде бы я уже напала на след, но все речи мисс Лэйси сводились к тому, что Тесак способен перемещаться подобно электричеству. Бедняжка, как видно, находилась под воздействием опия... Ничего не придумали?

— Мисс Монк, я давно свыкся с мыслью, что большая часть того, что нам непонятно, для Холмса ясна как день. Было бы крайне глупо совершать какие-то опрометчивые поступки.

— Будь я проклята, если мы бессильны хоть что-нибудь сделать! Пусть даже это будет патрулирование улиц в полосатых нарукавных повязках.

— Что ж, — задумчиво сказал я, — Холмсу, несомненно, пойдет на пользу, если репутация Лесли Тавистока будет подмочена.

— Вы про этого писаку? С радостью увидела бы грязь на его лице.

Мэри Энн вскочила с места и сделала круг по ковру. Ее покрытый веснушками лоб напрягся от раздумий.

— Мисс Монк?

— Ему трудно будет отмыться. Если только это сработает...

— Мэри Энн, о чем вы?

— Доктор, ведь мы очень поможем мистеру Холмсу, если обнаружим, где Тависток добывает свои небылицы?

— Полагаю, что да.

— Я сумею это сделать.

— Что у вас в голове?

— Мне не хочется говорить заранее: а вдруг все сорвется? Но если выйдет как надо, будет здорово! Придется пойти на риск, но если это ему удастся... — Она остановилась, чтобы перевести дыхание. — Вот что я вам скажу: принесу эту штуку сюда, и вы сами все решите.

Юная особа вытащила из кармана черные перчатки и помахала ими на прощание.

— Моя дорогая мисс Монк, я категорически запрещаю вам идти на риск! — выкрикнул я.

Бесполезно. Через мгновение Мэри Энн была уже на середине лестницы. Я услышал, как она извиняется перед миссис Хадсон за то, что отказалась выпить чаю. Потом мисс Монк выпорхнула в туман, как веселая мелодия.

Глава 23

Операция «Флит-стрит»

Так получилось, что я вновь увидел мисс Монк только во вторник, 30 октября, и все это время душу мне терзало отсутствие хоть каких-нибудь вестей от Холмса. По словам Лестрейда, люди из Скотланд-Ярда были обескуражены. Они ничего не могли поделать с циркулировавшими по Уайтчепелу слухами о сумасшедших резниках^[28] и безумных докторах. Мало того что полицейских бранили на каждом углу за неспособность схватить Потрошителя, так теперь на них еще взвалили бремя охраны пышной ежегодной процессии лорда-мэра, назначенной на пятницу, 9 ноября. Это мероприятие требовало больших сил полиции.

Легко себе представить, что уайтчепелская проблема не давала мне покоя, не говоря уже о тревожащем отсутствии Холмса. Я проводил день за днем, пытаясь как-то унять беспокойство, стараясь не удаляться слишком далеко от Бейкер-стрит, на случай если события достигнут критической точки. Чтение не развлекало, атмосфера клуба казалась затхлой и унылой. В ночь на вторник я никак не мог заснуть и решил проигнорировать запрет моего друга описывать дело, названное мною «Приключения третьей свечи». Я решил, что мне не повредит бокал кларета, и тут услышал настойчивый звон дверного колокольчика.

Зная, что миссис Хадсон давно легла спать, я поспешил вниз по лестнице полностью одетый — ведь желания ложиться в постель у меня даже не возникало. Открыв дверь я, к своему величайшему удивлению, обнаружил мисс Монк и Стивена Данлеви.

— Простите, что беспокоим вас в столь поздний час, доктор, но мисс Монк сочла, что дело не терпит отлагательства, — сказал журналист.

— Рад вас видеть. Во всяком случае, мисс Монк я ожидаю давно.

Я открыл бутылку кларета и поставил еще два бокала. Данлеви уселся в плетеное кресло, а Мэри Энн с торжественным видом встала у камина, словно оратор, собирающийся сделать важное заявление. Когда я сел, она поставила бокал на каминную полку и вытащила из кармана какой-то маленький предмет.

— Доктор, это подарок для вас.

Она улыбнулась во весь рот и швырнула кусочек металла. Я поймал его на лету: это был ключ.

— Отлично, — рассмеялся я. — Готов к дальнейшим приключениям. Что им можно открыть?

— Кабинет Лесли Тавистока.

— Мэри Энн, дорогая!..

— Захотелось проверить, способен ли Данлеви на что-нибудь еще, кроме как морочить голову честным людям, — радостно сказала она, присев на край дивана. — Но я знала, что вы опасаетесь предпринимать какие-либо шаги без мистера Холмса, поэтому мы поспешили сюда, чтобы все обсудить.

— Мистер Данлеви, будьте так любезны, расскажите, как вам удалось завладеть ключом?

Молодой человек откашлялся.

— Мисс Монк оказала мне честь, обратившись за помощью в прошлый четверг. Она объяснила, что поскольку я журналист, а люди этой профессии нередко общаются между собой, чтобы узнать последние новости, у меня наверняка есть знакомые в «Лондон Кроникл». Предположение мисс Монк было не вполне верным, но у меня есть друг в «Стар», хороший знакомый парня по фамилии Хардинг, работающего в «Лондон Кроникл».

— Понятно. И что же дальше?

— Весьма остроумная идея мисс Монк состояла в том, чтобы заставить каким-то образом Хардинга сделать слепок с ключа Тавистока. Но случилось так, что никакого принуждения не потребовалось.

— Тависток — законченный подлец, — вмешалась девушка. — Впрочем, мы сами убедились в этом после всей грязи, вылитой им на мистера Холмса.

Стивен, одобрительно улыбнувшись Мэри Энн, продолжал:

— В «Лондон Кроникл» Тавистока терпеть не могут. Через пару дней наш общий друг устроил мне встречу с Хардингом за кружкой пива. Я сделал ему предложение, и он с радостью согласился сыграть шутку с самым презираемым в журналистской среде человеком.

— Шутку, — повторил я, теперь уже догадываясь об их замысле. — Что же вы собираетесь сделать?

— Ну, например, вымазать ему стул краской или подбросить дохлую крысу, — ответила Мэри Энн с очаровательной беспечностью. — Недалеко от жилища Данлеви в Ист-Энде — конская бойня. И если нам удастся проникнуть в его кабинет...

— Это маленькое удовольствие отнимет у нас слишком много времени, — возразил я.

— Было бы постыдным упущением не взглянуть на его бумаги, имея такую возможность.

— Пойдите. Мы ничего не знаем о часах работы Тависток, как, впрочем, и всей редакции.

— Хардинг проявил горячее желание сотрудничать с нами, — объяснил Данлеви. — Ему когда-то пришлось заниматься одной историей, о которой пронюхал Тависток и буквально украл ее у своего коллеги. Хардинг сделал слепок с ключа от его кабинета, а через день этот дубликат уже лежал у меня в кармане. В служебные часы в здание редакции нельзя проникнуть незамеченным: вы, наверное, и сами знаете, что у газетчиков полная рабочая неделя. Суббота, во второй половине дня — единственный шанс. Если газета не выходит в воскресенье, то накануне вечером, как рассказал Хардинг, журналисты разбредаются по близлежащим пабам или отправляются домой, к семьям.

— Охраняется ли здание, когда оно заперто?

— Учитывая важность нашей миссии, Хардинг обещал дать свой ключ от наружной двери. Держать ночного сторожа они считают излишним. Конечно, поблизости будет патрулировать полицейский, но за ним легко проследить.

— Мы подвергаем себя чудовищному риску, вламываясь в его кабинет, — счел нужным предупредить я.

— Всякое возможно, но у нас благородная цель. Мистер Холмс имеет право знать, откуда исходят эти наветы, и хотя он, кажется, убедился в моей невиновности, хотелось бы доказать это на деле.

— Меня тревожит, какие шаги предпримет Тависток, если мы попадемся.

— Я вас понимаю, доктор, — сочувственно сказала девушка, — но, если вы просто перечитаете эти две статьи, которые настолько лживы, что в них даже рыбу противно заворачивать, ваши сомнения рассеются.

Скажу без лишнего хвастовства: я никогда не был человеком, избегавшим опасности, коли речь шла об интересах друга.

— Суббота, — задумчиво сказал я. — У нас три дня, чтобы доработать план операции.

— А что, если мистер Холмс вернется к этому времени? — воскликнула Мэри Энн. — Но пусть даже он не появится, мы, по крайней мере, сумеем прояснить одно темное место во всей этой дурацкой неразберихе.

— Мисс Монк, мистер Данлеви, — сказал я, поднимаясь со стула, — давайте выпьем за здоровье Шерлока Холмса.

После томительной неопределенности сама мысль о предстоящей нам миссии внушала воодушевление. Поздней ночью, когда я наконец задул свечу, мне пришло в голову: наверное, для такой пылкой натуры, как мой друг, бездействие было настолько мучительным, что шприц и семипроцентный раствор кокаина представлялись единственным спасительным выходом.

Наши замыслы быстро обретали конкретные очертания. Мэри Энн взялась торговать вразнос носовыми платками поблизости от здания редакции. Когда полицейский велел ей уйти, она тихонько пошла за ним, выяснив, что его маршрут проходит как раз мимо входа. Это могло бы стать предметом беспокойства для неопытного взломщика, но не для человека, обладающего набором ключей. Более того, полный энтузиазма Хардинг сообщил нам, что кабинет Тавистока выходит окнами не на улицу, а во двор, поэтому не возбраняется зажечь лампу: она не будет заметна в темноте здания.

Некоторая дискуссия возникла вначале по поводу того, кто конкретно осуществит задуманную операцию. Мисс Монк и слышать не хотела о том, чтобы остаться в стороне, присутствие Данлеви тоже было сочтено необходимым, а я взял на себя обязанность вторгнуться в рабочий кабинет Лесли Тавистока. Так оформилась лихая шайка из трех заговорщиков. Мы встретились в пятницу, чтобы придумать историю на случай провала, и выбрали время начала операции — одиннадцать часов вечера в субботу.

В четверть одиннадцатого я прошел до Оксфорд-стрит и нанял кэб. Воздух прояснился, последние завитки тумана игриво, как детская лента, колыхались у окон. Мы приблизились к Стрэнду через Хэймаркет, и я вышел из экипажа, имея в запасе десять минут. Повернув в боковую улочку, спустился по ступенькам и открыл дверь крошечного паба. Меня приветствовали мисс Монк и мистер Данлеви, занявшие маленький угловой столик, освещенный масляной лампой, которую, похоже, никогда не чистили.

— Леди и джентльмены, — объявил Стивен, слегка улыбнувшись краем губ под усами, когда мы подняли стаканы, — предлагаю выпить за здоровье мистера Алистера Хардинга, с энтузиазмом взявшегося помочь нам.

— Мисс Монк, у вас есть сумка?

Девушка пнула носком ботинка небольшой джутовый мешок.

— Что ж, пора идти. Увидимся через десять минут.

Оставив ее сидеть за столиком, мы с Данлеви прошли мимо последних

величественных зданий Стрэнда, пересекли границу Темпл-Бар,^[29] где некогда был проход под аркой из серого камня, и вышли на Флит-стрит — крикливое средоточие лондонской журналистики. Но в этот поздний субботний час стояла тишина, а если и встречались прохожие, то они по большей части покидали улицу.

Данлеви подошел к дому 174 по Флит-стрит и повернул в замке ключ. Металлическая дощечка бесстрастно свидетельствовала, что здесь находится редакция «Лондон Кроникл». Через несколько мгновений мы уже были в вестибюле. Данлеви извлек потайной фонарь из кармана широкого пальто.

— Что-то не похоже на редакцию газеты, — сказал он тихо.

— Она на верхнем этаже.

Тихо ступая, мы поднялись на второй этаж, где было совершенно темно. Но я знал дорогу. При свете фонаря мы прошли через общую комнату к отдельному кабинету, запертому на один незамысловатый замок. Я вытащил ключ и отворил дверь.

Данлеви полностью открыл глазок потайного фонаря, и комната осветилась. На столе были разбросаны газеты, их подшивки стояли в книжном шкафу и лежали раскрытые поверх справочников. Мы принялись рыться в бумагах, стараясь не нарушить порядка и тем самым не обнаружить подлинную цель нашего ночного визита. Несколько минут просматривали каждый клочок бумаги, попавшийся на глаза. И тут мое внимание привлек тихий свист Стивена:

— Вот! Кажется, нашел.

Я отложил в сторону какую-то записку и сосредоточил внимание на листе бумаги, который передал мне сообщник.

Вот что я прочитал:

После того, как Холмс был ранен, убийства прекратились.

Похоже, это не простое совпадение.

Не раз презрительно отзывался о полиции.

Продолжает посещать Ист-Энд.

И небрежным почерком в конце страницы:

Холмс исчез. Признание вины?

— Господи, доктор Уотсон, никогда не думал, что мы найдем здесь столько мусора.

— Я предвидел нечто подобное, но действительность превзошла мои ожидания.

— Смотрите... Эту страницу писал не Тависток. Другой почерк.

Я услышал скрип входной двери внизу.

— Что это за бумаги? — спросил я.

— Начало статьи, а вот письмо, подписанное Тавистоком, но еще не отправленное. Почерк такой же, как на большинстве документов, которые я здесь обнаружил. Записка, касающаяся мистера Холмса, по-видимому, написана человеком, снабжающим информацией этого мошенника.

Вошла Мэри Энн:

— Как дела?

— Автор этой записки — причина всех наших неприятностей, — сказал я.

Она заглянула через мое плечо.

— Почерк мужской. Мистер Холмс сделал бы какие-нибудь выводы.

— Я покажу ему, но вряд ли тут что-нибудь скрыто, — заметил я, переписывая этот мерзкий текст в блокнот.

— Есть ли конверт к письму? — спросила мисс Монк.

Мы стали искать его в корзинке, полной смятой замаранной бумагой. И тут Мэри Энн с торжествующим видом вылезла из-под стола.

— Датировано двадцатым числом, субботой. Адрес: Лесли Тависток, «Лондон Кроникл». Написано той же рукой! Надо забрать конверт, такую подробность не следует упускать.

Нашлись и другие документы, но информации они не прибавили. Тот же человек написал Тавистоку еще три письма. В одном из них он назначал встречу, еще в двух сообщал свежие сведения о Холмсе, но свою пагубную роль они уже сыграли. Было около часа ночи, и я предложил уйти.

Мы с Данлеви в последний раз осмотрели комнату, дабы убедиться, что не оставили никаких следов своего визита. Мэри Энн взяла джутовый мешок, прислоненный к стене, с нарочитой церемонностью выложила его содержимое на письменный стол и, решительно вскинув напоследок голову, выбросила мешок в мусорную корзину.

Мы спустились по лестнице. Я потянулся к ручке входной двери, но, не успев открыть ее, вздрогнул от звука приближающихся шагов. Сделав знак своим спутникам отступить назад, я затаил дыхание, моля Всевышнего, чтобы незнакомец прошел мимо. Увы, ручку повернули, и дверь медленно отворилась.

Стивен Данлеви тут же притушил свет потайного фонаря и встал за дверь. Вошел седовласый констебль с дубинкой в руке.

— О боже! Как вы меня напугали, офицер! — воскликнул Стивен.

Дородный полицейский вернул дубинку на пояс, но на нас взглянул с подозрением.

— Потрудитесь сообщить, что вы, трое, здесь делаете? В этот час в здании нет ни души.

— Ну, любезный, и напугали же вы нас!

— Ничуть не сомневаюсь. У вас с собой связка ключей?

— Да, конечно. Должен признаться, сэр, я восхищен тщательностью вашего патрулирования. Вы всегда проверяете, заперты ли все двери во время обхода?

— Я скрепляю запертые двери бечевкой, так делает большинство полицейских. Завязка была порвана.

— Квалифицированная работа! Констебль...

— Брирли.

— Видите ли, констебль Брирли, нам с коллегой было необходимо взять интервью у этой молодой особы в обстановке полной секретности.

— По какому поводу?

— Она утверждает, что знает нечто очень важное об убийствах Потрошителя.

Мисс Монк робко кивнула, наполовину спрятавшись за моим плечом.

— А зачем вам встречаться с ней посреди ночи в пустом здании редакции?

— Это очень опасная информация, офицер, — прошептала она.

— Что ж, мисс, если у вас есть сведения об убийствах Потрошителя, вам следует сообщить мне все, что вам доподлинно известно.

— Пожалуйста, не надо, сэр, — сказала она. — Они тогда придут за мной.

— О ком вы говорите?

— О его друзьях. Они убьют меня, когда я буду спать.

— Послушайте, милая, — тихо проговорил констебль, — если вы в опасности, мы обеспечим вам защиту.

— Вы их не знаете! Моя жизнь не будет стоить и ломаного гроша, если я расскажу лишнее полиции.

— Тем не менее я настаиваю на этом.

— Ладно, — сказала девушка в полном отчаянии. — Я знаю, кто убийца.

— И кто же это? — терпеливо спросил Брирли.

— Принц Альберт Виктор.

Я изо всех сил старался делать вид, что смотрю на мисс Монк глазами газетчика, крайне огорченного ее словами и чрезвычайно раздражительного. Удавалось это с трудом.

Констебль Брирли тяжело вздохнул:

— В самом деле это он? Я передам эту ошеломляющую информацию старшим по званию. А теперь идите-ка вы, все трое, своей дорогой, и пусть она приведет вас домой без всяких задержек.

Наш обратный путь до Стрэнда протекал в молчании на протяжении примерно трех кварталов, пока констебль Брирли не остался далеко позади.

Стивен Данлеви расхохотался, запрокинув назад голову.

— Принц Альберт Виктор?

— Уверена, узнай он, что его имя так удачно подвернулось, он был бы рад, — заметила Мэри Энн.

— Мисс Монк, вы совершенно бесподобны! Что ж, доктор Уотсон, я искренне надеюсь, что мистер Холмс сумеет извлечь какую-то пользу из того, что мы разузнали.

— Будьте уверены, я извещу вас.

— В любом случае, вечер выдался на славу. Мисс Монк, вы окажете мне честь, разделив со мной место в кэбе до Ист-Энда?

— Конечно. О, доктор Уотсон, так хочется думать, что мы помогли мистеру Холмсу!

— По крайней мере, Алистеру Хардингу мы уже оказали добрую услугу, — весело объявил Стивен. — Утром я верну ему ключи. У меня нет сомнений, что последние новости сделают его счастливейшим человеком в Лондоне.

Глава 24

Ист-эндский филиал

На следующее утро я завтракал, не испытывая ни малейшего удовлетворения от вчерашнего дня. Вертел в руках конверт, обдумывая, как бы передать его Холмсу. Он превосходно организовал свое исчезновение: раньше, неоднократно уезжая за пределы Лондона или на континент, мой друг всякий раз безотлагательно сообщал по почте, где находится. Однако теперь, испытывая гордость за наши успехи, ощущая во внутреннем кармане столь трудно доставшийся мне предмет, я почувствовал безрассудную решимость вручить его Холмсу лично. Как это сделать, я еще толком не придумал, но происшедшие вскоре события избавили меня от необходимости ломать над этим голову.

И без того тусклый дневной свет уже почти угас, а порывы сильного осеннего ветра срывали с деревьев последние сухие листья, когда явился гонец от Холмса. В записке, адресованной доктору Джону Уотсону, значилось следующее:

Напал на след. Встретимся на углу Коммерциал-стрит и Брик-лейн, немедленно, возьмите свой докторский саквояж. Боюсь, он нам понадобится.

Шерлок Холмс

Конечно же, я захватил не только свой черный саквояж, но и вычищенный, заряженный револьвер. Выскочив на улицу, я подозвал кэб. Было семь часов вечера, в сгущающихся сумерках за окнами проплывали неясные очертания домов. Выйдя из экипажа, когда тьма уже окончательно восторжествовала над светом, я огляделся по сторонам, чтобы сориентироваться.

Странное дело, но я не знал, куда идти: к моему величайшему изумлению, улицы, указанные Холмсом, шли параллельно. После недолгих размышлений решил идти по Брик-лейн, чтобы выяснить, не пересекает ли она улицу с названием, похожим на Коммерциал-стрит, — ведь лондонская топонимика не отличается разнообразием. Так, свернув на Стоуни-стрит, вы вполне можете оказаться на Стоуни-лейн. Подобные ошибки не были характерны для цепкой памяти Шерлока Холмса, но никакие другие

объяснения в голову не приходили. И я решил отыскать нужный мне перекресток, пусть даже на это уйдет вся ночь.

В первые полчаса я не добился ничего, кроме нескольких глумливых колкостей в свой адрес, и прошел по Брик-лейн в обратном направлении мимо здания еврейской ассоциации, откуда доносился запах жареных колбасок. Мысль, что я не сумею найти Холмса и тем самым подведу его в кульминационный момент поисков, мучила меня. И тут я осознал, что крики обитателей Уайтчепела усилились.

— Эй, доктор! Вышли подцепить шлюху?

— Собрались поймать свеженькую милашку, или обойдетесь своими силами?

Насмешки эти вскоре приняли столь враждебный характер, что я нырнул в тихий проулок, дабы собраться с мыслями, как все-таки отыскать Холмса. Я прислонился к какой-то бочке и напряг память, вспоминая в мельчайших подробностях топографию Уайтчепела, но не прошло и двух минут, как ко мне приблизилась группа из пяти мужчин. Их зловещие силуэты вырисовывались слева от меня в желтом свете единственной лампы. Если бы даже я постоянно не предвкушал угрозу, я все равно инстинктивно ощутил бы опасность из-за их наглых поз и дубинок в руках.

В первый момент я еще надеялся, что хулиганам нет до меня дела и они просто пройдут мимо, но их вожак, грузный мужчина с короткими, щетинистыми волосами и тяжелой челюстью, кивком велел остальным ждать, подошел ко мне, постукивая дубинкой по мясистой ладони.

— Добрый вечер! — поздоровался я. — Какие-то проблемы? — И обратился к спутникам: — Как, парни? Что скажете? Коротышка ведь говорил, что у этого типа будут проблемы, верно?

Четверо остальных рассмеялись, хлопая по спине тощего человечка со злыми глазами и большим ртом.

— Точно! Видать, у него на душе неспокойно.

— Послушайте, сэр, — начал было я. — Мне...

— Секундочку, дядя. Уж больно времена сейчас нелегкие: опасность кругом. И тут вдруг нам на глаза попадается некий тип, похожий на врачешку. Он ходит взад и вперед, в общем, рыскает вокруг непонятно зачем.

— Послушайте, милейший...

— А теперь представьте себе, что я, Изикиел Хаммерсмит, человек прямой по своей натуре, зову дружков из паба, чтобы выяснить, кого этот тип поджидает в темном переулке, в десяти ярдах от меблированных комнат моей сестры.

Детина злобно ухмыльнулся и поднял глаза на грязный притон из красного кирпича.

— Нет-нет, дядя, — изрек он с притворной грустью. — Такие, как ты, должны иметь очень вескую причину, чтобы шляться в наших краях после наступления темноты. — Его сиплый голос перешел в шепот. — Клянусь Всевышним, ты не найдешь себе шлюхи, пока мы не разберемся с тобой!

Я потянулся за револьвером, чтобы предотвратить кулачную расправу пятерых над одним, но смуглый парень с оторванным левым ухом выскочил вперед и ударил меня по руке палкой. Он еще дважды занес свою дубину: один удар прошел рядом с рукой, другой был направлен в шею, но я сумел увернуться и он пришелся в плечо. Парень подошел настолько близко, что я сумел нанести свой излюбленный хук левой, который много лет обеспечивал мне полную свободу передвижения в стенах славящейся своими драками средней классической школы.

И тогда позади меня в проулке появился очень худой человек, что-то тихо насвистывающий себе под нос, с щеткой на длинной ручке. Все его лицо и темная одежда были покрыты слоем сажи. Я сразу понял, что это трубочист, возвращающийся домой после рабочего дня. Каким-то краешком своего сознания я с удивлением отметил, что мелодия, которую он насвистывает, — из оперы «Парсифаль» Вагнера, но размышлять об этом было некогда: трубочист резко остановился при виде шайки громил, скопившихся в узком проходе.

— Что тут происходит? — спросил он.

— Иди своей дорогой, если не хочешь тоже огрести по первое число, — ответил Хаммерсмит, отходя в сторону, чтобы дать пройти трубочисту. — Этот джентльмен охотится на шлюх, а мы помогаем ему забыть о них.

Судьба, как мне не раз приходилось убедиться, весьма изменчива. В следующий миг пятеро вооруженных палками скотов набросились на двух мирных людей, вовсе не желающих вступать в драку. Еще через мгновение двое из пятерых лежали на земле, воя от боли, после того как получили по ребрам орудием трубочиста. Хаммерсмит, с трудом избежавший удара, рыча от ярости, бросил дубинку на землю и извлек из кармана весьма зловещего вида нож с короткой ручкой, после чего бросился на моего нового союзника.

Я сумел наконец вытащить револьвер, но он не понадобился. Трубочист нанес громиле сокрушительный прямой удар в солнечное сплетение, прошипев:

— Быстро бежим отсюда!

После чего Шерлок Холмс — а это был он — схватил меня за руку, и мы припустили со всех ног вон из этого проулка, пересекли извозчий двор, преодолели низкую ограду и растворились во мраке продуваемой ветром холодной осенней ночи.

Мы бежали минут десять, но, как мне показалось, не слишком удалились от места стычки. Холмс прибег к паре нехитрых уловок, чтобы запутать следы, и один раз остановился послушать, не бегут ли за нами. Он провел меня через целый лабиринт переходящих один в другой проулков, заваленных древесным мусором и ломаными ящиками, а потом, к моему удивлению, нырнул в низкую дверь, увлекая меня за собой.

Быстро поднимаясь по темной лестнице и совсем забыв об осторожности, я чуть не упал, но Холмс втащил меня на лестничную площадку, не дав провалиться в дыру на прогнивших деревянных ступенях. Преодолев еще два марша, мы прошли по недлинному коридору. Мой друг распахнул настежь дверь, если это слово вообще применимо к этому щиту из грубо сколоченных досок.

— Позвольте торжественно представить вам ист-эндский филиал частного детективного агентства «Бейкер-стрит» — центр, куда сходятся все нити расследования по делу Потрошителя.

Шерлок Холмс снимал, насколько позволяли его доходы, примерно пять-семь тайных убежищ в разных частях Лондона. Удобства в некоторых из них ограничивались лишь тазом и сундуком с одеждой, но мой друг часто использовал эти норы, чтобы срочно укрыться от погони или переодеться. За долгие годы сотрудничества Холмс приводил меня в три таких убежища. Видимо, его природная скрытность не позволила мне увидеть остальные.

Этот угол, снимаемый в Уайтчепеле, представлял собой почти квадратную комнату без окон. Все стены были заклеены географическими картами и газетными вырезками. Дверь запиралась изнутри двумя прочными засовами, что Холмс тут же и продемонстрировал, а затем повернулся ко мне:

— Хотелось бы, конечно, познакомить вас с нашим филиалом при менее драматичных обстоятельствах, но, во всяком случае, вы имели возможность убедиться в его полезности. Мы сейчас находимся на Скарборо-стрит, к югу от Уайтчепел-роуд. Обратите внимание, что мы имеем под рукой полезную информацию, а также все для того, чтобы выполнить требования гигиены и благопристойности. На угловом столике бутылка отличного бренди. Угощайтесь тем, что привлечет ваше внимание.

«Угловой столик» оказался перевернутой вверх дном бочкой для воды, прислоненной к набитому соломой матрасу и кучке чистых, хотя и потертых, серых шерстяных одеял. В комнате не было никаких ковриков, отсутствовала мебель, если не считать выглядевшую весьма опасной в пожарном отношении плиту рядом с камином, обшарпанный письменный стол и два стула, один из которых в прошлой жизни был упаковочной клетью оранжевого цвета.

— Холмс, чем вы все-таки занимались в этой каморке?

Я недолго думая подошел к бутылке на импровизированном приставном столике, дивясь эксцентричности своего друга. Он снял пальто и уселся на оранжевый ящик, энергично вытирая перепачканное сажей лицо куском влажной ткани.

— Познакомился со многими военнослужащими армии Ее величества, попавшими под влияние *Paraver somniferum*.^[30] Надеюсь обнаружить завтра жилище Блэкстоуна.

Хотя теперь мой друг выглядел веселым, я видел, что он ужасно устал.

— Это чудесно, Холмс! — воскликнул я. — Кстати, я, по-видимому, неправильно понял ваши инструкции, но как вам удалось разыскать меня?

Весьма не характерное для Холмса выражение замешательства на лице еще больше усилилось.

— Нечем было заняться вечером, и я обходил окрестные улицы. Лыщу себя надеждой, что я лучше вашего знаю эти проулки. Мой дорогой Уотсон, поверьте: никого на свете я так не рад видеть, как вас, но скажите, зачем вы со столь мрачным видом бродили по Уайтчепелу с медицинским саквояжем?

— Вы ведь сами вызвали меня туда своей запиской.

Пробежав глазами короткое послание, Холмс недоуменно посмотрел на меня:

— Я сегодня никому не отправлял писем.

— Значит, записка не от вас?

— Нет. Когда вы ее получили?

— В половине шестого.

— Она была отправлена почтой?

— Нет, ее принесли.

— Вы спрашивали Билли, что за человек передал ее?

— Увидев вашу подпись, я счел это несущественным.

— Таким образом, вы не знаете, откуда взялась эта записка?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Теряюсь в догадках, какую цель вы преследовали, выполняя эти

инструкции, но ясно одно: это послание написано врагом! — воскликнул Холмс.

— Какую цель я преследовал? — возмутился я. — Вы просили меня о помощи!

— Нет-нет, Уотсон, все этот обман. Буквы «t», «u» и «m», несомненно, написаны в моей манере, большая «A» изображена очень точно, но как вы могли поверить записке с такой безобразно неряшливой буквой «q»?

— Боюсь, анализ почерков не входил в мою врачебную подготовку, — раздраженно ответил я. — Нельзя исключить, что записка составлена под чьим-то давлением.

— Тысячи мелких деталей свидетельствуют, что это подделка. Например, мы знаем друг друга уже больше семи лет, тем не менее я почему-то счел нужным включить в короткую записку ваш титул, имя и фамилию.

— В этом нет ничего удивительного: ведь человек, передавший это послание, не знал меня.

— Но почтовая бумага явно не моя!

— Это легко объяснить тем, что вы писали не из дома, — пылко возразил я. — Однако, если вы настаиваете, в будущем всякий раз, получив от вас срочный вызов, я стану относиться к нему с подозрением.

Детектив заставил себя немного успокоиться.

— Единственное, что меня волнует, — ваша безопасность. Очень сожалею о произошедшем инциденте, но эта записка... она представляет огромный интерес. Ее автор потрудился на славу над моей подписью, но все остальное сделано небрежно. Видно, что это фальшивка. Однако человек, сочинявший это послание, несомненно, располагал подлинным образцом моего почерка.

— Откуда же он его получил?

— У нас есть основания сделать вывод: документ, попавший в руки злоумышленника, не помог ему в написании всех букв. Думаю, это короткая записка, и, к примеру, буква «q» в нем отсутствует.

— Этот негодяй получил доступ к вашей переписке?

— Не могу взять в толк, каким образом.

— Ваш банк?

— «Капитал и графства» известен своей надежностью.

— Ну, тогда вы, возможно, набросали записку адвокату или ответ клиенту. Иначе непонятно, откуда у злоумышленника образец вашей подписи.

— Не стану утверждать, что вы ошибаетесь, — задумчиво промолвил

мой друг. — Скажу лишь, что фактор вероятности играет против подлеца, волей случая завладевшего образцом моего почерка. По-видимому, он украл письмо у человека, который состоит в переписке со мной. Область поиска сразу заметно сужается: вы, мой брат, несколько инспекторов Скотланд-Ярда и те учреждения, на которые вы со свойственной вам проницательностью указывали, а именно: банк и адвокатская контора.

— Но подождите минутку, Холмс, у меня ведь и без того была причина встретиться с вами сегодня вечером.

Мой друг заинтересованно кивнул, и я поспешил рассказать ему, что удалось сделать в его отсутствие. До сих пор с удовольствием вспоминаю изумление Холмса, когда я закончил свою историю.

— Вам удалось полностью замести следы?

— Обнаруженное в кабинете Тавистока, по-видимому, сочли невинной шуткой, которую сыграли с журналистом определенного сорта.

Глаза Шерлока проказливо сузились.

— Что еще за шутка?

— Выдумка мисс Монк. Мы абсолютно уверены, что проказа останется анонимной и не принесет большого вреда Тавистоку. По-настоящему важна лишь записка. Она пришла в этом конверте.

К моему величайшему удивлению, лицо детектива побелело еще больше.

— Холмс, в чем дело?

Он ринулся к стене, где неровными рядами были приколоты газетные заметки, и быстро нашел точно воспроизведенные копии двух писем, полученных, как мы считали, от Джека Потрошителя.

— Я знал, что в действиях этого мерзавца есть особый мотив, но он казался слишком невероятным, чтобы рассматривать его всерьез. В своих рассуждениях я был склонен считать подлеца то платным наемником, то политическим оппортунистом...

— Друг мой, о чем вы?

— Смотрите сами! — вскричал сыщик, держа письмо в одной руке, а конверт — в другой. — Он, конечно, пытался скрыть это, но нет сомнения, что почерк в обоих случаях тот же самый!

— Не хотите ли вы сказать, что человек, отслеживающий все наши шаги, натравивший на вас Тавистока, это и есть Джек Потрошитель собственной персоной?

— Немаркированная писчая бумага, идентичная пакету с почкой, — пробормотал мой друг. — Дата — через два дня после того, как я покинул Бейкер-стрит. Почтовый округ E 1 — Уайтчепел, Спиталфилдз и Майл-

Энд.

— И что все это значит?

В глазах моего друга появилось затравленное выражение, которого я никогда не видел прежде.

— А вот что: уайтчепелский убийца решил сделать меня виновным за свои преступления. И еще. Все мои действия — во всяком случае, до того, как я покинул Бейкер-стрит, — были ему известны; он читал их, как открытую книгу. Не очень приятно об этом думать, Уотсон, но я сильно опасуюсь, что злодей поставил себе целью уничтожить меня.

Я ошеломленно посмотрел на него:

— Искренне огорчен, что у меня нет для вас новостей получше.

— Мой дорогой друг, я бесконечно вам благодарен.

— И что же нам теперь делать?

— Пока ничего. Мне нужно подумать, — сказал Холмс, усевшись на матрас и подтянув колени к животу.

Я кивнул:

— В таком случае не буду вам мешать.

Холмс с подозрением взглянул на меня.

— Надеюсь, вы не собираетесь остаться?

— Как же я уйду? Я ведь помогаю вам в работе.

Мой друг вскочил с места.

— Об этом не может быть и речи! — закричал он. — И раньше это было чрезвычайно опасным делом, а теперь и вовсе превратилось в кошмар!

— Так оно и есть, — согласился я, закутываясь в шерстяное одеяло.

— Категорически запрещаю! Если меня здесь обнаружат, последствия этого для вас могут быть самые печальные.

— Тогда надо сделать все от нас зависящее, чтобы сохранить инкогнито.

Диктаторские замашки Холмса почти невозможно игнорировать, но никогда прежде я не был столь исполнен решимости стоять на своем.

— Уотсон, из всех людей, кого я знаю, вы менее всех годитесь на роль притворщика. Я в жизни не встречал человека, у которого душа была бы нараспашку в такой степени.

Я почувствовал, что краснею при этих словах, но тут же вспомнил: Холмс каждый день в одиночку сталкивается с угрозами, подобными той, что я встретил в темном проулке.

— Холмс, дайте мне слово джентльмена, что от меня не будет для вас никакой пользы здесь, в Уайтчепеле.

— Не в этом дело.

— Учитывая вашу репутацию человека с выдающимися умственными способностями, догадываюсь, что у вас уже есть своя версия событий.

Бросив на меня полный ехидства взгляд, Холмс смиренно улыбнулся.

— Ну что ж, если я не в состоянии вас разубедить, единственное, что остается, — поблагодарить.

— Это вам спасибо, что не выгнали.

Он прилег на свою убогую постель, закинув ноги на бочку для воды.

— Вам трудно будет привыкнуть к здешним неудобствам.

— Я прошел вторую афганскую войну и не боюсь никаких лишений.

Услышав это, мой друг снова сел, издав ликующий возглас.

— Вы, сами этого не зная, попали в точку. Афганская война... Хорошо сказано.

— Надеюсь, сумею быть вам полезным.

— Спокойной ночи, Уотсон, — сказал Холмс, уменьшая свет масляной лампы и набивая трубку крепким табаком. — Заранее извините, что не предложу вам побриться завтра утром. Вы будете выглядеть гораздо лучше небритым. И вот еще что, Уотсон... — начал он.

По тону его голоса я понял, что мой друг вновь обрел чувство юмора.

— Слушаю вас.

— Я не стал бы располагаться в ближайшем углу справа. Увы, он оставляет желать много лучшего в смысле прочности. Хороших вам снов.

Глава 25

Ночь костров

Пробудившись на следующее утро, я обнаружил, что Шерлок Холмс стоит рядом со мной, снимая с себя бушлат и красный шарф грубой вязки. Он швырнул в мой угол ворох поношенной одежды. Мой друг был сильно возбужден; по темным кругам под глазами я понял, что он не спал всю ночь.

— Который час?

— Около восьми.

— Вы куда-то ходили?

— Бродил по городу и взял на себя смелость сделать несколько покупок для вас.

— В самом деле? Вы ели?

— Выпил чашечку кофе. Надеюсь, Уотсон, вы не станете игнорировать необходимые меры предосторожности, к которым я прибегаю, выходя на прогулку в этом районе города. Буду вам очень признателен, если вы облачитесь в эту ветхую одежду и старое пальто. Уж не обессудьте, но мне пришлось порвать его в нескольких местах. Вы были одеты слишком нарядно, чтобы общаться с Джеком Эскоттом. Этот крепкий малый будет ждать вас внизу через десять минут. Мы пройдемся быстрым шагом до паба «Десять колоколов» и там немного выпьем.

В указанное время я встретился внизу с Холмсом в обличье моряка, которого мне следовало называть Джеком Эскоттом, и мы вышли на залитую серым утренним светом улицу.

Через двадцать минут мы уже были на углу Черч-стрит в таверне с незамысловатыми колоннами у входа и слегка покачивающейся на ветру черной вывеской, на которой белыми буквами было выведено название — «Десять колоколов». Единственный зал был уставлен хаотично расположенными столами, изрезанными ножом. Стены покрывала плитка, роспись которой почти исчезла под толстым слоем грязи.

— Вы, наверное, гадаете, зачем мы пришли сюда, — сказал Холмс, как бы отвечая на мой безмолвный вопрос. — Ничего не бойтесь, старайтесь держаться так же, как я, и все будет в порядке.

В пабе было гораздо болеелюдно, чем я ожидал в это время суток: завсегдатаи старательно осушали кружку за кружкой, прежде чем приступить к трудам или развлечениям предстоящего дня. Какие-то

уволенные в запас солдаты в грязной одежде, увидев Холмса, лениво замахали руками, подзывая нас к своему столику.

— Где ты подобрал этого парня, Эскотт? — спросил низкорослый мужчина средних лет с аккуратными бакенбардами, внимательным взглядом и красным лицом сильно пьющего человека.

— Это мой старый дружок Миддлтон. Он недавно вернулся в Лондон. Мерфи! Всем по кружке портера за наш счет!

— Как поживаете, Миддлтон? — спросил один из солдат, когда появилась выпивка.

Я пытался сформулировать ответ, но тут вмешался сыщик:

— Не обращай на него внимания, Кеттл. Он служил в Афганистане. Видел много такого, что нам и не снилось. Разговаривает только когда сильно навеселе, и даже тогда главным образом о газе.^[31]

— Через что он прошел? Кандагар?

Холмс рассмеялся и вытер рот тыльной стороной ладони.

— У него был куда менее приятный опыт. Майванд.^[32] Лучше оставьте его в покое.

Бывший гвардеец понимающе хмыкнул.

— Ну а ты что скажешь, Эскотт? Придешь в «Три кобры» вечером?

Глаза Холмса мечтательно сузились.

— Миддлтон — большой знаток таких развлечений. Мы тут с ним шлялись всю ночь и наткнулись на этого парня, Блэкстоуна, что служил в Египте несколько лет назад.

— Джонни Блэкстоун? Не встречал его уже больше недели. Твой дружок может молчать и дальше, это куда приятнее, чем идиотская болтовня Блэкстоуна.

— Наверное, был сильно навеселе. Вообще-то вреда от него никакого.

— Пожалуй, ты прав. Но когда я видел Джонни в последний раз, он был мрачнее тучи.

— Я собирался заглянуть в его берлогу на прошлой неделе, но, как видно, тогда сильно накурился и не сумел его найти. Кажется, он обитает где-то в Спиталфилдзе, а вот адрес я так и не вспомнил.

— Он живет на Сандиз-роу, в районе Уайдгейт-стрит. Редко выбирается из дома, но месяц назад я как-то заскочил к нему пропустить по стаканчику на ночь. С тех пор я его не видел. У него комнатка в задней части здания наверху, окна закрыты газетами. Немудрено, что к нему мало кто ходит.

— Наверное, ему так нравится. В конце концов, свою утреннюю

трубку я могу выкурить и в компании Миддлтона, если Блэкстоун настолько глубоко забился в свою нору, что его оттуда не вытащить. — Пожав плечами, мой друг допил пиво.

— Ты ведь не собираешься идти к нему сейчас? — спросил Кеттл. — Он, пожалуй, торчит в какой-нибудь дыре. Блэкстоун стал совсем чокнутый: уходит из дома в час-два ночи и шляется до утра. Если хочешь застать его дома, приходи вечером, до полуночи.

Мы попрощались со своими собутыльниками и не торопясь направились к выходу. Через дорогу от нас шла привычная суета рынка Спиталфилдз. Оттуда доносились запахи домашнего скота и недавно выкопанного из земли лука. Казалось, мы бесцельно идем по улице, но мой друг, словно натянутая струна, был заряжен скрытой энергией, готовой в любой момент вырваться наружу.

— Дело сделано, — тихо проговорил он, и в его вроде бы невыразительном голосе прозвучал азарт предстоящей погони. — Вчера я узнал номер дома у парня по имени Уикс за три порции джина.

— Вы все это время искали жилище Блэкстоуна?

— Да. Это не шутка — внедрить целую сеть осведомителей и, ловко маневрируя, создать впечатление, будто ты находишься на периферии их жизни гораздо дольше, чем они в состоянии вспомнить.

— Меня поразило, как они разговаривали с вами. Как будто вы знаете их долгие годы.

— В первые пять суток я проводил не менее восемнадцати часов в самых популярных притонах между Уайтчепелом и Лаймхаусом. Впитывал в себя все, как губка. Лыщу себя надеждой, что неплохо освоил эту территорию, выработав определенные модели поведения. Когда я почувствовал себя достаточно уверенно, а эти парни привыкли видеть меня, стал подбрасывать им имена: брата, поступившего на сверхсрочную службу, умершего друга, девушки, которую я не видел давным-давно. Устанавливал не вызывающие сомнений связи. Сочинил собственную историю. Где я был? Последние четыре года — в море. Очень скоро мне уже все доверяли, и я мог добывать нужные сведения, не опасаясь разоблачения.

Когда мистер Ли сообщил, что Блэкстоун бывает в «Трех кобрах», я отправился туда и разминутся с ним на какие-то несколько минут. Зато теперь у меня был повод задать несколько вопросов его приятелям. Медленно, словно склеивая по кусочкам разбитую абиссинскую вазу, я воссоздавал его образ. Блэкстоун недавно поселился в этом районе, до августа его вообще никто не знал. Он живет один, разгуливает в армейской

форме, хоть и уволен со службы. Блэкстоун полон противоречий: он избегает женщин, несмотря на то что имеет весьма привлекательную внешность, обаяние мужественного и несколько циничного парня. Пользуется авторитетом благодаря своим умным речам и щедрости, хотя вечно пребывает в мрачном настроении и склонен к насилию.

Единственное, чего я хотел, это выяснить, где он живет, однако этот скользкий тип не любит принимать гостей. Розыски Блэкстоуна потребовали от меня намного больших усилий, чем я рассчитывал, — тонкого сочетания дедуктивного мышления и осторожных разговоров. И вот теперь — вы сами это видели — появилось заключительное звено в цепочке: дело близится к концу. Признаю, когда вы появились, я опасался, что ваше присутствие разрушит весь мой маскарад. К счастью, я почти достиг своей цели, а помощь надежного друга неоценима.

— Никто, кроме вас, не сумел бы сделать так много, не вызывая ни малейших подозрений, — заявил я.

Холмс отмахнулся от моего комплимента, но его жест не был грубым.

— Ваш конверт представляет огромный интерес. На нем стоит почтовый штамп: двадцатое октября, суббота. Тависток вот уже больше двух недель обладает компрометирующей меня информацией и способен в любой момент опубликовать новую порцию изящно написанной клеветы. Возможно, здесь замешан сам Потрошитель: стоит отметить, что с тех пор как он развязал террор против несчастных обитателей Уайтчепела, он еще не брал столь длительной паузы в своей ужасной работе. Если он и дальше будет придерживаться той же периодичности, очередной удар будет нанесен не позднее восьмого ноября.

— Ах, если бы нам удалось поймать негодяя сегодня, жители Уайтчепела вздохнули бы с облегчением!

— Не только они, но и весь Лондон избавился бы от этого кошмара.

День мы провели в ветхой комнате, снятой Холмсом, ничем себя особо не утруждая. Мой друг разглагольствовал до самого заката о скрипках, ведущих свое происхождение из Италии шестнадцатого века. После миски тушеного мяса и стакана виски в близлежащем кабаке мы отправились в путь. Такого ясного ночного неба я давно не видел. Холмс сразу же взял курс на север. Когда мы миновали железнодорожное депо и перешли Олдгейт Хай-стрит, я понял, что нам уже случалось идти этим путем. Кучка уличных сорванцов пускали петарды со старой цистерны и, глядя на россыпь золотистых искр, падающих на крыши складов, я вспомнил, что сегодня пятое ноября — Ночь Гая Фокса.^[33]

— С трудом нахожу слова, чтобы выразить, насколько тяжело было выяснять адрес Блэкстоуна по бредовым пьяным репликам, когда твои собутыльники теряют последние остатки сознания, — заметил детектив, когда треск и шипение пороха растаяли в отдалении. — И все-таки мы узнали название улицы у Кеттла. Ему известно о привычках Блэкстоуна больше, чем кому бы то ни было.

— Как вы думаете, что нас ждет?

— Не знаю, но мы должны быть готовы ко всему. В любом случае сегодняшняя дата — пятое ноября — запомнится нам надолго.

Мы шли по скользкой от грязи улочке, усеянной кучами мусора причудливой конфигурации, предназначенного, как я понял, для продажи. Сломанные трубы, треснувшая кухонная посуда, дырявая обувь, ржавые ключи, погнутые вилки и ложки — все это покрывало булыжник мостовой. Запах поношенной одежды пропитывал воздух. Холмс легко находил дорогу в этом чистилище ненужных предметов, пока мы не вышли на более открытое пространство. Здесь находились склады, чьи трубы выбрасывали в ночь клубы черного дыма. Кругом горели костры, в которых местные обитатели сжигали грубо исполненные изображения Гая Фокса и пекли в углях насаженные на палочки картофелины, радостными криками встречая отдаленные взрывы.

Мой друг, остановившись на углу, без колебаний указал на шаткое, ветхое строение, прислонившееся к соседнему, дабы не завалиться. Дома здесь не имели номеров, но у меня не было ни малейших сомнений, что энциклопедические знания Холмса позволили нам выйти напрямиком к жилищу Блэкстоуна.

— Надеюсь, вы захватили с собой оружие?

— Мой револьвер в кармане.

— Замечательно.

Мы сошли с тротуара и приблизились к покосившейся серой двери. Холмс постучал, но ничего, кроме глухого, мгновенно замершего звука, в ответ не дождался.

— Похоже, на нижнем этаже никого нет, — прошептал детектив, включая потайной фонарь. — Посмотрим, есть ли какие-нибудь признаки жизни выше.

Подергав дверь, мы обнаружили, что она заперта на щеколду, но с помощью карманного ножа Холмс открыл ее за несколько секунд. В углу пискнула мышь и метнулась, освещенная лунным светом, в свое убежище под пол. Холмс прокрался к лестнице и стал подниматься, я — за ним. Мы оба мучительно напрягали слух, пытаясь понять, есть ли кто-нибудь на

втором этаже. На площадке обнаружили две слегка приоткрытые двери. Дальняя от нас находилась в тени, ближняя была словно исхлестана полосами серебристого света, струящегося из отверстия в крыше. Холмс бесшумно вошел в комнату рядом с нами.

Внутри мы обнаружили семейную обстановку: горшок на плите, ворох одежды на полу, маленькая корзинка в углу, нанизанное на нитку ожерелье из ярких стекляшек, висевшее на стене. На всем лежал тонкий слой пыли.

— Пошли отсюда. Быстро, — велел я Холмсу, схватив его за рукав, и мы мигом выскочили на лестничную площадку.

Недоуменный взгляд Шерлока быстро обрел осмысленное выражение: он понял, что означала увиденная нами только что жуткая картина. Я же, будучи врачом, сталкивался с подобным и раньше.

— Холера или оспа?

— Лучше этого не выяснять.

Мой друг кивнул и перевел взгляд на другую дверь. Легким толчком он открыл ее и просунул голову внутрь.

— Здесь никто не живет, по крайней мере, зимой. Похоже, внешняя стена прогорела насквозь несколько лет назад. Тот, кого мы ищем, обитает еще выше, на третьем этаже.

Крепко сжимая рукоятку револьвера, я поднялся вслед за своим другом. Хотя здесь было еще больше грязи и беспорядка, мне не потребовалось обостренное чутье Холмса, чтобы понять: кто-то время от времени сюда приходит.

В конце коридора мы увидели единственную дверь. Мой друг решительно прошел вперед и распахнул ее.

Несмотря на скудный свет, еле пробивавшийся сквозь куски ткани, висящие на двух маленьких окнах, я сразу увидел, что здесь никого нет. Холмс включил потайной фонарь на полную яркость и передал мне. Держась чуть в стороне, чтобы случайно не растоптать какой-нибудь важный для детектива предмет, я сунул револьвер обратно в карман и осмотрел часть комнаты, прилегавшую к коридору. Густой слой пыли лежал повсюду, в воздухе стоял сладковатый запах, как от пережженного сахара. Казалось, даже стены пропитаны этим ароматом.

Холмс тут же принялся исследовать каждый дюйм комнаты с выражением величайшей серьезности, и я вскоре понял причину этого. Если не считать одеяла и сломанного стула, здесь не было ни одной вещи. Воздух был настолько затхлым, что я стал искать взглядом трубку или мешочек с опиумом, но ничего не обнаружил.

— Здесь творилась какая-то дьявольщина, — бесстрастно произнес

Холмс. — Входите, на полу нет ничего заслуживающего внимания.

— Похоже, наша птичка улетела, — заметил я.

— Но почему, черт возьми? Я действовал педантично. Готов поклясться: никто не имел ни малейшего понятия, что я его разыскиваю. — Холмс удрученно взмахнул рукой. — Одеядло и стул ни о чем не говорят. И все же... в этом есть нечто странное. Очевидно, Блэкстоун забрал все свои пожитки. Но почему оставил одеядло? Оно целое, не изъедено мышами... Все остальное унес с собой.

— Возможно, хотел облегчить ношу.

— Не исключено. Но что-то здесь мне сильно не нравится. Пора убираться из этого мрачного места.

Когда мы спускались по лестнице, лицо моего друга сохраняло нейтральное выражение, но вид у Холмса был крайне удрученный. Однако нам не удалось уйти из этого дома так быстро, как мы рассчитывали. Едва мы подошли к входной двери, как она распахнулась. На пороге стояла худая, тщедушная женщина с ввалившимися глазами и ярко-рыжими волосами. С ней было двое детей, цвет их лиц и тонкая кожа явно свидетельствовали о нездоровье.

Холмс, надо отдать ему должное, мгновенно преобразился в обаятельного моряка, над чьим образом он так долго трудился.

— О господи! — вскричала женщина, увидев двух незнакомцев в своем доме.

— Не волнуйтесь так, — сказал сыщик своим гипнотическим голосом. — Мы пришли повидать друга и не желаем вам никакого вреда. Дома его не застали, поэтому уходим.

— Что вы тут, черт побери, забыли посреди ночи?

— Мы поступили не слишком красиво. Примите наши извинения, мэ. Мое имя Эскотт, а это Миддлтон.

— Тимоти, Ребекка, идите в комнату, — сказала она с акцентом уроженки северной части Ирландии. — Возьмите сверток и съешьте свою долю. — Когда дети убежали наверх, она перевела взгляд на моего друга. — Так что вы здесь все-таки делали?

— Мы только хотели увидеть вашего постояльца.

— Наверное, он вам задолжал?

— Ничего подобного, мэ.

Она скрестила руки на груди:

— Вы действительно друзья? Или родственники?

Холмс улыбнулся:

— Обещаю, что мы не влезем больше без разрешения в ваш дом и не

причиним никакого вреда. Нам надо было перекинуться парой слов с приятелем, и больше ничего.

— Ну, теперь это вам уже не удастся.

— Нам тоже так показалось наверху, — признался сыщик. — Глаза его при лунном свете блестели, как острия ножей. — А почему же нет?

— Если вашего друга зовут Джонни Блэкстоун, то с ним уже никто не сможет поговорить — по крайней мере, по эту сторону могилы. Джонни Блэкстоун мертв.

Глава 26

Ложь

Нам с Холмсом очень повезло, что мы явились в качестве друзей Блэкстоуна: ошеломленное выражение, возникшее на наших лицах, не требовало дополнительного разъяснения.

Женщина сочувственно поглядела на нас.

— Меня зовут миссис Куинн. Мне нечего предложить вам поесть: с недавнего времени мы впали в нужду. Но если вы не против того, чтобы присесть на пару минут, я постараюсь все объяснить.

Так мы очутились в хорошо прибранной, но совершенно голой комнате, в которой обитали Куинны. Вдоль всех четырех стен были размещены скамьи со спинками. Местами они обгорели, словно их вынесли из огня. Статуя Девы Марии в сильно пострадавшей от огня мантии величественно возвышалась в углу.

— Вас удивляет моя мебель? — спросила женщина. — Несколько лет назад в одной из окрестных церквей случился пожар. Мистер Куинн тогда был еще жив. Эти скамьи свалили в кучу, чтобы сжечь, но мой Колин сказал, что Господь будет печалиться, если увидит нас сидящими на голом полу. Само провидение даровало нам эти скамьи. Они будут каждый день напоминать нам о милосердии божьем.

В последние пять лет без мистера Куинна дела пошли совсем плохо, и я решила впустить постояльцев. Бог меня простит, если я скажу, что после смерти мужа этот дом словно прокляли. Первая семья из шести человек, их звали Коннелли, жила наверху счастливо, пока не заболела старшая дочь. Кэти заразила оспой всю семью, и единственное, что я была в состоянии сделать, — обеспечивать их горячей водой и бельем, стараясь при этом оградить от заразы себя и детей. После того как четверо из них умерли, остальные двое бесследно исчезли. Мне хотелось бы сдать эту комнату снова: прошло уже много месяцев с тех пор, как она опустела, но мешает то, что нужно ее как следует вымыть. Я кое-что знаю об этой болезни, и мысль о том, что Тим и Ребекка могут заразиться, приводит меня в ужас.

Другая комната сильно пострадала от огня, когда со стола упала керосиновая лампа, но есть еще жилье на верхнем этаже. В августе прошлого года я сдала эту комнату вашему другу Джонни Блэкстоуну, после того как пропали все Коннелли. Думаю, ему она нравилась: здесь легко уединиться; впрочем, даже я видела Блэкстоуна не очень часто. Когда

мы встречались, со мной обычно были малыши, и он смеялся, завидев их. Оставлял для них подарки у лестницы — милые вещицы вроде самодельных лодочек или бумажных кукол. Но Блэкстоун всегда спешил уйти от нас в какой-нибудь притон или бежал наверх, чтобы выкурить свою вонючую трубку. Когда он умер на прошлой неделе, я хватилась его только через три дня, да простит меня Бог за это.

— Как умер Джонни?

— Он повесился, мистер Эскотт, — ответила женщина, и ее круглые карие глаза наполнились слезами.

Мы с Холмсом смотрели на нее с неподдельным ужасом, но она быстро сумела взять себя в руки.

— Прихожане забрали его тело и совершили обряд погребения, как это делается, когда хоронят нищих. Я думала, что появится кто-то, знавший его, но никого не было. У него остались долги по квартирной плате и за стирку, а тут как раз пришла зима. Сегодня, доставив по адресам чистое белье, я пошла в ломбард и заложила почти все его вещи. Только одеяло оставила, нам нужно еще одно.

— Миссис Куинн, простите, что заставляю вас вспоминать это, но все же скажите: не замечали ли вы какие-нибудь признаки того, что Блэкстоун, молодой мужчина, подумывает наложить на себя руки? Не было ли чего-нибудь подозрительного среди вещей, которые вы сдали в залог?

— Ничего, кроме письма. Кажется, оно адресовано сестре. Я бы послала его раньше, но только теперь, сдав в ломбард его вещи, получила деньги на почтовые расходы.

Она принесла письмо и положила на стол. Холмс едва взглянул на него — он смотрел на миссис Куинн, демонстрируя всем своим видом глубокую скорбь.

— Простите, смерть Блэкстоуна — страшный удар для нас. Я, конечно, знал, что Джонни приходится нелегко, но чтобы ему пришло в голову покончить с собой... Впрочем, миссис Куинн, моему другу уже ничем не поможешь, но я, по крайней мере, в состоянии уладить его дела. Сколько он остался вам должен, после того как вы получили деньги за его вещи?

— Три шиллинга и шесть пенсов, мистер Эскотт.

— Вот вам корона за его квартирную плату и ваши хлопоты. Что касается его вещей, то вы избавили нас от необходимости заниматься ими. — После того как мы встали и попрощались с миссис Куинн, взгляд сыщика наконец остановился на письме. — Не разрешите ли мне самому отправить его? Естественно, право распоряжаться вещами остается за вами.

— Буду рада, если вы это сделаете. Большое спасибо, джентльмены, за

вашу доброту. Уверена, что и мистер Блэкстоун все видит с небес и благодарен вам.

Мы наконец покинули разваливающееся жилище миссис Куинн. Пахло порохом и сгоревшей древесиной. Мой друг сунул письмо во внутренний карман, и мы молча пошли назад в сторону Скарборо-стрит, где поднялись по шатким ступенькам в комнату Холмса.

Уже по первому взгляду детектива на адрес я понял: что-то сильно его встревожило, однако он, сохраняя нарочитое спокойствие, неторопливо изучил конверт и лишь потом вскрыл его. Взглянув на почерк, он тут же передал письмо мне и уселся на оранжевый ящик, прижав кончики пальцев к полузакрытым глазам.

— Прочитайте.

Послание, написанное крупным неровным почерком на четырех листах с одной стороны, содержало следующее:

Моя дорогая Лили!

Наверное, ты очень сердита за то, что я прятался от тебя все это время. Если бы я раскрыл причину своего молчания, ты, боюсь, вообще не захотела бы больше видеть своего брата. Как я скучаю по тебе, Питеру и малышам! Пожалуйста, ни в коем случае не говори детям об этом письме. Скажи лучше, что я снова отправился на войну. Как-нибудь объясни мое отсутствие. Даже после всего совершенного мною зла я не вынесу, если они станут бояться своего дяди. Мысль о том, что они запомнят меня таким, каким я хотел быть всегда, — ты ведь не скажешь им, Лили! — несет мне утешение. Возможно, это единственное, что у меня осталось.

Помнишь, в детстве я иногда бывал слегка не в себе. Однажды даже сильно ударил тебя, мою дорогую сестричку. Тебе было тогда шесть лет. Не забыла это? Губа кровоточила, и ты пряталась от меня, а после того как отец задал мне добрую трепку, я всякий свободный час проводил на скотном дворе: делал куклы из соломы, чтобы ты простила меня. Клялся, что никогда в жизни не впаду больше в такую ярость.

В Египте я знал одного парня, мы дружили. С ним-то кончилось благополучно, но после того случая все

изменилось. И был еще один малый, который пытался обжулить меня в карты после нашего возвращения в Плимут. Я думал, опиум поможет унять мой нрав, но вскоре понял: не тут-то было! Ввязался в историю, о которой не хотел тебе рассказывать, — уж лучше бы мне отрезали руку! Но если ты когда-нибудь простишь меня и помянешь добрым словом, когда меня уже не будет, ты должна знать всю правду — я не в силах больше выносить этот обман! Как-то я шел с одной девушкой по проулку. Мы были вместе минут десять, не больше. Она злобно пошутила надо мной — женщина не вправе говорить мужчине такие вещи. Я был пьян и помню только, что черная ярость словно прожгла дыру мне в груди. Дьяволу было угодно, чтобы в моей руке оказался штык. Это произошло за считанные мгновения. Когда все было кончено, ее лицо казалось печальным. Я услышал звук приближающихся шагов и побежал со всех ног, пока не свалился в канаву, где и пролежал до утра. С тех пор я и телом, и душой пребываю в грязной канаве.

Я не заслуживаю радости увидеть тебя снова, да и ни одна девушка больше не станет доверять мне. Возможно, с тех пор как это случилось, я уже провел достаточно времени в аду, и Господь меня простит, а может быть, больше вообще ничего не будет — только тишина. Наверное, этого я и хочу больше всего.

Джонни

Некоторое время мы молчали. Я не знал, о чем думает Холмс, но мои чувства были в полном смятении. Мы прочли ужасное признание; этот человек извещал кошмар душевных мук и угрызений совести. Но мы знали об этом убийстве много такого, о чем в письме не было ни слова. Мог ли Блэкстоун впасть в такое чудовищное исступление, что даже не помнил немислимого числа колотых ран, нанесенных Марте Тэйбрам? Конечно, мнение сестры имело для него огромную важность. Но Блэкстоуну трудно верить: он сознался в убийстве, но не рассказал начистоту, как совершил его.

А где упоминание о прочих убийствах, если его больной рассудок

вообще позволял держать их в памяти? Мой друг не упускал случая намекнуть, что, по его мнению, Блэкстоун и есть Джек Потрошитель. Настойчивое желание Холмса считать дело Тэйбрам первым звеном в череде убийств, его внимание к военной форме, терпимое отношение к маскараду, устроенному Данлеви, те недели, что он провел в Ист-Энде, — все это указывало на убежденность детектива в вине Блэкстоуна. Но если преступник именно он, закончатся ли на этом наши неприятности? Если все пять ужасных убийств на совести этого человека, его признание, которое я теперь уже равнодушно держал в руке, не более чем чудовищная ложь или же бред страдающего галлюцинациями маньяка, который даже не помнит большей части своих преступлений. Все это я отчетливо понимал, но оставалась еще одна версия, казавшаяся совсем уж неправдоподобной. А что, если Шерлок Холмс ошибается?

Я взглянул на своего друга. Пока я читал письмо, его поза не изменилась. Холмс умел оставаться расслабленным и совершенно неподвижным долгие часы. Со стороны казалось, что он спит, в то время как его разум преобразовывал разрозненные сведения в непреложные факты. Наконец детектив нарушил молчание.

— Вы ведь понимаете, что это значит? — спросил он своим обычным язвительным тоном беспристрастного мыслителя.

— Не в состоянии разобраться. Письмо все окончательно запутывает.

— Напротив, оно упрощает дело в тысячу раз.

— Но, мой дорогой Холмс, как же это возможно?

— Теперь мы знаем, — негромко сказал он, — что кто-то врёт.

Я не нашел, что сказать. Холмс опять погрузился в раздумья, щелкая пальцами. И вдруг на его лице отразилось крайнее удивление.

— Смертельный удар штыком и еще тридцать восемь ран обычным карманным ножом... Господи боже, все ясно как день! Где сейчас мисс Монк?

— Понятия не имею. Данлеви проводил ее вчера до дома. Он сильно увлечен ею.

— Есть ли вероятность, что она и сейчас с ним?

— Трудно сказать. Конечно же, ее прежняя неприязнь значительно уменьшилась. Но, Холмс...

Мой друг, уже в пальто, не сказав мне ни слова, бежал к двери. Вихрем взметнулся его красный шарф. Предчувствие беды острой щепкой вонзилось мне в мозг. Я поспешил за ним.

Мы быстрым шагом шли по улице, пестрящей оранжевыми пятнами многочисленных костров. Я еще не знал, куда мы держим путь: в жилище

Стивена Данлеви или мебелированные комнаты, где обитала Мэри Энн. Холмс смотрел перед собой отсутствующим взглядом, я же пытался выбросить из головы навязчивую картину: мисс Монк, лежащая в проулке с широко открытыми глазами, уже закоченевшая. Через несколько минут мы прошли мимо знакомого нам полицейского участка на Леман-стрит. Холодные голубоватые лучи лились на улицу сквозь оконные стекла цвета морской волны. За исключением участка на Боу-стрит, расположенного, по мнению Ее величества, слишком близко к опере, чтобы так явно напоминать о себе, все аванпосты лондонской полиции мерцали светом кобальтовых ламп, словно предлагая путнику надежную гавань.

— В Ист-Энде так много полицейских, что просто непонятно, как этому безумцу удалось отнять столько человеческих жизней.

Я едва слышно пробормотал это себе под нос, но тут Холмс вдруг остановился как вкопанный.

— Что вы имеете в виду, Уотсон?

— Подобных мер безопасности в Уайтчепеле никогда не было. Все здоровые мужчины привлечены к охране района: они патрулируют практически непрерывно, хотя я не знаю, конечно, как организованы обходы.

— Протяженность — от мили до полутора, длительность — пятнадцать минут при отсутствии каких-либо инцидентов. Районы патрулирования не накладываются друг на друга, хотя дозорные иногда встречаются на границах участков. Останавливаться по каким-либо причинам запрещено, если, конечно, ничто не вызывает подозрения. Правда, разрешается сделать пару глотков теплого чая из фляжки в хорошо освещенном месте.

Холмс медленно расхаживал взад и вперед вдоль здания полицейского участка, слегка постукивая одной рукой по кирпичной стене.

— Вдумайтесь, Уотсон: безумец убил пять никак не связанных друг с другом женщин в одном сравнительно небольшом районе Лондона. Вместо того чтобы побыстрее убраться, он преспокойно остается рядом с трупом, чтобы выпотрошить его. Закончив работу, злодей исчезает бесследно, как призрак... Нет-нет! Какой я глупец! Сам ведь говорил, что это невозможно. Почему я сразу этого не понял? Узкие проулки, дыры в заборах, потроха для кормления кошек, мясные лавки с брызгами крови, плохое освещение — все это позволяет убийце оставаться безнаказанным. Но дело не только в окружающей обстановке. Пару раз удача, возможно, была на его стороне, но вряд ли она так долго сопутствует злодею. Он коварен и жесток. Почему же он всякий раз доверяется воле случая?

Детектив снова прибавил шагу, а потом мы перешли на бег. Заколоченные досками окна магазинов по сторонам слились в одно сплошное пятно. Промчавшись по узкому переулку, мы очутились на Уайтчепел-роуд, переливающейся огнями по случаю пятого ноября.

Уклоняясь от уличных торговцев, размахивающих грубо намалеванными изображениями Гая Фокса и Джека Потрошителя, мы бежали вдоль медленного потока экипажей и повозок, заполнивших улицу. Когда я понял, что уже не выдерживаю эту гонку, Холмс резко повернул налево, и мы оказались перед дверью дома, где снимала комнату наша помощница. Лицо моего друга выражало сильное беспокойство.

— Остаются две возможности. Одна очень вероятна, вторая весьма неубедительна. Теперь, мой дорогой Уотсон, даже вам понятно, в чем я заблуждался.

Он дважды постучал, никто не ответил. Дверь была не заперта, и мы вошли. Огонь в камине почти угас, в чисто прибранной комнате никого не было.

— Она может быть где угодно, Холмс, — сказал я скорее себе, чем другу. — В конце концов...

— Пятое ноября. — Он тронул стоящую на столике толстую свечу. — Воск еще мягкий. Мисс Монк ушла примерно полчаса назад.

— А сколько сейчас времени?

— Около двух, если мои часы не врут.

— Вы думаете, она в опасности?

— Гораздо в большей, чем мы с вами, если моя догадка верна. Однако у меня нет веских оснований так думать, лишь чисто логические рассуждения, а они внушают тревожные мысли.

Я попытался вспомнить название таверны, в которую девушка забегала во время своих разведывательных вылазок.

— Здесь есть паб за углом.

— «Найтс стандарт» на Олд Монтегю-стрит. Прекрасная идея, доктор.

Упомянутая таверна оказалась довольно оживленным питейным заведением с двумя каминами по обеим сторонам длинной комнаты с чрезвычайно низким потолком. Сквозь табачный дым я разглядел парочку, сидящую в потертых креслах за невзрачным столом. Изящную головку женщины окружал ореол темных кудряшек.

— Вот она! С ней все в порядке! — воскликнул я.

— Похоже, что так, хвала Всевышнему.

— Кажется, это Данлеви, — сказал я, помня об интересе Холмса к отношениям журналиста с мисс Монк и злясь на себя за неспособность

догадаться, что на уме у моего друга.

— Тогда все так, как я и предполагал, — сказал Шерлок.

Я не услышал ожидаемой мною радости в его бесстрастном голосе. Расспрашивать Холмса времени не было: Мэри Энн нас явно увидела и теперь посматривала в нашу сторону, не зная, то ли поздороваться, то ли сделать вид, что она нас не заметила.

— Поговорим с ними?

— Теперь это уже неважно, — ответил Холмс в прежней пугающе безразличной манере.

Когда мы направились к парочке, наша компаньонка была уже не в силах сдерживать радость. Она бросилась навстречу и заключила Холмса в объятия.

— О, мистер Холмс! Я так волновалась! Где вы скрывались, черт вас возьми? Выглядите очень бледным. Только не говорите, что произошло еще одно убийство.

Мой друг отступил назад с удивившей меня галантностью и кашлянул.

— Ничего подобного, мисс Монк.

Я заметил, что он уже не пытается изобразить простонародный говор.

— Для нас большое облегчение видеть, что вы здоровы, мистер Холмс. Вы ведь разыскали Блэкстоуна? — спросил Данлеви. Его ясные синие глаза с тревогой смотрели на нас. — Что с ним стряслось?

Мой друг разглядывал огонь в камине, пока я, запинаясь, вкратце рассказывал о случившемся. Мэри Энн с надеждой поглядела на нас с Холмсом.

— Тогда... Если он действительно мертв, всем этим ужасам конец?

— Полагаю, что да, — ответил я, не дождавшись, что скажет мой друг. — Видимо, Блэкстоун просто не ведал, что творит. Его вину невозможно выразить словами, настолько она безмерна. Осознание этого лишило его разума.

— Но мистер Холмс, наверное, думает иначе? — спросил Стивен, предлагая нам по сигарете.

Детектив, вытащив из подкладки бушлата записную книжку и огрызок карандаша, попросил журналиста:

— Напишите что-нибудь.

Стивен Данлеви не стал возражать, но вопросительно взглянул на Холмса:

— Что именно?

— Все что угодно. «Помните пятое ноября, Пороховой заговор и измену».

Закончив писать, молодой человек вырвал листок и передал Холмсу.

— Зачем вам это нужно?

Взглянув на страничку, сыщик скатал ее в шарик и бросил в огонь:

— Я получил неопровержимое доказательство. Простите, но мне нужно обдумать, что делать дальше.

— Но, мистер Холмс...

— У меня будет просьба к вам и мисс Монк, если это вас не затруднит. Отправляйтесь прямо сейчас в Майл-Энд к Джорджу Ласку. Скажите, чтобы он собрал своих людей. Они уже объединены в патрульные группы, снабжены полицейскими свистками и дубинками. Передайте мою настоятельную просьбу, чтобы они были начеку. Мисс Монк, а вас я прошу после этого оставаться дома.

Мы вышли из паба, и Холмс направился в сторону Уайтчепел-роуд. Я тронул друга за плечо, ожидая его недовольства, но Шерлок сразу же замедлил шаг и вопросительно взглянул на меня.

— Вы ожидаете очередного убийства.

— Я рассчитываю его предотвратить. Но это потребует огромных усилий. Необходима помощь Лестрейда, но... Мне нужно найти выход. Надеюсь, мой брат сумеет... Не знаю, насколько это возможно.

Я удивленно взглянул на Холмса. Никогда прежде не видел, чтобы его так страшило собственное знание.

— Вы боялись, что это Данлеви.

— Такая возможность существовала, но теперь она исключена. Осталась другая.

— Неужели вы знаете, кто убийца?

— Да. Теперь это ясно как день. И все-таки я очень надеюсь, что заблуждаюсь.

— Но почему?

Холмс провел рукой по глазам, и я вспомнил, что за последнюю неделю он спал каких-нибудь двадцать часов. Впервые за годы нашего знакомства Шерлок был измучен своей работой, а не бездействием.

— Потому что, если я прав, — тихо сказал он, — у меня нет ни малейшего понятия, что делать.

Глава 27

Убийца

Меня всегда поражала безрассудная смелость Шерлока Холмса перед лицом опасности. За все долгие годы нашего знакомства не помню случая, чтобы его покинуло мужество. И действия Холмса той ночью, а в особенности ранним утром следующего дня в полной мере продемонстрировали его бесстрашие и силу духа. Лишь человек недюжинной отваги способен разбудить Майкрофта Холмса в четыре часа утра.

Мы заскочили на Бейкер-стрит, чтобы принять душ и сменить одежду, но едва мой друг вышел из спальни, как уже собрался вновь покинуть дом.

— Надеюсь, вы не обидитесь, Уотсон, если я выскажу предположение, что чем меньше народу ворвется в квартиру моего дражайшего братца в это время суток, тем больше будет пользы для королевы и страны. Во всяком случае, он лучше меня знает, что делать.

— Чем мне заниматься в ваше отсутствие?

— Читайте всю мою корреспонденцию тотчас, как она будет доставлена. Я зайду на почту, когда она откроется и туда можно будет переадресовать мои письма. И обязательно поспите. Вы нуждаетесь в отдыхе, если я еще окончательно не сошел с ума.

Сама мысль о сне в первый момент показалась мне нелепой, но, приняв горячую ванну, я понял, что, если не отдохну немного, буду этой ночью абсолютно бесполезен. Проснувшись около девяти часов утра, я позвонил, чтобы принесли завтрак. Я, конечно, не думал, что миссис Хадсон появится в дверях со столь несвойственным этой доброй женщине суровым видом. Наша домовладелица уведомила меня, что таинственное исчезновение двух постояльцев в такое тревожное время чрезвычайно ее рассердило. Я тут же предложил ей уладить дело миром.

Зная упорное нежелание Холмса раскрывать карты до самого конца, я несколько не удивился, что он держит меня в неведении. Холмс не любил объяснять что-либо, пока не найдены ответы на все вопросы и не распутаны все нити. Мною овладело чувство отрешенности, как когда-то в бою, словно мы на войне, а Холмс — генерал, ведущий войска в наступление. Если я и не могу предложить стратегию теперь, когда вернулся мой друг, я, во всяком случае, способен выполнять приказы.

Первая телеграмма для Холмса пришла в половине второго дня. В ней

значилось: «Полицейские патрулируют Уайтчепел и Спиталфилдз вплоть до Уэнтворт-стрит на севере и Спитал-сквер на юге. Карта будет прислана по почте. Эбберлайн».^[34] Вторая была от Вандервента: он требовал срочного интервью, хотя бы только со мной, если Холмс до сих пор не нашелся.

Это замечание Вандервента оказалось излишним: мой друг появился в начале четвертого в чрезвычайно скверном расположении духа.

— Такое ощущение, что единственное назначение правительства — изобретать хитроумные препятствия любым решительным действиям, — проворчал Холмс, раздраженно швыряя шляпу на канапе.

— Ваш брат, как видно, ввел вас в высшие сферы.

— Впечатление малоприятное. Неудивительно, что они так от него зависят. Он сразу же указал им верные решения, но, чтобы убедить их в своей правоте, потребовалось добрых три часа. Однако, мистер Мэттьюз, похоже, в курсе проблемы.

— Министр внутренних дел? — воскликнул я. — Неужели все настолько серьезно?

— Боюсь, что да. Была ли какая-нибудь корреспонденция?

Детектив с мрачным видом прочитал телеграммы, сделав из одной какие-то выписки. Я заметил на ней адрес Джорджа Ласка.

— Холмс, вам необходимо что-нибудь съесть.

— Вы правы, конечно. Но надо срочно найти кэб, если вы не хотите испытать на себе гнев Вандервента. Я знаю, что это такое.

— Неужели вы думаете, что принесете кому-нибудь пользу, если свалитесь с ног от усталости и попадете в больницу?

Он не обратил внимания на мои слова.

— Пойдемте, Уотсон. Учитывая обнаруженные вами записи, есть все основания полагать, что новости Вандервента — отнюдь не пустяк.

Здание Центрального агентства новостей находилось на Нью Бридж-стрит в Сити. Я никогда там не бывал, однако легко представлял, что там творится внутри, помня тот безграничный хаос, который наблюдал в редакции «Лондон Кроникл». Газетчики в мятых твидовых сюртуках, расстегнув воротники рубашек, носились взад и вперед по большой комнате, куря бесконечные сигареты. Но даже среди этой сумятицы нашлись люди, которые нас заметили и приостановили беседу на полуслове.

— Я хочу сказать, мистер Холмс... — начал было один, но его реплику прервало появление дервиша, опирающегося на костыль, как на посох.

— Если вы решили, что мистер Шерлок Холмс здесь для того, чтобы

отвечать на ваши вопросы, мне придется использовать против вас пишущую машинку как смертельное оружие, — заявил мистер Вандервент.

Негодующе вскинув белоснежную голову, он провел нас в отдельный кабинет и закрыл локтем дверь.

— Благодарение Господу, вы вернулись, Холмс, — сказал он, сбрасывая с кресел горы свежих вырезок. — Я намеревался встретиться с доктором Уотсоном, но еще лучше, что вы здесь оба. Садитесь, джентльмены.

— Мистер Вандервент, боюсь, у нас мало времени. Недавние события...

— Хочу сообщить вам о том, что еще не случилось, но, несмотря на все мои попытки воспрепятствовать этому, включая обращение к влиятельным лицам, мольбы, угрозы и личное обаяние, непременно произойдет завтра рано утром.

Мистер Вандервент нашел черновик какой-то статьи и, ловко запрыгнув на край стола, прочел ее нам:

События приняли весьма печальный оборот, когда стало ясно, что сразу же после выдвинутых против него полицией обвинений сбившийся с праведного пути частный детектив мистер Шерлок Холмс покинул свое жилище на Бейкер-стрит. Незадолго до того, как он исчез, его не раз видели в Ист-Энде, где он будто бы разыскивал Джека Потрошителя и проводил расследование. Эксперты отмечают, что после того как мистер Холмс получил серьезные ранения в ночь ужасного двойного убийства, новые преступления не случались, хотя это едва ли следует рассматривать в качестве убедительной улики против имеющей такой большой общественной вес личности, как мистер Холмс. Тем не менее Скотланд-Ярд обязан как можно быстрее установить местонахождение этого эксцентричного сыщика, поскольку время его исчезновения, по мнению многих, дает почву для самых мрачных подозрений.

Холмс понимающе присвистнул. У меня возникло безумное желание использовать эту бумагу в качестве растопки, чтобы сжечь жилище автора.

— Как видите, меня регулярно извещают о новых замыслах этого

ценка, — продолжал Вандервент. — Этот перл журналистики, несомненно, уже отправлен в типографию. Решил вас предупредить, пусть и с опозданием.

— В таком случае мне надо позаботиться о том, чтобы не оказаться на скамье подсудимых.

— Но до чего же наглый мерзавец! — возмутился я. — Нетрудно было вообразить что-нибудь подобное, но это превосходит все ожидания.

Брови Вандервента взлетели вверх.

— Вы предвидели очередное нападение этого прохвоста?

— Доктор Уотсон и я полагали, что вряд ли Тависток прекратит гнуть свою линию, отыскав столь благодатную почву для самовыражения, — объяснил Холмс.

— Ха-ха, — скептически хмыкнул Вандервент. — У меня нет сомнений, что злоба, источаемая этим красавчиком, объясняется главным образом шуткой, которую с ним сыграли субботним вечером.

— Вот как! И что же это за шутка? — безмятежно спросил Холмс.

— Думаю, вы и сами слышали. Будь моя воля, я бы дал этим парням рыцарское звание. Под покровом темноты они проникли в кабинет Тавистока и устроили там настоящую метель из белоснежных куриных перьев. Ее вызвал тощий цыпленок, которого обнаружили сидящим на столе Тавистока прямо на его отвратительных сочинениях.

Холмс расхохотался и так хлопнул меня по плечу, что некоторое время мне пришлось изучать состояние моей обуви, согнувшись в три погибели.

— Значит, ему прислали белое перо?^[35] Надо будет поблагодарить автора этой идеи, если, конечно, его личность когда-нибудь будет раскрыта.

— Поскольку у всех полно забот, не стану больше отнимать у вас время, — сказал Вандервент. — Если понадобится помощь, чтобы выйти из здания, дайте мне знать. Этим шакалам за дверь доставит огромное удовольствие наброситься на Шерлока Холмса за пару часов до его заключения в тюрьму. Произнесите только слово «цыпленок», и аплодисменты вам обеспечены.

На следующий день статья Тавистока сразу же бросилась в глаза читателю с первой страницы «Лондон Кроникл». Как бы внешне флегматично ни воспринял накануне эту новость Холмс, увидев такое поношение в утренней прессе, он швырнул в камин всю газету.

— Вынужден оставить вас на время, Уотсон, но прошу быть дома вечером, — сказал он после кофе, тоста и утренней трубки. — Я планировал, что мы отправимся в Скотланд-Ярд и нанесем визит

Лестрейду сегодня вечером, но затем мне пришло в голову, что не стоит дразнить стражей порядка своим присутствием. Инспектор будет здесь в восемь, и мы решим, что делать дальше.

— Я очень рад. Тень, брошенная на вас, лежит непозволительно долго.

— Она, однако, состоит из плоти и крови. Клянусь, Уотсон, я вовсе не хочу держать вас в неведении, но мне необходимо убедиться в правильности своих выводов. Сегодня вечером я постараюсь прояснить ситуацию.

— Буду ждать вас здесь.

— В этом деле вы проявили верность и бесстрашие, мой дорогой доктор. Ваша помощь для меня бесценна.

Я всем своим видом выразил протест, не соглашаясь со столь высокой оценкой своей скромной персоны, но Холмс уже встал и надевал шляпу.

— Скажите миссис Хадсон, чтобы она приготовила ужин на пятерых человек. Если я не вернусь к восьми, значит, меня арестовали. В этом случае пусть накрывает на четверых.

Взглянув на часы во второй раз, чтобы убедиться — еще только четверть восьмого, я услышал за окном стук копыт. Подстрекаемый давно сдерживаемым любопытством, я распахнул дверь гостиной задолго до того, как прозвенел колокольчик у нашей двери, и улыбнулся при виде поднимавшихся по лестнице мисс Монк и Стивена Данлеви.

Впустив их в комнату, я обратил внимание, что на девушке под ее повседневным темно-синим облегающим пальто надето бежевое платье простого покроя из льняной ткани с узкими ярко-зелеными полосками — оттенка ее широко расставленных глаз.

— Превосходно выглядите, мисс Монк.

— О! Так теплее. Я хотела сказать, спасибо.

— Доктор Уотсон совершенно прав, — заметил Данлеви с невинным видом.

— Припоминаю, что и ты говорил нечто подобное. В экипаже. Или около меблированных комнат. А скорее всего, и там и там.

— Скучно повторять одно и то же, — весело пожал он плечами.

— А где мистер Холмс? — спросила Мэри Энн.

— Он вот-вот подойдет. А, Лестрейд! Входите, инспектор.

Доблестный Лестрейд стоял в дверях с таким видом, словно его всю неделю преследовали бешеные собаки и у него только что появилась свободная минутка, чтобы сменить рубашку. Он пожал мне руку и кивнул нашим гостям.

— Здравствуйте, мисс Монк. Ни одно мгновение той памятной ночи нельзя забыть. А вы кто, сэр?

— Мистер Данлеви, журналист, — объяснил я.

— В самом деле? — Лестрейд холодно взглянул на него.

— Он помогает нам. В ночь убийства Марты Тэйбрам в августе он был в Уайтчепеле.

— Марта Тэйбрам! Удивительно, что мистер Холмс вновь не взялся за дело Дреббера^[36] в связи с Джеком Потрошителем. Как вы думаете, ваш друг скоро появится?

— Надеюсь, что да.

Словно по волшебству, тут же распахнулась дверь, и Шерлок Холмс повесил шляпу на крючок.

— Добрый вечер! Миссис Хадсон сегодня превзошла саму себя. Пожалуйста, рассаживайтесь.

— А вот и автор замечательного послания: «Что бы вы сейчас ни делали, заканчивайте к семи тридцати, чтобы к восьми быть на Бейкер-стрит», — сказал инспектор.

— Лестрейд, вам явно надо пропустить стаканчик.

— Мистер Холмс! — нетерпеливо воскликнул инспектор. — У меня нет оснований сомневаться в важности того, что вы собираетесь нам сказать. Однако в Скотланд-Ярде сейчас столько работы, что и без того придется сидеть там ночи напролет. Помимо усиленного патрулирования, мы несем также почетную обязанность охраны порядка во время процессии, которую устраивает лорд-мэр в пятницу. На участке от лондонской ратуши до здания Верховного суда мы предотвращаем демонстрации, подавляем беспорядки, а также обеспечиваем для трех тысяч неимущих Уайтчепела чай и еду. Наверное, излишне говорить, что наше личное присутствие там не обязательно. Нам предписано находиться в Скотланд-Ярде: мне — на страже порядка, а вам — за решеткой.

— Не поужинать ли нам сначала? Или мне сразу рассказать то, что я знаю?

— Сейчас же, с вашего позволения.

— Хорошо, раз так. Ну, прежде всего, Лестрейд, необходимо составить заново схему патрулирования на завтра в северо-западной части Уайтчепела, граничащей со Спитафилдзом.

— Не шутите со мной.

— Я предельно серьезен.

— Но почему?

— Потому что человек, которого называют Джеком Потрошителем,

знает все в мельчайших подробностях: маршрут и время обходов, а также расположение полицейских постов.

— Это самое нелепое заявление, которое мне приходилось слышать из ваших уст.

— А что, такие утверждения случались и раньше?

— Да, и очень часто.

— И разве они никогда не оказывались правдой?

— Я не собираюсь менять порядок патрулирования только из-за того, что вы вообразили, будто кто-то похитил график дежурств.

— Не было никакой необходимости его красть. Человек, о котором я говорю, — офицер лондонской полиции.

В комнате воцарилась зловещая тишина. Холмс тяжело вздохнул.

— Налейте инспектору немного выпить, Уотсон. Думаю, вы согласитесь со мной, что ему это сейчас необходимо.

Все, о чем я намереваюсь рассказать, не должно выйти за пределы этой комнаты. Я сообщаю то, что мне известно, потому что мне нужна ваша помощь. Когда я закончу свой рассказ, задавайте любые вопросы, но мне необходимо выложить на стол карты, чтобы вы получили возможность взглянуть на факты моими глазами.

Все началось с присутствующего здесь Стивена Данлеви. Вскоре после того как мисс Монк согласилась стать нашими глазами и ушами в Уайтчепеле, она повстречала мистера Данлеви. Тот сказал, что он солдат, ждавший возвращения друга в ночь убийства Тэйбрам. Обстоятельства бросали тень подозрения именно на этого, второго гвардейца, к тому же у меня возникли сомнения относительно профессии мистера Данлеви. Так или иначе, его рассказ сильно заинтересовал меня. Я часто вспоминал его и потом, когда несколько женщин умерли такой же необъяснимой насильственной смертью. Стремясь узнать больше, я совершал вылазки в Уайтчепел — именно поэтому мы с доктором Уотсоном по чистой случайности застали Потрошителя за его отвратительной работой. Странное поведение пони натолкнуло меня на мысль заглянуть в Датфилдз-Ярд. Потрошитель, не сумев разделаться со мной, ускользнул, чтобы убить еще одну женщину.

После этого, пятого по счету убийства мне стало ясно, что мы имеем дело не с обычным преступником. Он не похож на безумца, иначе ни одна женщина не пошла бы с ним, зная о тех несчастных, которые уже успели найти свой трагический конец. Это не вор, не расчетливый мститель: я пытался отыскать нечто, что связывает жертвы, но единственное, что их объединяло, — все они проститутки. Мне повезло: я располагал

материалами нескольких давних дел, похожих на это, — странных, немотивированных жестоких убийств. Я пришел к выводу, что человек, называющий себя Джеком Потрошителем, — тяжело больной маньяк, чье обычное поведение воспринимается окружающими как вполне добропорядочное.

— Не доводилось слышать ничего более ужасного, — пробормотал Лестрейд, но Холмс не обратил на его слова никакого внимания.

— Необходимо обратиться также к письмам Джека Потрошителя. Когда он описал в мельчайших подробностях мой портсигар, а мистеру Ласку прислал в конверте половинку почки, я получил доказательство того, что человек, убивший пять женщин, отправил эти письма, чтобы поймать нас на крючок. Я не сомневаюсь также, что записка, полученная доктором Уотсоном, которую якобы писал я, тоже принадлежит перу Потрошителя. Сначала эти письма ничем не помогли нам, но потом я обнаружил проступившие внизу страницы любопытные цифры. Решив, что их едва ли удастся понять без соответствующего контекста, я отложил эту загадку подальше в глубины памяти. Кто знает, вдруг настанет время, когда появится возможность определить, что они значат?

После того как я усомнился в подлинности профессии мистера Данлеви, он признался, что, хоть и был одет солдатом в ту праздничную ночь, на самом деле журналист и часто прибегает к подобной маскировке, чтобы собрать материал для своих сенсационных историй. Он сообщил мне, что видел, как Джонни Блэкстоун увел Марту Тэйбрам в проулок за полчаса до того времени, которое медицинские эксперты определили как момент ее смерти. Данлеви снова зашел в паб, а потом отправился на прежнее место дожидаться своего приятеля. По пути ему повстречался констебль Беннетт. В конце концов, потеряв всякую надежду вновь увидеть в ту ночь Блэкстоуна, Данлеви вернулся домой и лишь позднее узнал, какое ужасное событие случилось в ту ночь.

Интуиция упрямо подсказывала мне, что серия зверских убийств началась в ночь смерти Марты Тэйбрам, поэтому чрезвычайно важно было разыскать неуловимого Джонни Блэкстоуна. После того, как его уволили с военной службы за сумасбродное, возмутительное поведение, бывший гвардеец исчез, но, по некоторым сведениям, скрывался где-то в Уайтчепеле. Я был полон решимости задержать его. Согласитесь, что человек, нанесший женщине тридцать девять ран и хладнокровно ускользнувший с места преступления, весьма опасен для общества.

— Весьма опасен, — эхом повторила Мэри Энн.

— Потом мне в руки попала еще одна, косвенная улика. Мэттью Пакер

услышал замечание Элизабет Страйд. Она сказала, что человек, который ее сопровождал — а впоследствии, судя по всему, убил, — одет не в свой обычный наряд. Идея о том, что Блэкстоун рассматривал любую одежду, кроме военной формы, как маскировку, показалась мне интересной. Большинству людей случайные знакомые запоминаются не только своими лицами, но также одеждой и осанкой. Если Блэкстоун имел возможность прятать военную форму, меняя в своем облачении еще одну-две существенные детали, он мог передвигаться по округе почти незаметно.

Взгляд сыщика остановился на камине с обугленными остатками последней статьи Тавистока.

— К тому времени ныне печально известный мистер Лесли Тависток начал свою чрезвычайно встревожившую нас газетную кампанию. Меня беспокоило, что эта информация очень похожа на правду. Я заподозрил, что такая точность описания объясняется тем, что мистер Данлеви передает сведения о наших действиях своим друзьям-газетчикам. Мне почти удалось убедить себя, что любая другая гипотеза противоречит здравому смыслу. Однако вылазка, проведенная моими компаньонами, показала, что источник Тавистока обладает информацией обо мне, которой не владеет никто, кроме самых близких мне людей. Слежки, которая дала бы недругу эти сведения, я за собой не заметил. Доктор Уотсон сообщил мне также, что неприятель имеет в своем распоряжении образец моего почерка. И тогда у меня появились основания предположить, что этот таинственный враг, автор письма и Потрошитель — одно и то же лицо.

— Господи Боже! — воскликнул Стивен Данлеви. — Тот, кто объявил войну шлюхам, пытается переложить вину за свои преступления на ваши плечи.

— Сами понимаете: нет ничего удивительного, что столь диковинную теорию я раньше не рассматривал всерьез, — заметил Холмс с мрачным видом. — Оглядываясь назад, вынужден признать, что злодей проявил дьявольскую изобретательность, разыскав этого бессовестного журналиста, соблазнив его возможностью раздуть скандал, который поможет ему сделать карьеру. Мои действия встречали такое сопротивление, что порой сама жизнь подвергалась опасности.

— Вскоре после того как я связал между собой Потрошителя, автора письма и источник информации Тавистока, мы с доктором Уотсоном выяснили, куда пропал Джонни Блэкстоун. Он покончил жизнь самоубийством, не в силах жить дальше под грузом вины.

— Тогда, выходит, он и совершил эти преступления! А значит, все наши беды остались позади, — обрадовался Лестрейд. — Будь я способен

на подобные злодеяния, тоже наложил бы на себя руки!

— Увы, мой дорогой Лестрейд, здесь кроется серьезное логическое заблуждение, — мягко возразил Холмс. — Вы, конечно же, не способны на такое. Как, кстати, и Джонни Блэкстоун. В своем письме сестре, которое я отослал по адресу, он сознается, что ударил штыком Марту Тэйбрам в приступе ярости, но этот безумный шаг, по существу, полностью разрушил его личность.

— Мономания — плохо изученное заболевание. У нас нет оснований утверждать, что он помнит все свои омерзительные поступки.

— Сначала я думал точно так же, — продолжал детектив, набивая трубку крепким табаком. — Но самая большая ошибка, грех, который нельзя простить, — подгонять факты под теорию. Это гораздо хуже, чем исказить теории, чтобы они соответствовали фактам. Я задал себе вопрос: предположим, в письме Блэкстоуна только правда, тогда какие выводы следуют из этого? И в тот же миг мне все стало настолько ясно, словно я видел это собственными глазами.

Подведем итоги. Блэкстоун утверждает, что ударил Тэйбрам штыком через несколько минут после того, как вошел с ней в проулок. Этот факт подтвержден и следователем. Услышав чьи-то шаги, Блэкстоун убежал. Мистер Данлеви сказал мне, что заходил на несколько минут в бар, констебль Беннетт сообщил Лестрейду, будто ничего не видел в проулке, а человек, обнаруживший убитую, подошел к Беннетту лишь через несколько часов. Конечно же, миссис Тэйбрам не умерла мгновенно от единственной, впопыхах нанесенной раны. Понятно, что ее охватила паника и она сильно кричала. Никто ничего не видел. И все же Блэкстоун убежал, слышав шаги. Если он говорит правду — кто-то лжет, и разгадка кроется именно в нем. Боюсь, нельзя исключить, что это мистер Данлеви, хоть он и был достаточно далеко от места преступления. Я поспешил убедиться, что мисс Монк в безопасности: ведь если бы именно вы, мистер Данлеви, доносили меня обвинениями в убийстве, а сами между тем сеяли панику в Уайтчепеле, вашей следующей жертвой стала бы мисс Монк. Надеюсь, это теоретическое допущение вас не обидело?

Холмс спокойно продолжал, неотрывно глядя на журналиста:

— К моему величайшему облегчению, я убедился, что с мисс Монк все в порядке. Тогда я предложил Данлеви пройти еще один тест — дать мне образец почерка. Я обнаружил, что он не писал ни одного из писем. Это означает, что, несмотря на весьма сомнительный маскарад, к которому мистер Данлеви прибег вначале, он не Джек Потрошитель. Таким образом я убедился, что Беннетт лгал, будто не видел ничего в проулке. В темноте

ночного Уайтчепела мертвое тело могло показаться кучей тряпья, но некоторое время до того, как констебль Беннетт подошел к Данлеви, Марта Тэйбрам была еще жива.

Глава 28

Охотничий отряд

Шерлок Холмс умолк, взял трубку и затянулся. Характерной чертой его натуры аналитика было умение представить всю эту душераздирающую историю совершенно бесстрастным тоном, словно он химик, рассказывающий о новом методе получения алкалоидов.

— Почему констебль Беннетт солгал о том, что видел в проулке? — спокойно спросил Холмс. — Он вышел из темноты, где серьезно раненная женщина, несомненно, нуждалась в помощи. Не стану утверждать, будто я знаю, что между ними произошло: то ли они когда-то были любовниками, то ли что-то разбудило в этом человеке мирно спавших до этого демонов. С уверенностью готов заявить только одно: когда Беннетт случайно обнаружил Марту Тэйбрам, она имела лишь одну штыковую рану, а после того как он покинул ее и встретил Стивена Данлеви, на ее теле оказалось тридцать восемь ран, нанесенных совсем другим оружием — карманным ножом, который может иметь при себе любой полицейский, да и вообще любой житель Лондона.

Что еще указывает на справедливость моих рассуждений? Во-первых, надпись на Гулстон-стрит. Я тогда удивился: откуда в кармане убийцы взялся мел? А ведь его используют во время патрулирования полицейские, чтобы сделать более яркими белые полосы на рукавах, дабы избежать гнева вышестоящего начальства.

— Конечно! — воскликнула Мэри Энн. — Он держал мел в кармане брюк.

— Теперь относительно униформы. Что, если одежда, которую Страйд привыкла видеть на своем будущем убийце, была вовсе не военной? Не исключено, что до этого он всегда был в полицейской форме с ее традиционным высоким шлемом. В гражданской одежде он, конечно, выглядел совсем по-другому, и тогда ее странное, казалось бы, замечание становится вполне осмысленным. Я присутствовал на похоронах Элизабет Страйд. Ее убийство было столь чудовищным и вызвало такой резонанс, что я решил: возможно, преступник захочет взглянуть на произведенный им эффект. Однако я встретил там лишь тех, кого ожидал увидеть. Единственный констебль сообщил, что инспектор Лестрейд поручил ему обеспечить порядок. Очевидно, так оно и было.

Лицо Лестрейда вытянулось от изумления.

— Я не отдавал такого приказа.

— Именно об этом мне сообщили в департаменте полиции.

Инспектор закрыл глаза:

— Мы ждем окончания вашего рассказа.

— Я провел немало часов, ломая голову, откуда репортер узнал, что приключилось со мной в ночь двойного убийства. Как не имеющий отношение к делу нож оказался возле трупа Эддоуз? Откуда стало известно, что я присутствовал на похоронах Страйд? И наконец, кто сообщил, что я покинул Бейкер-стрит, дабы провести расследование в Ист-Энде? В Скотланд-Ярде знали обо всем этом.

— Что ж, преступнику было известно многое.

— Несомненно. Злоумышленник использовал Тавистока как средство распространения клеветы. Добавьте к этому, что я часто писал короткие сообщения для Лестрейда и десятка других инспекторов Скотланд-Ярда, — загадка о том, как был подделан мой почерк, решится мгновенно. Ясно, что злодею не составило труда выкрасть одну из моих записок. Но заключительный, решающий довод, которого мне не хватало, прозвучал в весьма мудрой реплике нашего друга Уотсона. Это замечание вызвало вспышку едва тлеющих язычков пламени моих дедуктивных умозаключений.

— Не припомню, что я сказал такое особенное.

— Вы просто обратили внимание на то, что я должен был отметить сразу, если бы действительно был столь идеально отлаженным логическим механизмом, каким вы рисуете меня в своих рассказах. Вы сказали, что удивительно, как это Потрошитель всегда выходит сухим из воды в районе, буквально кишачем полицейскими. Очевидная причина его успеха: он знает, когда и по каким улицам проходят патрули. И после того, как я задал себе вопрос, что все-таки случилось в ночь этого невероятного двойного убийства, еще один вроде бы случайный факт обрел свое место.

Холмс заговорил быстрее. Чувствовалось, что он испытывает воодушевление.

— Потрошитель убивал Элизабет Страйд, не опасаясь, что его застигнут, зная, что маршрут констебля Лэмба проходит достаточно далеко от Датфилдз-Ярда. Мы вспугнули преступника, и он побежал в сторону Сити, а когда я настиг его, попытался меня убить. Затем самым непостижимым образом, страшно рискуя, он перерезал горло еще одной женщине, поскольку мы помешали злодею расчленить труп — ведь именно это было дьявольским импульсом всех его мыслей и поступков. Конечно, он не обладал даром предвидения в такой степени, чтобы знать в каждый

момент времени, на любой улице, встретит он другого полицейского или нет. Однако члены комитета бдительности упомянули мимоходом, что напротив того места, где была убита Эддоуз, на другой стороне площади, — дом, в котором проживает офицер лондонской полиции. Именно там обитает Беннетт, и, конечно же, ему известны все ходы и выходы вокруг.

Лестрейд покачал головой с мрачным спокойствием человека, знающего самое худшее.

— Вы привели его в такую ярость, что Эддоуз, подвернувшаяся под руку, наверное, показалась ему даром с небес.

— Что же нам делать?! — воскликнула Мэри Энн в полном отчаянии. — Вы правы, мистер Холмс. Все сходится, каждая мельчайшая деталь. Но какой смысл говорить об этом, если в любую минуту он способен...

— Больше всего на свете, мисс Монк, я хочу, чтобы преступник оказался в наших руках, — заверил ее детектив. — Однако констебль Эдвард Беннетт уволился со службы, ссылаясь на вызванное перенапряжением нездоровье, и бесследно исчез пятого ноября, в понедельник.

— Неужели? — огорченно воскликнул я. — В тот самый день, когда Тависток обнаружил, что его кабинет подвергся вторжению...

— Хорошая работа, Уотсон. Я пришел к такому же выводу. Даже не так важно, ограничился ли Тависток жалобой на свои неприятности или потребовал от друга, констебля Беннетта, разыскать тех, кто его унизил, — результат один и тот же: убийца был предупрежден. Он, конечно же, не хотел, чтобы его связи с «Лондон Кроникл» получили огласку.

— Но мистер Холмс, — подала голос Мэри Энн, — что бы случилось, если бы Беннетт не сбежал?

Мой друг пересек комнату и выглянул в окно.

— По всей вероятности, полная катастрофа. Я был бы поставлен перед необходимостью немедленно схватить его, а для этого пришлось бы спустить всех собак на почтенных служащих Скотланд-Ярда. Вообразите сами: среди них все это время находился убийца, лишивший жизни пятерых женщин за какие-то два месяца и не вызвавший ни у кого ни малейших подозрений. Хуже того: у меня нет ни одного веского доказательства вины этого человека. Один шанс против десяти тысяч, что его признали бы виновным. Против меня не меньше свидетельств, чем против Беннетта, что красноречиво говорит о ценности косвенных улик. Нас постигли бы страшные бедствия: бунты против полиции, уличные

беспорядки... Уже сейчас сэр Чарльз Уоррен заявил о своей отставке, и мистер Мэттьюз, возможно, очень скоро примет ее. Дело Потрошителя просто уничтожило сэра Чарльза. И виной тому Беннетт. — Холмс повернулся к Лестрейду: — Я не позволю ему развалить Скотланд-Ярд.

Несколько мгновений все молчали.

— Что же нам делать? — бесхитростно спросил инспектор.

Детектив неожиданно рассмеялся.

— Я почти убедил себя, что вы не поверите ни одному моему слову.

— Всегда знал, что вы идете непроторенным путем, но иногда натываетесь на истину, — проворчал Лестрейд.

— Верно сказано, — улыбнулся Холмс. — Что касается ближайших планов, то он только один, и в этом наше преимущество на данный момент. На бумаге, о которой я упоминал, обнаружены оттиски цифр. Вот оригинал с пометками графитовым карандашом.

Холмс передал документ Лестрейду, и мы принялись рассматривать его.

245—11:30

1054—14

765—12:15

— Что, черт возьми, это может означать?

— Такие цифры столь же полезны, как карта, мой дорогой инспектор. В левой колонке — личные номера полицейских, а в правой — время, когда они заканчивают обход.

— Замечательно! — воскликнул Лестрейд. — Надеюсь, вы уже узнали, кто они? Ведь в одном уайтчепелском подразделении около пяти сотен констеблей, не считая тех, кто успел получить новое назначение.

— Конечно, мой дорогой Лестрейд. Их фамилии — Сампл, Левер и Уайлдинг, маршруты патрулирования включают небольшие участки, поровну в Спиталфилдзе и Уайтчепеле. Выяснив, кто эти полицейские, я отправил телеграмму инспектору Эбберлайну, который был настолько любезен, что прислал мне карту.

— Вы объяснили, зачем она нужна?

Холмс решительно покачал головой.

— Если не считать моего брата и высших должностных лиц, с которыми он консультируется, лишь нашей пятерке известно имя этого безумца. Уайтхолл крайне заинтересован в том, чтобы избежать грандиозного скандала. Они знают о моей осмотрительности при расследовании подобных дел. Я хочу убедить всех вас, что если исключить пару недель после двойного убийства, когда он утратил самообладание, то можно заметить: Потрошитель совершает свои злодеяния с определенной периодичностью. Я, конечно, не обещаю вам, что следующее нападение состоится завтра, в день назначенного лордом-мэром шоу. К тому же преступник боится разоблачения и находится в бегах. И все же, думаю, он решится на очередное убийство. Беннетт уже продемонстрировал свое презрение к Скотланд-Ярду и ненависть ко мне, которая не исчезнет только из-за того, что он сбросил свою прежнюю маску. Мы с вами, Лестрейд, — последняя линия обороны. Если будем заодно, Беннетт никогда не узнает, что на него идет охота.

— Когда те парни из полиции выйдут на работу? — спросила Мэри Энн.

— У всех троих ночная смена, с десяти вечера до шести утра. Я послал телеграмму Джорджу Ласку, как только Эбберлайн сообщил о патрулируемых ими участках. Ласк привлек половину своего комитета бдительности для помощи Скотланд-Ярду сегодня и завтра вечером. Естественно, негласно, инспектор.

— Мистер Холмс, я не вправе препятствовать вашим действиям.

— Замечательное обещание, Лестрейд! — весело воскликнул мой друг. — Надеюсь, вы быстро оправитесь от того потрясения, которому я подверг вас.

— Я тоже на это рассчитываю, — улыбнулся Лестрейд. — У вас есть что-нибудь еще?

Детектив покачал головой:

— Теперь вы знаете то же, что и я.

— Тогда я возвращаюсь на место службы, — сказал инспектор, вставая. — Зная, что к чему, я заново составлю график патрулирования.

— Если не останетесь пообедать с нами, желаю удачи. Не сомневаюсь, что увижу вас в Уайтчепеле завтра в десять вечера, — сказал Холмс, пожимая коллеге руку.

— Для меня большая честь выйти вместе с вами на охоту, мистер Холмс, — признался инспектор. — Я не упущу такую возможность. Всем доброй ночи.

Мы, вчетвером, приступили к ужину. Холмс больше ни слова не сказал о деле, до тех пор пока мы не насытились и не насладились бренди. Сонная Мэри Энн позволила Данлеви набросить на нее шаль. Мы уже попрощались, когда журналист, расправив плечи, подошел к моему другу:

— Мистер Холмс, я вам очень благодарен за то, что узнал правду об этих ужасных преступлениях, но никак не пойму, зачем вы пригласили меня прийти. Мисс Монк — ваша помощница, да и я всегда рад быть вам полезен, но все же... Вы не тот человек, чтобы откровенничать понапрасну.

— Нет, конечно.

— Тогда я не понимаю.

— Дело в том, что я рассчитываю на ваше содействие завтра в Уайтчепеле, где мы будем не жалея сил защищать местных обитателей.

— Да, но...

— Вы хотите, чтобы я выразился более ясно? Ладно, — сказал детектив с решительным видом. — Я прошу вас, мисс Монк, не поднимая лишней паники, предупредить как можно больше ваших знакомых, что следующей ночью высока вероятность беды. Необходимо избегать плохо освещенных мест и воздержаться от прогулок в одиночку. Знаю, что вы не сумеете переговорить со всеми — их слишком много и они измучены самыми невероятными догадками. И все же постарайтесь.

— Я начну это делать уже сегодня вечером, мистер Холмс.

— Спасибо. Что касается вас, мистер Данлеви, вы для нас человек уникальный. Завтрашней ночью мы попытаемся предотвратить убийство, используя большое количество людей, причем ни один из них не будет знать, кого мы ищем. Мы с Уотсоном видели преступника на похоронах Элизабет Страйд. Кроме нас, только вы и инспектор Лестрейд знают его в лицо. Считайте это моей причудой, но иметь рядом трех человек, полностью знакомых с сутью дела, не будет чрезмерной предосторожностью.

Следующий вечер выдался холодным и мокрым, дождь барабанил в стекла. Меня знобило, и я загрузил в наш скромный камин угля без всякой меры. Глядя сквозь прозрачную занавеску из полукруглого эркера на улицу, я думал со страхом, что шансы рассмотреть чье-то лицо во мраке Уайтчепела астрономически малы.

Мой друг пришел около восьми часов, насквозь мокрый и сильно уставший, но его лицо светилось пылом и решимостью. Вскоре он вышел из спальни в поношенном одеянии Джека Эскотта. Осознавая, что эта мера предосторожности необходима, я тоже без лишних слов поднялся наверх,

чтобы переодеться. Из своей спальни я слышал звуки скрипки Холмса. Мелодия в минорной тональности была незамысловатой, но западающей в память. Я узнал ее по высоким трелям и обманчиво простым переходам: то была одна из собственных композиций Холмса. Когда я спустился вниз, мой друг уже убрал скрипку в футляр и засовывал револьвер в карман пальто из грубой шерсти.

— Красивая мелодия, Холмс.

— Вам понравилось? Меня не удовлетворяет средняя каденция, но портаменто в заключительной фразе впечатляет. Если вы готовы, мы сейчас же отправляемся в Ист-Энд. Кэб уже ждет.

— Холмс?

— Да, Миддлтон, — отозвался он весело.

— Допустим, мы опознаем бывшего констебля Беннетта. Я теряюсь в догадках, что с ним делать дальше.

— Арестуем и передадим Лестрейду, который сегодня утром беседовал с самим мистером Мэттьюзом.

— А если не сумеем его найти?

— Я все равно буду его искать.

— А если...

— Я не допущу, чтобы это произошло. Вперед, Уотсон. Мы все вынесем. Трудные обстоятельства порождают великие деяния. Вы взяли с собой револьвер?

— Да. И складной нож.

Холмс откинул голову назад и рассмеялся, наматывая толстый шейный платок.

— Ну, тогда я абсолютно спокоен.

Мы встретились с Лестрейдом, как и договорились, в «Десяти колоколах», примерно в центре района, нанесенного на карту Эбберлайна. Лестрейд, этот непоколебимый страж порядка, выглядел таким же изможденным, как и рабочий люд за соседними столиками. Казалось, все его внимание сосредоточено на эле в стакане.

— Все готово? — возбужденно спросил сыщик, понизив голос, чтобы его не услышали в гуле разговоров.

Лестрейд с большой неохотой оторвался от своей пинты.

— Пятьдесят человек в штатском вызваны из Пэддингтона. Они служат в подразделении «F», и Беннетт их не знает. Число патрульных увеличено, маршруты изменены. Если рассказанное вами — выдумка, мистер Холмс, обещаю арестовать вас лично.

— Если я и ошибся, вы тоже от этого не застрахованы.

— Говорите, у этих парней из комитета бдительности с собой полицейские свистки?

— Конечно.

— Я рад, что эти любители здесь, — вздохнул инспектор. — Половину моих констеблей забрали еще в четыре утра, чтобы охранять процессию лорда-мэра.

Кулак Холмса с силой опустил на стол. Казалось, он не поверил своим ушам.

— Следует ли это понимать таким образом: куда важнее предотвратить бомбардировку гнилыми овощами той уродливой позолоченной колымаги, в которой укроется завтра лорд-мэр, чем помешать Джеку Потрошителю добавить новые женские органы к своей коллекции?

— Я спорил до хрипоты нынешним утром — ничего не помогло. А вот и Данлеви. Довольно неразумно настолько доверять газетчику, вы не находите, Холмс?

— Вижу, к вам вернулся обычный здоровый скептицизм, — насмешливо заметил мой друг. — Меня сильно беспокоило, что я нарушил ваше душевное равновесие.

— Хватит об этом, — огрызнулся инспектор. — Один из моих людей проведет здесь всю ночь. Патрульным дана инструкция громко свистеть, если они обнаружат что-нибудь подозрительное. С содроганием вспоминаю, какой был у вас вид, мистер Холмс, когда вы столкнулись с извергом в прошлый раз. — Детектива это явно рассердило, но он сдержался. — Мы с журналистом отправимся на Брик-лейн, а вы двое — на Бишопсгейт. Через каждый час встречаемся в этом пабе. Я захватил два фонаря, без которых мы вряд ли увидим даже собственные ноги. Удачи вам, джентльмены.

Я и инспектор взяли по фонарю. Кивнув на ходу Данлеви, мы с Холмсом вышли под проливной дождь.

Глава 29

Портсигар и сердце

Через полчаса мы уже насквозь промокли и замерзли. Моя нога пульсировала тупой болью, когда мы шли по вымытым дождем переулкам. Бушевавший ливень заглушал шум наших шагов. Разгул стихии загнал людей под крышу, редкие прохожие, разбрызгивая грязь, спешили мимо, обмотав головы платками и шарфами.

— Ну и погода, черт побери! — свирепо пробормотал Холмс, когда мы вновь вышли из паба после первой встречи с Лестрейдом и Данлеви. — Льет как из ведра, тут и в трех ярдах не узнаешь человека, да и одежда помогает прятаться.

— Кругом достаточно простолюдинов, чтобы держать все улицы под наблюдением. Убийца не сумеет ничего сделать незаметно, если вообще высунет нос на улицу в такую ночь.

— Он обязательно появится.

— Но учитывая этот ливень...

— Я же сказал: он будет непременно! — повторил Холмс с жаром. — Хватит лишних слов. Все наши чувства должны быть обострены до предела.

Вот уже и четыре часа минуло. Праздношатающихся стало совсем мало, последние усталые пешеходы шли домой, чтобы вздремнуть пару часов, до того как шоу лорда-мэра вновь не выгонит их на улицу. Возвращались с ночной охоты проститутки, стали появляться рабочие. Все норовили побыстрее нырнуть в ближайший паб в ожидании рассвета.

Мы с Холмсом встретились с Лестрейдом и Данлеви в последний раз около шести часов утра. Зайдя в «Десять колоколов», каждый из нас выпил по стакану виски. Пальцы рук настолько окоченели от холода, что с трудом гнулись. Какое-то время все молчали. Потом сыщик встал.

— Необходимо осмотреть каждый двор и проулок.

— Мы не могли его упустить, мистер Холмс! — простонал Лестрейд. — Во всяком случае, помешали ему.

— Тем не менее необходимо убедиться, что все спокойно. Патрули, указанные на листе бумаги, давно прошли, поэтому мы можем отправиться все вместе. Если что-то произошло, уже все равно ничего не изменишь.

Мы вышли из паба на Черч-стрит и побрели вслед за Холмсом. Он с пылом ищeyки осматривал каждый закуток, а мы с Лестрейдом и

журналистом настолько приуныли, что даже не пытались повсюду следовать за ним. Холодный серый утренний свет едва тронул края кирпичных зданий, когда мы подошли к проходу, ведущему в очередной безликий двор. Холмс нырнул в его недра, а мы остались ждать на улице.

— Боюсь, я не доживу до вечера, если сейчас не позавтракаю и не выпью чашку горячего чая, — вздохнул Лестрейд.

— Вам, наверное, придется сопровождать лорда-мэра во время процессии, — посочувствовал я.

— Служба, ничего не поделаешь.

— Мои соболезнования, инспектор.

— Это не первая бессонная ночь, которую мне пришлось пережить по милости мистера Холмса.

— Возможно, наш план оказался неудачным. Но хочу напомнить вам, что Холмс не тот человек, который способен увлечься химерами.

— Наверное, вы правы, доктор Уотсон, — недовольно пробормотал инспектор, — но он вбил себе в голову некую теорию и теперь не знает, как из всего этого выпутаться.

— Удивляюсь, как он еще на ногах держится, — сказал Стивен, зевая.

— Холмс! — позвал я.

Ответа не последовало. Я вошел под облупившуюся арку. Узкий коридор вел во двор, по сторонам располагались двери комнат. Вторая дверь направо была распахнута, и, не видя детектива в конце прохода, я вошел внутрь.

Ни разу за все последующие годы нашей дружбы с Холмсом мы не вспоминали то, что увидели в этой комнате. Она возникает в моей памяти в тех редких случаях, когда я рисую ад в своем воображении. Влажные стены покрыты трещинами, свечка воткнута в разбитый бокал, огонь догорает в камине, в углу — грубая деревянная кровать без матраса. Воздух пропитан металлическим запахом крови и омерзительной вонью. На постели лежит тело, вернее, куски того, что от него осталось, но не только там — и на столе тоже.

Сыщик прислонился спиной к стене, его лицо сделалось бледным, как у мертвеца.

— Дверь была открыта, — зачем-то сказал он. — Я просто шел мимо.

— Холмс! — прошептал я, объятый ужасом.

— Дверь была открыта, — повторил он и спрятал лицо в ладонях.

Я услышал шаги за спиной.

— Какого дьявола вы, двое... — начал было Лестрейд и издал сдавленный крик, увидев, что здесь творится.

— Он не имел возможности сделать свою работу на улице, — констатировал я, — и привел женщину в ее комнату.

Я заставил себя взглянуть на то, что когда-то было ее лицом, но, кроме глаз, от него мало что осталось.

Инспектор схватился за дверной косяк, его шатало, кровь отхлынула от щек.

Данлеви вошел медленно, словно лунатик.

— Боже милостивый! — прошептал он срывающимся голосом. — Он разорвал ее на части!

— Вам надо уходить, — сказал ему Холмс. Он стоял, не двигаясь, по-прежнему закрывая лицо руками.

— Почему?

— Необходимо отправить телеграмму моему брату Майкрофту Холмсу на адрес Пэлл Мэлл, сто восемьдесят семь. Опишите то, что вы видели.

— Мистер Холмс...

— Ради всего святого, быстрее! Ставки слишком высоки, чтобы медлить.

Стивен выскочил под дождь.

Холмс с видимым усилием оторвался от стены и приступил к изучению этой кошмарной спальни. Я еще несколько мгновений бессмысленно простоял у двери, а потом приблизился к труп, неотрывно глядя на несколько кучек плоти, вырезанной из тела убитой.

Лестрейд тоже подошел к нам.

— Что скажете, доктор Уотсон?

— Не знаю даже, с чего начать, — тупо ответил я. — Однажды я видел нечто подобное при взрыве газа.

— Мистер Холмс, вы говорите, что дверь была открыта?

— Да. Минут двадцать, наверное.

— Как могло случиться...

— Дождевая вода пропитала половицы, и они разбухли.

— Есть что-нибудь интересное в камине?

Холмс оторвался от своей работы с выражением едва сдерживаемой ярости на лице, но пронзительный крик Лестрейда остановил упрек, готовый сорваться с губ моего друга.

Инспектор бездумно выдернул блестящий серебряный предмет из лежавшей на столе кучи плоти. Он смотрел на свою руку, с которой стекала кровь.

— Что это, Лестрейд?

Тот лишь потряс головой, продолжая разглядывать вещь, которую

держал в руке.

— Полагаю, это ваш портсигар, — очень тихо сказал он. Холмс звучно выдохнул, словно его ударили в грудь.

Инспектор принялся рассеянно вытирать кровь носовым платком.

— Вы, кажется, потеряли его в ночь двойного убийства? Я вижу инициалы Ш. С. Х. Без сомнения, эта вещь принадлежит вам. — Он протянул портсигар Холмсу на раскрытой правой ладони. — Возьмите.

Лестрейд задумался, нахмутив лоб. Детектив вертел портсигар в своих изящных руках, словно никогда его не видел прежде.

Инспектор заговорил более решительно:

— Вы здесь почти закончили осмотр, мистер Холмс?

Мой друг заставил себя выйти из оцепенения.

— Мне потребуются еще несколько минут.

Инспектор кивнул.

— Очень хорошо. А потом, мистер Холмс, я думаю, вам лучше уйти. Да, я попрошу вас быстро покинуть место преступления. Это очень важно. И вас, доктор, тоже. А потом я закрою входную дверь, если сумею, во всяком случае, притворю ее и отправлюсь сопровождать процессию лорда-мэра. У меня там немало обязанностей. А об этом деле мы услышим достаточно скоро.

— Вы, наверное, шутите! — вскричал я, потрясенный до глубины души. — Неужели вы предлагаете оставить здесь эту несчастную в таком виде, чтобы ее обнаружил кто-нибудь еще?

— Да. Если ее не найдут сегодня до полудня, я что-нибудь устрою. Мистеру Холмсу необходимо дать время... — Мой друг внимательно посмотрел на инспектора. — Кто знает, что еще скрыто в этой комнате? У нас не было возможности рассмотреть все внимательно, не уничтожая улик. Доктор Уотсон, понимаю, что на этот вопрос сложно ответить, но все-таки как вы думаете, когда произошло убийство?

— Рискну предположить: в четыре часа утра. Когда тело расчленено, трупное окоченение наступает не в обычные сроки. Если дверь была открыта только двадцать минут, он пробыл у нее приблизительно два часа.

Лестрейд кивнул, вертя в руках часы.

— У вас всё, мистер Холмс?

— Больше тут ничего не выяснишь, — ответил сыщик, вставая с четверенек, — в этой позе он исследовал каждый сантиметр пола.

— Вы закончили с камином?

— Да, полностью.

— Доктор Уотсон, у вас есть что-нибудь новое?

— Нет, пожалуй. Пришлите полный отчет о повреждениях трупа на Бейкер-стрит.

— Конечно.

— Разузнайте также, что слышали соседи и не видел ли кто-нибудь из наших волонтеров, как эта женщина заходила в комнату, — сказал Холмс.

— Естественно, я это сделаю. Что-нибудь еще?

— Нет, я увидел достаточно, Лестрейд, — ответил Шерлок очень тихим голосом. Он вытащил портсигар из кармана и еще раз взглянул на него. — Мы все видели много такого, чего лучше не видеть.

— Тогда, ради бога, исчезните, — попросил Лестрейд. — Пусть теперь этим займется Скотланд-Ярд. О портсигаре — ни слова, обо всем остальном я позабочусь.

Когда мы двинулись назад, в сторону Уэст-Энда, дождь по-прежнему бил нам в лицо, но, думаю, Холмс, как и я, перестал его ощущать. Рухнув, вконец обессиленный, на сиденье кэба, я, казалось, вообще утратил способность что-либо чувствовать. Уже в такую рань толпы людей собирались вдоль предполагаемого маршрута процессии. Рабочие, оскальзываясь на мокром булыжнике, вешали тяжелые от пропитавшей их воды флаги.

— Холмс, — нарушил я молчание, — есть ли хоть какая-то надежда добиться успеха?

— В чем, Уотсон?

— Ну, хоть в чем-нибудь.

В этот момент детектив, наверное, показался бы совершенно спокойным любому стороннему наблюдателю. Человеку же, знакомому, как я, с привычками Холмса, его вид внушал серьезные опасения. Глаза блестели, как ртуть, на высоких скулах выступил чахоточный румянец. Он стал с обманчивой невозмутимостью загибать пальцы:

— Питаю ли я надежду, что удастся схватить Джека Потрошителя? Без всякого сомнения. Есть ли вероятность, что меня обвинят в его чудовищных преступлениях? Пожалуй, что нет, хотя я и заслужил это за проявленное мною слабоумие. Заканчиваются ли наши поиски и скоро ли мы схватим этого дьявола? Уверен, что да. Но разве это поможет несчастной, чье тело, как грязь, разбросано по комнате? Принесет ли ей это хоть какую-то пользу, когда она не только убита, что само по себе чудовищно, но еще и ее тело изуродовано до неузнаваемости этим растленным безумцем?

— Мой дорогой друг...

— Нет, — прервал меня он. — Если даже мы поймем изверга, это ничего не даст погибшей. И вся вина лежит на мне.

— Вы возмутительно несправедливы к себе, Холмс! — воскликнул я. — Нельзя же всерьез взваливать всю вину на собственные плечи. Вы, человек, который сделал так много...

— Я потерпел столь оглушительную неудачу, что будет справедливо, если завершение этого дела станет концом моей бессмысленной карьеры.

— Холмс, но будьте же разумны, следуйте логике...

— Я ею руководствовался во всех своих действиях! — яростно выкрикнул он. — И вот куда эта логика нас завела! Кучер!

Он ударил тростью в крышу кэба и выпрыгнул наружу.

— Оставайтесь на месте, Уотсон. Я скоро вернусь.

Пребывая в полнейшем замешательстве, я выглянул в окно и обнаружил, что Холмс привез нас на Пэлл-Мэлл, где жил его брат. Шерлок пробыл около получаса внутри величественного здания кремового цвета, а когда открыл тяжелую дверь и вышел на улицу, угадать что-либо по его лицу было невозможно.

Я без лишних слов протянул руку, чтобы помочь другу взобраться в кэб, и с любопытством посмотрел на него. Увы, оставшиеся до нашего дома несколько кварталов мы проехали в полном молчании. Едва экипаж остановился напротив дома 221 по Бейкер-стрит, как Холмс выпрыгнул наружу, однако остался стоять на тротуаре.

— Вот это да! — произнес он с выражением крайнего презрения на лице. — Как случилось, что воплощение всего отвратительного и порочного стоит у двери нашего дома?

Я уже поставил ногу на ступеньку кэба, но, подняв глаза, чуть не потерял равновесие. У входа в дом, подняв руку, словно собираясь позвонить, стоял не кто иной, как Лесли Тависток. Мой друг быстро пересек улицу и остановился на краю тротуара в нескольких футах от газетчика.

— Какого черта вы тут забыли, Тависток? — поинтересовался Холмс.

Журналист ошеломленно оглянулся и бросился навстречу, протянув к нам руки. Его карие глаза были полны ужаса.

— Мистер Холмс, это вы? Доктор Уотсон! Джентльмены, я молю вас о помощи! Вы даже не представляете, насколько это срочно!

Детектив с ключом в руке проскользнул мимо него к двери.

— Боюсь, как раз сейчас у меня масса работы. Вы просто не вписываетесь в мой график.

— Но вы должны меня выслушать, мистер Холмс! Моя жизнь в

опасности! Это ужасно важно!

— В самом деле? Знаете, я полагаю, что вашей жизни ничто не угрожает, даже в самой малой степени. Впрочем, *de gustibus non disputandum*.^[37]

Холмс распахнул дверь.

— Вы, наверное, затаили на меня обиду? — спросил Тависток, умоляюще сложив руки. — Это не имеет сейчас никакого значения! Готов заплатить любую цену, если вы согласитесь мне помочь.

— Еще раз повторяю: вы просите о невозможном.

— Я откажусь от своих предыдущих статей о вас, напишу опровержение! Вас будут восхвалять на каждом углу!

— Убирайтесь прочь, или вы сильно пожалеете!

Мой друг был непреклонен и повернулся к двери, собираясь войти.

— Мистер Холмс! — вскричал Тависток и схватил его за левое плечо, пытаясь задержать.

В следующее мгновение Шерлок перенес вес на другую ногу, развернулся и нанес журналисту мощный удар в скулу. Тависток упал на спину и остался лежать распростертый на тротуаре, хватая ртом воздух. Холмс немедленно вошел в дом и стал подниматься вверх по лестнице.

Мне очень хотелось последовать за ним, хлопнув дверью, которую он оставил для меня открытой. Но врачебный инстинкт взял верх, и я подошел к жалкому человечку, лежащему под нашими окнами.

— Похоже, у вас сломан нос. Вы способны встать?

Я протянул ему руку. Журналист сел, прислонившись к ступенькам.

— Я погиб, — выдохнул он, ища носовой платок в кармане.

— Возьмите, — предложил я свой. — Откровенно говоря, вы едва ли заслужили лучшего отношения после того зла, что нанесли Шерлоку Холмсу.

— Заслужил? Я действовал в интересах своей профессии, не более того, — проскулил Тависток, пытаясь остановить кровь, струящуюся из носа. — А теперь оказалось, что источник моей информации — порочный безумец, и мистер Холмс не согласится...

— Подождите минутку, — прервал я журналиста. — Вы ничего не говорили раньше о своем источнике, более того, чуть ли не присягнули ему на верность, а теперь называете безумцем?

— Я никогда не сталкивался прежде с таким отклонением от нормы. Понимаете, я следил за ним, шел до его дома...

— И что вы обнаружили? — осторожно спросил я.

— Там у него кругом склянки... О нет, об этом слишком противно

говорить. Меня выставят к позорному столбу. Я уничтожен, моя карьера закончена.

— Какая жалость, — сказал я, собираясь уйти. — Кстати, что заставило вас следить за своим поставщиком информации?

— Моя подозрительность. Боже милосердный, я бы дорого заплатил, чтобы безумная мысль гоняться за этим психом никогда не приходила мне в голову! Увы, мне вдруг так захотелось выяснить, откуда он добывает эти уникальные сведения... — Тависток стал всхлипывать, пачкая кровью рукав пальто. — Если злодей меня разыщет, то обязательно убьет, я знаю это!

— Когда вы встретились с ним?

— Прошлой ночью. Он зашел в редакцию, чтобы взять свои письма. Сказал, что полиция будет его преследовать, если обнаружит, что он общался с газетчиками.

— Полиция? — повторил я, стараясь не выдать голосом своей заинтересованности. — А она-то здесь при чем?

— Он констебль по имени Эдвард Беннетт. Вы не представляете, как это было ужасно, доктор Уотсон! Сохрани меня Боже... Я погиб.

Его голова безвольно упала на руки.

— Пойдемте.

— О, да благословит вас Всевышний, доктор Уотсон!

— Прекратите истерику и следуйте за мной.

Я поднялся по лестнице в нашу гостиную, ощущая вновь загоревшуюся в сердце искру надежды.

— Уотсон! — позвал меня Холмс, услышав, что я вошел. Он сбросил забрызганную грязью одежду и выглядел, как всегда, безупречно, лишь изредка потирая плечо. — Куда вы положили... Разрази меня гром! — прорычал он, увидев, кто стоит рядом со мной.

— Тависток назвал свой источник информации. Он знает, где живет Беннетт.

— Этот изверг сменил адрес, покинув свое жилище в Сити, — парировал Холмс, все еще что-то высматривая. — Если бы Беннетт этого не сделал, мне бы сейчас не пришлось выяснять, в каком банке он хранил деньги и где предпочитал покупать табак, обыскивать бывший кабинет мистера Беннетта и интересоваться его генеалогическим древом. На каминной решетке был окурок...

— Мистер Тависток знает, где Беннетт провел прошлую ночь. До того... как это случилось, — добавил я, запнувшись.

— Да вот же они! — Схватив коробок спичек, детектив зажег сигарету

и взглянул на газетчика с холодным презрением. — Какой интересный поворот событий! Видимо, вас одолело любопытство? Решили выяснить, какими исследованиями занимался Беннетт? Вы неотступно следовали за ним до самого дома, видели, как он вновь вышел из него, что, очевидно, восприняли как повод забраться внутрь. У вас ссадина ниже правого запястья — как раз там, где она и должна остаться у взломщика-любителя, проникающего в дом через окно, вместо того чтобы прибегнуть к отмычке. Воск дважды капнул вам на рукав. Значит, в доме вы зажгли огарок свечи и осмотрелись. Как я полагаю, ваш взгляд упал на один из трофеев Беннетта, и тогда его необыкновенная прозорливость стала вам более понятна. Красный рубец от горячего воска на тыльной стороне вашей ладони красноречиво свидетельствует, что ваша находка была весьма необычной. И вы в панике покинули жилище Беннетта. Я достаточно близок к истине?

Наш гость, широко раскрыв глаза, с благоговением уставился на сыщика:

— Все было как вы сказали... Бога ради, мистер Холмс, помогите мне. Пережить это выше человеческих сил.

Никогда не видел раньше такого отвращения во взгляде Холмса, и надеюсь, что больше не увижу. Однако это выражение быстро исчезло с его лица, и он медленно приблизился к нашему визитеру:

— Итак, мистер Тависток, я действительно собираюсь вам помочь. Вот мое предложение. Если вы скажете, где скрывается эта крыса, я не стану оповещать весь Лондон о том, что вы сообщник Джека Потрошителя, не буду добиваться вашего ареста за незаконное вторжение в чужое жилище и не выброшу вас из окна.

Лесли Тависток уставился на Холмса, разинув рот, и прошептал:

— Я не знаю, где он живет.

— Не понял вас, сэр, — очень тихо сказал Холмс.

— Я шел за ним, но не имел никакого понятия, где нахожусь. Все эти извилистые улочки и повороты...

— Мистер Тависток, — прервал его детектив, — сейчас вы расскажете обо всем, что запомнили, когда проследовали за Беннеттом до его жилища. И не забывайте, что перед вами человек, терпение которого на исходе.

Презренный трус повернулся к окну, спрятав в тень свое все еще кровоточащее лицо, и закрыл глаза в отчаянной попытке сосредоточиться.

— Это было темное, грязное место. Дома низкие и очень старые.

— Кирпичные или деревянные?

— Деревянные.

— Отдельно стоящие дома или коридоры, ведущие к многочисленным

входам, как в трущобах на Флауэр-энд-Дин-стрит?

— Там было много дверей и проходов. Только дом Беннетта располагался отдельно.

— Какие-нибудь склады?

— Нет, только эти жуткие жилища.

— Торговцы, рынки там были?

— Ничего такого.

— Какой-нибудь транспорт?

— Простите?

— Кэбы, кареты «Скорой помощи», возы с сеном, высокие двухколесные экипажи с местами для собак под сиденьями? — рявкнул Холмс.

— Никаких санитарных карет. Тележки были.

— Значит, это не рядом с больницей. Поездов не было слышно?

— Не припомню.

— Колокола не звенели?

— Да, мистер Холмс! — вскричал Тависток. — Я слышал звон колоколов. Очень близко, над самой головой.

— Тогда вы находились рядом с церковью Крайстчерч, далеко от железной дороги. Проходили мимо каких-то заметных объектов?

— Там был паб на углу с облупившимися позолоченными буквами над дверью и изображением девушки...

— Это «Принцесса Алиса» на пересечении Коммершиал-стрит и Уэнтворт-стрит. В какую сторону вы шли?

— Не помню...

— Паб остался справа или слева? — настаивал Холмс, сжав зубы.

— Справа.

— Вы сначала пересекли более узкую улицу на углу, где расположено это здание, или более широкую несколько дальше?

— Узкую, да, точно.

— Тогда вы шли на север. Вы и дальше направились этим путем?

— Насколько я помню, повернул направо.

— Проходили до этого мимо еще одного паба?

— Кажется, нет.

— Значит, вы не шли мимо «Квинз Хед», а были или на Трол-стрит, или на Флауэр-энд-Дин-стрит. Аптека на углу была?

— Нет, сэр. Кажется, конюшня.

— Лошадей видели?

— Да. Дом, в который он вошел, был один такой, с отдельным входом

и пространством перед ним. Он стоял слева по ходу.

— Тогда получается, что он живет или в доме двадцать шесть или двадцать восемь по Трол-стрит. — Сыщик сделал пометку в блокноте. — Итак, мистер Тависток...

— Что, мистер Холмс?

— Я предлагаю вам все это забыть. Я тоже постараюсь не вспоминать о вас. Ясно я выразился?

— Абсолютно понятно, мистер Холмс.

— А теперь, — сказал мой друг очень тихо, но я почувствовал, что его терпению приходит конец, — вон из моего дома!

Тависток выдохнул что-то невнятное и исчез.

— Холмс, — сказал я. — Это было удивительно.

— Чепуха, — ответил он, глубоко вдохнув табачный дым. — Элементарная цепочка умозаключений.

— Нет, даже не ваши выводы. Тот хук справа, что вы нанесли.

— А, это, — сказал он, глядя на костяшки пальцев, на которых появились синяки. — И впрямь удивительно.

Через некоторое время, когда мы зарылись в утренние газеты, устало потягивая горячий кофе, сильно приправленный спиртным, Холмсу пришла телеграмма. На тонкой желтой полоске бумаги было написано:

Новое убийство обнаружено на Миллерз-Корт в Спиталфилдзе. Никаких улик, позволяющих установить личность преступника. Завершено первичное медицинское обследование, причина смерти — перерезанное горло. Повреждения трупа слишком многочисленны, чтобы их перечислять. Орудие убийства, по всей вероятности, тот же шестидюймовый обоюдоострый нож. Сердце вырезано. Помогите нам всем, Господи.

Лестрейд

Моя рука непроизвольно сжалась в кулак, скомкав телеграмму. Я уронил бумагу в огонь. Когда я отвернулся от очага, в моих глазах стояла влага, и мне показалось, что выражение на лице моего друга, как в зеркале, отразило мое собственное.

Глава 30

Дар

Большую часть дня Холмс просидел в своем кресле совершенно неподвижно, если не считать незначительных усилий, потраченных на то, чтобы закурить трубку. Еще утром прекратился дождь, небо расчистилось от туч, о непогоде напоминала лишь грязь на Бейкер-стрит, летевшая из-под колес кэбов и тележек.

Ближе к вечеру появился посыльный с желтым листком бумаги. Взглянув на Холмса, я не понял, бодрствует он или заснул, побежденный страшной усталостью. Я слегка тронул его за плечо.

— Прочитайте мне вслух, Уотсон, будьте так любезны.

Телеграмма гласила:

Извини, Шерлок. Тут ничем нельзя помочь. У тебя полная свобода действий. Желаю удачи, мой дорогой. Майкрофт.

Мгновение Холмс молчал, рассеянно поглаживая плечо.

— Ну что ж, как видно, это окончательный ответ.

— Холмс, — спросил я уныло, когда он выбрался из кресла и позвонил, чтобы ему принесли обувь, — что значит «полная свобода действий»?

— Вынужден признаться: глава правительства попросил меня об одной небольшой услуге.

— Понимаю, — сказал я. — Нельзя ли узнать: задание, которое они хотят вам поручить, имеет криминальный характер?

Мой вопрос, похоже, сильно удивил сыщика, но он быстро пришел в себя.

— У нас уже было несколько дел, когда мы задерживали преступника, но закон оказывался целиком на его стороне. В этих случаях не оставалось ничего другого, как отпустить правонарушителя, поскольку мы действовали вне рамок британского правосудия. Сейчас у нас схожий случай.

— Значит, «свобода действий» — термин, используемый для того, чтобы принести извинения? — уточнил я.

— Мой дорогой Уотсон...

— Они больше не желают, чтобы мы арестовали этого безумца.

— Нет, — коротко ответил Холмс, подошел к письменному столу, в котором хранились наши револьверы, вытащил свой и сунул в карман. — Увы, совесть не позволяет мне рассчитывать на вашу помощь.

— Ясно. Возможно, вы и самоотверженны, но при этом одиноки.

— Я должен сделать то, что необходимо, но не вправе просить того же от вас. — Он прислонился к каминной доске и взглянул мне в лицо. Я молча ждал. — Они хотят, чтобы я убил его.

Я кивнул, без лишних слов выражая ему свое сочувствие.

— И вы пойдете на это?

— Не знаю, — мягко сказал он. — Логика, как видно, мне изменила. Еще одна неудача.

— Холмс, вы ни в чем не виноваты, — решительно заявил я. — Но вы сделаете то, о чем они просят?

— Полагаю, если заглянуть в дуэльный кодекс, этот негодяй дал мне достаточно поводов, чтобы его вызвать. А так просто я не в силах... Мой дорогой Уотсон, вы, конечно, не имеете ни малейшего желания быть замешанным в этом богопротивном деле?

Никогда прежде мне не доводилось видеть Шерлока Холмса столь преисполненным решимости и одновременно таким растерянным. И я даже помыслить не мог, что в этот критический момент брошу его на произвол судьбы.

— Как человек долга, я не имею права оставаться в стороне, — сказал я. — Если ситуация выйдет из-под контроля, возможно, этой ночью кому-то потребуется медицинская помощь.

Холмс мрачно улыбнулся и пожал мне руку. Распрямив плечи, он направился к двери и, сняв мою шляпу с крючка, бросил ее мне.

— У них веские аргументы: нельзя позволить извергу спокойно разгуливать по улицам, так что наша задача — как минимум лишить его свободы. Возьмите револьвер, но не думаю, что нам следует сегодня прибегать к маскировке. Для сыщика этот фарс с переодеванием, может, и имеет смысл, но для убийцы он попахивает мошенничеством. Я не имею права потерять за один день всякое уважение к себе. Утратив его, я и за новое дело не смогу взяться.

Мне мало что остается поведать читателю о нашей схватке с убийцей, известным как Джек Потрошитель. И все же продолжу свой рассказ, поскольку обстоятельства этого дела удивительны, а исход драматичен. Холмс, конечно, вправе порицать меня за желание всячески приукрасить свои истории, но он их читает, чтобы скоротать зимний вечер, когда

исчерпана вся хроника происшествий в газетах. Впрочем, я отвлекся, о чем мой друг никогда не забывает мне напомнить. Постараюсь придерживаться избранной темы.

Кэб довез нас до угла Трол-стрит, и мы оказались в густонаселенном районе, расположенном южнее печально знаменитой Флауэр-энд-Дин-стрит. Темно-синее вечернее небо было подернуто дымкой. По боковой улочке мы подошли к небольшому извозчиьему двору, где танцевали на ветру клочья бумаги.

— Думаю, именно здесь логово, о котором шла речь. — Детектив кивнул на дом с осевшей дверью и мерцающим желтоватым светом окном с дырами, закрытыми грязной бумагой. — Вы готовы, доктор?

Мой друг медленно подошел к неплотно притворенной двери и, просунув руку внутрь, отодвинул щеколду. Мы вошли в комнату.

У почти угасшего огня, жар которого все же согревал жилище, сидела древняя старуха. В первый момент я испугался, что ее хватит удар из-за нашего вторжения с оружием на изготовку, но одного взгляда на ее устремленные в одну точку мутные глаза было достаточно, чтобы понять: она абсолютно слепа.

— Кто вы? — спросила она. — Что вам здесь нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс, мэм, — ответил мой друг, осматривая комнату.

— Я вас не знаю. Наверное, у вас какое-то дело к моему сыну? Подойдите к огню, от него чудесное тепло. — Воздух в маленькой комнате был такой спертый, что дышалось с трудом. — Обычно я провожу время наверху. Девушка носит мне туда еду. Но ночью окна разбились, сами видите.

— В самом деле? — спросил Холмс.

— Мой сын закрыл внизу дыры бумагой, но на верхнем этаже требуется более обстоятельный ремонт.

— Надеюсь, ущерб не слишком серьезен.

— Едва ли такая мелочь способна по-настоящему расстроить Эдварда. — Она улыбнулась. — Кого-нибудь другого, может быть, но только не сына. Он у меня замечательный.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Эдвард дома, миссис Беннетт?

— Вышел на минутку. А кто с вами?

— Доктор Уотсон. Нам очень нужно поговорить с вашим сыном.

Стоя у двери, я осмотрел всю комнату. Грязная плита с горшками и сковородками, ветхая софа, книжные полки, забитые пыльными фолиантами и стеклянными банками. Среди книг разлегся старый

бесхвостый кот. Взгляд его желтых глаз быстро перемещался с Холмса на меня и обратно.

— Вам повезло, что разыскали здесь моего сына. После того как умер его отец, он живет в другом месте, в Сити. Но в последнее время частенько ночует у меня.

Холмс тоже заметил полки и приблизился к ним, оставив револьвер на столе. Когда мой друг взялся за банку, стоявшую рядом с котом, животное заорало хриплым жалобным голосом и спрыгнуло на середину лестницы.

— Не обращайтесь внимания на Адмирала, — рассмеялась старуха. — Он совершенно безобиден. Да и ему не стоило пугаться вас.

— Почему вы сказали, что кот не опасен?

— Ну, это понятно. У него ведь нет хвоста.

Мой друг аккуратно поставил банку на прежнее место, рядом с внушительными томами в красивых переплетах.

— Ваш сын, как видно, ученый, — заметил он.

Я пригляделся к очертаниям содержимого стеклянного сосуда и сделал для себя вывод: ужас, охвативший Лесли Тавистока, нетрудно понять.

— Вы друзья Эдварда?

— По роду службы мы тесно соприкасались в последние несколько недель.

— Понимаю. А я думала, вы хорошо знаете сына. Он не ученый. Все эти книги принадлежали моему покойному мужу.

— Его исследования никогда не интересовали Эдварда?

— Абсолютно. Честно говоря, трудно найти двух менее похожих друг на друга людей.

— Очень интересно. А мне казалось, что у отцов и сыновей обычно много общего.

Я не мог взять в толк, почему Холмса так увлек разговор с этой старой каргой, но успокаивающий тон его голоса и удушливая жара, стоящая в комнате, потихоньку вгоняли меня в сон.

— Я тоже слышала нечто подобное. Но здесь не тот случай. Муж действительно был ученым, как вы верно догадались. И обладал, в отличие от сына, весьма импозантной внешностью. Но человеком он был слабовольным.

— В каком смысле?

— Не умел обуздать себя. При жизни он доставил мне много страданий своей мягкотелостью.

— Но ведь про Эдварда этого не скажешь?

— О, нет! — гордо воскликнула она.

— Он учился в частной школе вдали от вас?

— Нет, к сожалению, здесь, неподалеку. Но это не имеет значения. Эдварду невозможно причинить боль — вот что важно.

— Боюсь, я не понял вас, мэм.

— Небеса благословили его так. Когда-то он плакал, когда был очень маленьким, но вскоре приобрел свой дар, и тогда настал конец его страданиям. Каждый день я молилась, чтобы он обрел силу, и вот, наконец, мое сокровенное желание сбылось. Ему было лет восемь, это был ужасный день: Адмирал тогда потерял часть хвоста. Но Эдвард обрел свой дар: он теперь не может страдать. Я иногда жалела, что не молилась и за Адмирала: обладай и он этим даром, избавился бы от многих мучений. Но как я вам уже говорила, это милое создание теперь ничто не беспокоит.

Она удовлетворенно рассмеялась и протянула руки к едва тлеющему огню.

Ее движение привлекло внимание Холмса к полному до краев углем ведерку.

— Есть у вас еще ящик для угля, миссис Беннетт?

— Нет. Мне достаточно и этого ведерка.

— Ваш сын наполнил его, прежде чем уйти?

— Вряд ли. Огонь пылал ярко. А если бы нам понадобился еще уголь, в подвале есть запас. Нужно только спуститься в этот люк под лестницей.

Холмс наклонился, чтобы дотронуться до пола, и отпрянул, словно обжегшись.

— Что он учинил?! — крикнул мой друг. — Уотсон, откройте дверь, быстро!

Детектив вытащил миссис Беннетт из кресла, и очень скоро мы, все трое, очутились под холодным ночным небом. Не успев сделать и пяти шагов от дома, мы услышали рев, словно море вышвырнуло корабль на берег: над нами прокатилась мощная волна, бросив меня на землю.

Наверное, несколько минут я был не в состоянии двигаться, впрочем, я вряд ли мог точно судить о времени. Слышал, как трижды повторили мое имя, каждый раз все более громко и настойчиво, но откуда-то издалека. По-видимому, лишь через несколько секунд я сумел сесть, но, когда мне это все же удалось, внезапно ощутил острую боль в боку.

Оглянувшись вокруг, я увидел, что двор залит мерцающим светом, и встретился глазами с Холмсом, который лежал в нескольких футах от меня и еще не успел встать с земли. Миссис Беннетт распростерлась на спине среди камней и не двигалась.

— Вы в порядке, друг мой? — с трудом проговорил Холмс.

— Кажется, да. — Я пополз в его сторону. — Холмс, вы не ранены?

— Ничего серьезного, — ответил он, опираясь на локти.

Тем не менее я видел при тусклом свете, что тонкая темная струйка сочится из его головы. Возможно, Холмс дотронулся до нее рукой, потому что и та была перемазана кровью.

— Что случилось?

— В подвале загорелся уголь. А когда вырвало крышку люка...

— Что, черт возьми, сотворил этот безумец? Он ведь уничтожил собственное убежище.

— Да, он это сделал. — Голос сыщика звучал глухо, как из бочки. — Из чего возможен только один вывод.

Дождаясь слов Холмса, я ощутил ледяной ужас.

— Дом ему больше не нужен.

На мгновение Шерлок закрыл глаза, словно впав в отчаяние. Потом взглянул на старуху.

— Миссис Беннетт? — спросил он, трогая ее за плечо. Остекленевшие глаза старой дамы были открыты, но она не откликнулась. — Миссис Беннетт, вы меня слышите?

Она слегка вздрогнула и спросила:

— Где мы?

— Произошел взрыв. Вы можете двигаться?

— Мне не хотелось бы, — пробормотала она.

— Тогда и не пытайтесь.

— Я вот гадаю, все ли в порядке с девушкой.

— О ком вы говорите? — спросил мой друг.

— Спокойно, Холмс, — прошептал я. — Ведь она сумасшедшая. Не надо ее волновать.

— О какой девушке вы говорите, миссис Беннетт?

— Не скажу точно, — вздохнула она. — У моего сына была подруга. Не знаю, чем они занимались: снизу плохо видно, что происходит наверху. Возможно, он хотел показать ей звезды через разбитое окно. Оттуда они выглядят по-другому.

Сыщик, пошатываясь, встал на ноги и направился к двери, которая, как я теперь видел, частично слетела с петель. Стены комнаты были охвачены оранжевым пламенем, из разбитого окна шел дым.

— Холмс! — крикнул я.

Мне потребовалось чудовищное усилие, чтобы встать. Мой друг обмотал лицо шарфом, но как только я приблизился, он повернулся и остановил меня, уперев руку в грудь, и крикнул, входя в пламя:

— Подойдите к окну!

Одного взгляда внутрь дома оказалось достаточно, чтобы понять: Холмс был совершенно прав. Что бы он ни обнаружил наверху, обратно тем же путем возвратиться он не сможет. Я осмотрел двор в поисках лестницы, но не нашел ничего, кроме жалкой бочки для воды, и с трудом дотащил эту ржавую рухлядь до проулка с другой стороны дома.

Здесь мне повезло: помимо бочки, в моем распоряжении оказалось несколько тюков сена. Я внезапно вспомнил, как будто это случилось в другом десятилетии, — слова Холмса о том, что рядом с местом, где Потрошитель сочинял одно из своих писем, должна быть конюшня. Я видел окно с выбитыми стеклами, из которого высоко над моей головой вздымались клубы пламени, и водопроводную трубу, идущую вдоль здания в большую цистерну в соседнем дворе. Швырнув рядом с бочкой пару тюков сена и поместив сверху еще один, так что получилось некое подобие лестницы, я взгромоздил на эту кучу бочку, пытаясь не обращать внимания на мучительное жжение в боку.

Через мгновение голова моего друга появилась в окне наверху.

— Труба, Холмс! — закричал я. — Единственный путь!

Он исчез. Шли секунды, которые тянулись, как часы. Я отчаянно старался не свалиться с бочки, сам не знаю почему. Прислонившись к стене, кое-как сохранял равновесие. В голове крутилась безумная мысль: «Если ты устоишь, ему удастся вылезти».

Наконец Холмс показался вновь. Вокруг его шеи было что-то обвязано. Мой друг высунул из окна голову и плечи и едва сумел, вытянув руку, достать до водопроводной трубы. Уцепившись за нее, он выбрался из дома, прыгнул на бочку для воды, а оттуда на землю. Я впал в какое-то оцепенение и даже не помню, удивился или нет, когда обнаружил, что с плеч Холмса безвольно свисает тело мисс Монк.

Я нащупал и распутал узел, сцепивший ее руки. Они были связаны шарфом Холмса. Когда я аккуратно уложил на землю Мэри Энн, ее голова откинулась назад. На шее не было никаких следов.

— Она жива? — спросил, задыхаясь, сыщик.

Сначала я не был в этом уверен, поскольку не слышал дыхания, но потом обнаружил едва заметный пульс.

— Жизнь в ней еле теплится, кажется, она находится под воздействием наркотиков. Холмс, ради всего святого, ложитесь на спину и глубоко дышите. Вы наглотались дыма.

Он прислонился к стене.

— Удивительно, — с усилием выдохнул он. — Мне всегда казалось,

что я невосприимчив к угару.

Я рассмеялся и вдруг почувствовал зуд чуть ниже затылка. Потрогал шею рукой и обнаружил запекшуюся кровь.

— Холмс, надо убираться отсюда. Дом все еще горит.

— Тогда давайте... — начал Холмс, и тут его глаза уставились в какую-то точку позади меня.

— Не ожидал, что вы окажетесь здесь, — произнес негромкий голос.

Я повернулся, собираясь встать, но упал на камни рядом со своими друзьями.

— Подвал залит керосином. Я сказал маме, что окно разбито и надо спуститься вниз, — задумчиво продолжал Эдвард Беннетт, которого я помнил еще со дня похорон Элизабет Страйд, хотя ощущение у меня было такое, словно они проходили сто лет назад в какой-то другой стране. — Но как вам удалось так быстро разузнать о пропаже девушки? К вашему прибытию все уже должно было сгореть дотла.

— Тависток указал нам это место, — сказал Холмс, хватая ртом воздух.

— А, понимаю. Теперь ясно, кто разбил окно. Он был мне очень полезен. Смышленный человек. Конечно, не такой умный, как вы, мистер Холмс.

— Да, пожалуй.

— Вы единственный, кто был способен помешать мне, — заметил Беннетт. Его лицо и весь облик были поразительно, обезоруживающе нейтральны. Светлые волосы и необычайно грустные голубые глаза. Даже сейчас, когда он стоял так близко, я вряд ли сумел бы толком описать его внешность. Не исключено, конечно, что мои органы чувств еще не пришли в норму. — Если помните, я принимал участие в расследовании дела барона Рамсдена. Отсутствующий клочок газона. Грегсон не увидел того, что заметили мы с вами. Конечно, вы тогда обманули его, как и всех. Наверное, считаете себя высшим судьей? Поразительная заносчивость! Не выношу самонадеянности. Признайтесь, что вы солгали.

— Никак не возьму в толк, о чем вы говорите, — холодно сказал Холмс. — К тому же дым закрыл мир вокруг нас.

— Я не могу вам позволить долго оставаться в нем. Какая жалость!

— Ваша мать...

— О, я смотрю, и ее вынесли наружу!

Лицо Беннетта приняло новое, невероятно жестокое выражение: рот изогнулся и застыл в злобной гримасе. Весь его облик теперь был воплощением ненависти. На нас взирал тот, кто написал в письме: «Из

ада». Правда, через мгновение гримаса исчезла.

— Вы пытаетесь отвлечь мое внимание, но вам это не удастся, мистер Холмс. Теперь вам все ясно.

— Нет, — проговорил сыщик сквозь приступ кашля. — Я никогда не претендовал на то, чтобы понять вас.

— Бросьте. Вы знаете гораздо больше, чем я рассчитывал.

— Мне, например, трудно себе представить, зачем вы убили Марту Тэйбрам.

— Марта Тэйбрам? — переспросил он удивленно. — Да, припоминаю. Самая первая девушка. Она шла по улице, вся в крови, и кричала. Мне еще это что-то напомнило. — Беннетт замолчал, погружившись в раздумья. — Они все вызывали у меня какие-то смутные воспоминания. Эта девица орала во всю глотку, и я заставил ее умолкнуть. А последняя девчонка — когда вы не дали мне поработать на улице — пела, а потом вдруг стала кричать. Я ее тоже успокоил. А теперь, мистер Холмс, пора прекратить разговоры.

Мне было чрезвычайно трудно сконцентрировать внимание. Веки сами по себе опускались: стоило больших усилий раскрывать глаза снова.

— Вы глупец, — пробормотал Холмс ужасным, скрипучим голосом. У моего друга еще не восстановилось нормальное дыхание. — Очень скоро полиция...

— Я вовсе не дурак, а полиция — жалкая кучка слабоумных, — перебил его Беннетт. — Уж поверьте, мне это хорошо известно. Бегают по кругу, нелепые, как муравьи. Вспомните хотя бы то послание, что я написал мелом на стене. И что они сделали? Стерли его. — Он рассмеялся. — Я предполагал, что так и будет, но не был уверен, пока не попробовал. Хотел оставить о себе весточку и в Датфилдз-Ярде, рядом с залом, где собираются эти евреи. Было бы интересно взглянуть, какая поднимется суматоха. Но и в тот раз вы явились слишком быстро и помешали.

Беннетт вытащил нож из кармана пальто.

— Не хочется так все заканчивать, мистер Холмс, но, боюсь, у меня нет выбора. Надо уходить, сами понимаете. Да и в Лондоне уже нельзя оставаться. Обещаю, вам не будет больно. Тем женщинам я тоже не хотел причинить лишних страданий, — тихо сказал он, медленно наклоняясь к нам.

Один за другим прозвучали два револьверных выстрела. Беннетт рухнул на землю, рядом с ним задребезжал нож. Лезвие блестело в свете пламени, озарявшего окно наверху. Я взглянул на оружие в своей руке и подумал: «Надо бы его вычистить». А вслед за тем ощутил, что падаю, так

же, как Беннетт. И мир померк в моих глазах.

Глава 31

С уважением от Скотланд-Ярда

Я проснулся в своей комнате и увидел за окном платан в свете бледного ноябрьского дня. В замешательстве потрогал бинт на голове. Сильно хотелось есть. Где-то играли на скрипке.

Когда я сделал попытку привстать, обжигающая боль разлилась в левом боку. Я осторожно ощупал его кончиками пальцев. Повязки там не было, только компресс: наверное, сломано ребро, а может быть, и два. Опираясь на локоть, я медленно приподнялся и сел на край постели. Совершив этот подвиг, я тут же увидел, что он был совсем не нужен: рядом на столике поверх свежего номера «Лондон Кроникл» лежал колокольчик — достаточно было протянуть руку.

Сразу же бросился в глаза заголовок — «ГЕРОИЧЕСКОЕ СПАСЕНИЕ».

В результате удивительного и драматического развития событий бесстрашный частный детектив Шерлок Холмс совершил настоящий подвиг. Неослабное рвение, проявленное им при расследовании уайтчепелских убийств, в свое время вызвало необоснованные сомнения в его деятельности. На днях ужасный пожар, разгоревшийся в подвале дома на Тролл-стрит, быстро привел к разрушению всего здания. Это событие неминуемо стало бы причиной многих бед, если бы поблизости не оказались мистер Холмс со своим компаньоном и биографом доктором Джоном Уотсоном. Проявив доблесть и мужество, мистер Холмс вытащил из этого ада двух женщин, одна из которых находилась в беспомощном состоянии на верхнем этаже. Подобные рыцарство и отвага особенно впечатляют в нынешние времена, когда женщины этого района Лондона имеют столь много причин для страха и уныния. И мистер Холмс, и доктор Уотсон стойко перенесли серьезные ранения. Хотя обе дамы, которых они спасли, были живыми доставлены в больницу, старшая из них, миссис Беннетт, к сожалению, скончалась от ран. Пожарные,

которыми все мы привыкли восхищаться, вскоре умело погасили огонь. На пепелище была обнаружена еще одна жертва — бывший офицер Скотланд-Ярда мистер Эдвард Беннетт, по-видимому, скончавшийся от обширных ранений грудной клетки, полученных в результате взрыва, вызванного внезапным перемещением огня из подвала в первый этаж здания. Без сомнения, мистер Беннетт хотел удостовериться, что его мать находится вне опасности. Мы очень надеемся, что выздоровление мистера Холмса пойдет быстро и вскоре он вновь сможет направить свою энергию на защиту жителей Лондона, благодаря чему и успел прославиться.

Откинув голову назад, я от души посмеялся над этим отчетом, хотя вынужден был сдерживать смех, когда боль в ребрах стала нестерпимой. Положив газету на место, я встал с постели. Попытка одеться стала для меня таким тяжким испытанием, что я отказался от этой идеи, сумев лишь натянуть брюки, и как был, в халате, вышел из спальни.

Шерлок Холмс, взгромоздившись на край письменного стола, импровизировал на тему Паганини. Сам оригинал с трудом прослеживался, настолько виртуозной была игра на скрипке. Увидев меня, великий сыщик соскочил со стола, и струны прозвучали победным аккордом, перешедшим в ликующие фанфары.

— Хвала Всевышнему! Мой дорогой, я неописуемо рад, что вы встали с постели!

— Я тоже счастлив вас видеть.

— Необходимо срочно уволить сиделку. Она ужасно раздражает меня последние два дня: бубнит утешительные пошлости и насвистывает в неправильной тональности популярные мелодии.

— Тогда я рад, что не просыпался до этих пор.

— Вам необходимо набраться сил, — строго сказал Холмс. — У вас была контузия и, по словам доктора Эгера, сломано несколько ребер.

— Я того же мнения. Прочитал, что и вы серьезно ранены.

Однако Холмс выглядел вполне здоровым, если не считать кругов под глазами и небольшого пореза на руке.

— Так вы видели статью в газете? Лесли Тависток демонстрирует рабское подобострашие, но правдивость никогда не входила в короткий список его достоинств.

— Верно сказано. Он, в частности, утверждает, что Эдвард Беннетт погиб в результате взрыва.

— Ну, эту ложь ему внушил Лестрейд.

— Вот как? — удивленно пробормотал я.

Шерлок внимательно посмотрел на меня.

— Присядьте, мой дорогой друг. Взрыв, хотя и нанес вам вред, в конечном счете сыграл добрую службу. Коллекция Беннетта сгорела. Я это знаю точно: все обыскал, но не нашел ничего.

— Миссис Беннетт мертва, — задумчиво сказал я. — А ее сын...

— Его уже похоронили, — быстро сказал мой друг. — Он обратился в прах, откуда и возник. Не осталось никаких следов человека, которого мы называли Джеком Потрошителем.

— Даже не верится, что с ним покончено.

— Нужно время, чтобы привыкнуть к этому. Вы пришли в себя всего-то каких-нибудь десять минут назад.

— Похоже, правду об этом деле будут знать только пять человек, если не считать членов правительства Великобритании.

При этом моем замечании веселые огоньки в глазах Холмса померкли.

— Сейчас таких людей четверо.

— Пятеро! Мы с вами, Лестрейд, Данлеви и мисс Монк.

Взгляд моего друга внезапно уперся в потолок. Челюсть Холмса двигалась, но заговорил он не сразу.

— Нас четверо. Боюсь, что мисс Монк не в себе.

— Что вы хотите сказать? — закричал я. — Ведь она осталась жива!

— Успокойтесь, мой дорогой Уотсон.

— В статье ничего не говорится...

— Беннетт опоил ее наркотиками, чтобы увести в дом своей матери. Судя по всему, он встретил ее в пабе, добавил зелье в питье и под предлогом опьянения вывел мисс Монк наружу. Доза опиума, которую она приняла, в сочетании с вредными продуктами горения и нервным стрессом оказали сильное воздействие на ее психику.

— Только не называйте ее...

— Прощу вас Уотсон, не травите себе душу. Мисс Монк не сумасшедшая, но в ее памяти возникли провалы. Она узнаёт многих своих знакомых, хорошо понимает собеседника, но стала очень молчаливой и часто смущается.

Мы с Холмсом сполна натерпелись от Потрошителя. Но эта новость ошеломила меня как ничто в жизни.

— Ужасная несправедливость! — прошептал я дрожащим от волнения

голосом. — Где она сейчас?

— Вчера мисс Монк вышла из больницы и сейчас живет в семье мистера Ласка. У них нашлась для нее свободная комната.

— Они собираются распространить на нее свою благотворительность?

— Вовсе нет. Это я все устроил.

— Наверное, вы ощущаете свою ответственность? Впрочем, я не вправе вас ни в чем винить.

До сих пор не возьму в толк, зачем я сказал это. Непростительное замечание. Холмс не ответил, да и что он мог сказать? Мой друг лишь сцепил пальцы и закрыл глаза.

— Ради бога, простите меня. То, что вам удалось совершить, — настоящее чудо. Вы не могли... Холмс, прошу вас, не убивайтесь так.

Мой взгляд случайно упал на приставной столик. Шприц лежал там, куда он выпал из неловких пальцев Холмса, а бутылочка семипроцентного раствора кокаина, обычно закрытая в ящике буфета, стояла пустая на видном месте. Рядом лежал большой конверт. Он имел красивую печать с рельефным гербом — такие ставят в государственных учреждениях.

— Кто прислал вам это письмо, Холмс? — спросил я, чтобы сменить тему, все еще ощущая боль в сердце.

— Ерунда. Причуда моего брата. Ему вдруг взбрело в голову, что я заслуживаю рыцарского звания.

— Но ведь это замечательно! — обрадовался я. — В Англии нет человека более достойного такой чести, чем вы. Мои искренние поздрав...

— Я отказался.

Мой друг поднялся с места, чтобы набить табаком трубку.

Я глядел на него не в силах поверить сказанному.

— Вы отказались от рыцарского звания...

— Не прикидывайтесь тупицей. Я же сказал, что отверг эти почести, причем, в весьма вежливой форме, — и хватит об этом.

— Но, боже правый, почему? Вы фактически в одиночку загнали в капкан самого ужасного в современной британской истории преступника, и никто даже не узнает об этом. По меньшей мере, вы заслужили...

— Если бы я, руководствуясь какой-то непонятной мне логикой, счел себя достойным рыцарского звания, я бы, без сомнения, принял его, — сердито сказал детектив. Потом добавил, уже более мягко: — Я сказал Майкрофту, что подобной чести заслуживаете скорее вы, и весьма красноречиво отстаивал свою точку зрения. Но, увы, он меня не услышал.

Холмс достал часы:

— Сейчас четверть первого. В половине третьего мисс Монк будет в

двух шагах от нас, у доктора Эгера. Я договорился, что она пройдет у него курс лечения. Эгер считает, что Мэри Энн выздоровеет. Почему бы не сходить повидаться с ней, если вы достаточно окрепли? Уверен, что это доставит ей удовольствие.

— И мне тоже. Вы пойдете со мной?

— Только в том случае, если нужна моя помощь. Увы, мисс Монк не узнаёт меня. — Холмс смахнул шприц и бутылочку в просторный карман халата. — Несомненно, Данлеви тоже придет туда. Он просто одержим ею, настоящий маньяк.

— Большинство людей назвали бы это любовью.

— Ваша теория имеет свои достоинства. Но, мой дорогой Уотсон, вы, наверное, умираете от голода? — Распахнув дверь, он вышел на лестничную площадку. — Миссис Хадсон, будьте так любезны, холодный обед на двоих и бутылку кларета! — Я услышал раздавшееся внизу радостное восклицание и последовавшие за ним уговоры. — Дорогая, не сердитесь, что я давеча отослал обед назад.

Я улыбнулся: голос миссис Хадсон звучал все с большей силой и убежденностью.

Холмс вздохнул.

— Через минуту вернусь, Уотсон. Думаю, это именно тот случай, когда капитуляция — наивысшая доблесть.

Спустя три недели пронырливые газетчики и другие охотники за сенсациями покинули наконец жилище Мэри Келли — последней проститутки, ставшей жертвой Джека Потрошителя. Вечером падал снег. Я неторопливо спустился по лестнице и вышел на улицу. Морозный воздух покалывал щеки и бодрил. Я постучал в дверь дома Эгера, и меня впустили в безупречно чистый вестибюль. Если бы даже я не знал, куда идти, раскаты веселого смеха, доносившиеся из кабинета врача, указали бы мне правильное направление. Толкнув дверь, я увидел мисс Монк, оживленно беседующую с доктором Эгером. Рядом с ней на софе восседал Стивен Данлеви. Мельком добродушно посмотрев на меня, он вновь устремил взор на предмет своей привязанности.

— И вы всерьез утверждаете, что это лечение от истерии? — спросила Мэри Энн, недоверчиво хмурия брови. ^[38]

— Не в этой клинике, уверяю вас, — со смехом сказал Мур.

— Догадываюсь, что такие методы многим нравятся, но в Уайтчепеле это обходится гораздо дешевле. Доктор Уотсон! — воскликнула юная особа, вскакивая с места и хватая меня за руку. — Вам приходилось лечить

женщин от истерии?

— Не от такой, как у вас, — ответил я, а она села на место. — Выглядите теперь намного лучше, чем раньше. Искренне поздравляю, как и вашего доктора, прокладывающего новые пути в медицине.

— Она, по существу, сама делает всю работу, а я лишь наживаю себе добрую репутацию, — улыбнулся доктор Эгер. — Весьма позорное занятие, но очень часто врачебная карьера делается именно так.

— Утверждая это, вы оказываете себе плохую услугу, — заметил журналист. — Доктор Уотсон прав, и я, пользуясь случаем, хочу сказать, что еще никому в жизни не был так благодарен, как вам. Если не считать мистера Холмса, конечно, — добавил он, бросив взгляд в мою сторону.

— Как поживает мистер Холмс? — поинтересовался Мур.

Я не сразу нашел, что ответить, но Мэри Энн меня опередила:

— Скажу еще вот что. Он, похоже, думал, что я совсем спятила: все забыла в одно мгновение. Смотрел на меня как на стул или другой предмет мебели.

— Ах вот как, — улыбнулся я.

— Да, я действительно была на грани помешательства. Но он очень помог мне.

И тут я порадовался про себя, что она взглянула не на доктора Эгера, а на Стивена Данлеви — открыто и определенно.

Держа шляпу в руке, я объявил:

— Хотел лишь поприветствовать вас. Холмс с радостью узнает, что мисс Монк в добром здравии.

— Он по-прежнему живет в одной квартире с вами? — спросил доктор.

— Пока да, — ответил я. — Но собирается съехать.

— Думаю, он так и поступит, — заверил меня доктор Эгер. — Но у него останется превосходный лечащий врач.

С непонятным мне самому раздражением глядя на свою входную дверь, которая вовсе этого не заслуживала, я повернул ключ в замке. В этот вечер я вовсе не рассчитывал добиться откровенности от Холмса, погруженного в черную меланхолию и, к моему величайшему огорчению, поддерживающего свое существование чаем, табаком и наркотиками. Едва я успел открыть дверь в нашу гостиную, как споткнулся о ногу инспектора Лестрейда, который явился чуть ранее и сидел напротив Холмса с наигранно веселым видом.

— Выглядите гораздо лучше, чем когда я видел вас в последний раз, и

я искренне этому рад! — воскликнул он, трясая мою руку.

Холмс помахал нам из своего кресла и бросил изящным жестом спичечный коробок чопорному, как всегда, инспектору.

— Сигары на приставном столике, виски в графине.

— Благодарю вас.

— Значит, вы были там в ту ночь? — напомнил я Лестрейду.

У меня оставались вопросы, и я желал их задать, не смущаясь присутствия Холмса. Лучше уж выяснить все у инспектора, чем заставлять своего друга вновь переживать мучительные воспоминания, спрашивая, как нам все же удалось спастись.

— Конечно, — с готовностью ответил Лестрейд. — К тому времени как прибыла пожарная команда, мистер Холмс перенес вас и мисс Монк во двор. Там вы были в безопасности — по крайней мере, временно. Потом вас двоих отвезли в лондонскую больницу. Мистер Холмс предупредил полицию, что рядом со зданием лежит труп. Констебли немедленно вызвали меня, и я был совершенно ошеломлен, обнаружив, что это тот самый человек, которого мы разыскивали всю предыдущую ночь.

— Я прочитал, что он пострадал при взрыве.

— Именно так, — прокашлялся инспектор. — Мне удалось быстро отправить этого изверга в морг. Коронер не собирался оспаривать мое мнение, что при взрыве осколки стекла нанесли Беннетту смертельные раны. Конечно, мы продолжаем расследование убийства.

Холмс, который до этого разглядывал плед из медвежьей шкуры, увидев испуг на моем лице, живо подал голос со своего кресла:

— Речь идет не о вас, мой дорогой Уотсон. Впрочем, это едва ли следует считать обычным убийством. Лестрейд говорит о Мэри Келли.

— Да, понимаю, — сказал я с облегчением.

— Трудно вести следствие по этому делу, зная, что вы уже послали ее убийцу в ад, — безмятежно сказал Лестрейд, потягивая бренди. — Но обязанность Скотланд-Ярда — внушить жителям Лондона чувство безопасности.

— Это трудное дело, не завидую вам, — мрачно сказал сыщик. — Нужно, чтобы прошло какое-то время: лишь тогда люди поверят, что Потрошителя больше нет.

— Напротив, на этот счет в Скотланд-Ярде ходят слухи: мол, Шерлок Холмс не стал бы без причины входить в горящее здание.

Мой друг, казалось, растерялся.

— Эта идея несет в себе большую потенциальную опасность.

— Если вы думаете, что я буду бороться с этими сплетнями, разочарую

вас, — сказал Лестрейд. — Я сталкиваюсь по работе со многими инспекторами. Они полагают: если им известно что-то об этом деле, я у них в кармане. Я, конечно, ничего им не сказал. Но если они вдруг выскажут предположение, что именно вы, мистер Холмс, покончили с этим выродком, я, возможно, дружески подмигну им и пожму руку.

Мой друг негодуяще привстал в кресле.

— Послушайте, мистер Холмс, взгляните на ситуацию хоть на минутку с моей точки зрения. Мы знаем, что Беннетт ненавидел полицию и те принципы, которым она служит. Каким бы безумцем ни был Беннетт, он совершал невероятно изощренные злодеяния, выставляя полицейских идиотами, уж не знаю почему. И надо сказать, он преуспел бы в этом, если бы не вы, мистер Холмс. У меня нет на этот счет ни малейших иллюзий. Вы блестяще выполнили свою работу, и чем больше людей в Скотланд-Ярде догадаются об этом, тем лучше. Весь Лондон у вас в неоплатном долгу, и я не ударю палец о палец, чтобы сохранить это в тайне.

— Правильно! — воскликнул я.

Лестрейд встал.

— Мы, инспекторы, сами взяли на себя обязанность вручить вам знак нашей признательности. Конечно, ваш старый портсигар достаточно хорош, но, надеюсь, и этот вам послужит.

Мой друг открыл маленькую коробку, которую передал ему Лестрейд. Внутри лежал красивый серебряный портсигар с монограммой Холмса, под которой была выгравирована надпись: «С уважением от Скотланд-Ярда, ноябрь 1888 года».

Холмс слегка приоткрыл рот, но не произнес ни звука.

— Спасибо, — наконец выдавил он.

Лестрейд кивнул.

— Для нас большая честь сотрудничать с вами, мистер Холмс. Что ж, я сказал все, что хотел. Мне пора идти.

Инспектор решительно направился к двери, но у входа остановился:

— Надеюсь, к вам можно будет обратиться, если произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее?

— В последнее время я был не слишком склонен братья за какие-либо дела, — задумчиво сказал мой друг, — но сами знаете: если будет нужна помощь, обращайтесь.

Лестрейд улыбнулся.

— Я всегда говорил: ваше главное достоинство состоит в том, что вы иногда ненароком натываетесь на истину... Что ж, уже поздно. Не смею вам больше докучать.

Он уже вышел за дверь, когда мой друг позвал его:

— Лестрейд!

Голова инспектора вновь появилась в дверях:

— Да, мистер Холмс?

— То дело об ограблении дома в Хаунслоу: совершенно очевидно, что там не было кражи со взломом. Вам следует арестовать племянника.

Инспектор буквально расплылся в улыбке.

— Я дам знать кому нужно. Спасибо за совет. Доброй ночи, мистер Холмс.

Детектив поднялся с кресла и отодвинул занавеску на полукруглом эркере. Воздух за окном был бодрящий и чистый, ветер стих. Холмс взглянул на меня:

— Как вы посмотрите на прогулку по Лондону?

Я осторожно улыбнулся:

— Мы будем гулять молча или обсуждать каждого пешехода?

— Оставляю это на ваше усмотрение.

Я обдумывал предложение Холмса.

— Ваши умозаключения всегда представляют для меня величайший интерес.

— В таком случае мне не остается ничего другого, кроме как оттачивать свои навыки.

— Надеюсь, ужин на двоих предусмотрен?

— Почему бы и нет? Если согласны, жду вас внизу. «Потемки, ад, кентавры, серный камень преисподней».^[39]

— Мой дорогой друг, вряд ли Шекспир предназначал эти слова для описания вида из нашего окна. В конце концов, он не имел возможности любоваться этим пейзажем.

— Думаете, нет? — улыбнулся Шерлок Холмс. — Тогда вам придется делать это вместо него, тем более что и вы имеете явную склонность к трагическому. Дайте мне знать, когда сочините еще что-нибудь замечательное. Пойдемте, друг мой.

И он спустился вниз по ступенькам.

Выражение признательности

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить своих родителей, Джона и Викки Фарбер, чей интерес к литературе вообще и к тайнам Шерлока Холмса в частности привел к тому, что я набралась дерзости сочинить эту историю. Их заслуга также состоит в том, что благодаря их невероятно доброму отношению ко мне я имею наглость думать, будто способна сделать все, что бы ни задумала. Важную роль в моем становлении сыграл также мой покойный дядя Майкл Доббинс, который однажды дал десятилетней девочке свой экземпляр «Приключений» и «Возвращения» в твердом переплете из красной замши. Мне очень не хватает дяди, и я помню о нем.

Заслуга в появлении «Хореографа боя» и «Президента департамента любви ко всему, что пристойно» принадлежит Джонни Фарберу. Брат — мой первый редактор и сотрудник, я ему обязательно заплачу, чего не могла позволить себе раньше. Всем сердцем благодарю своего нынешнего редактора Керри Колен и весь коллектив издательства «Саймон энд Шустер», включая Викторию Мейер, — благодаря их таланту появилась эта книга. Керри разбила вдребезги мои смутные представления о том, что такое редактор. Она была неизменно доброжелательна, но требовательна. Я не могла и мечтать о более чутком и нелицеприятном руководителе.

Увлеченность работой Дэна Лазара — это золотой стандарт для всех агентов. Не знаю, спит ли он когда-нибудь, а если и спит, то не больше, чем Шерлок Холмс. Джош Гетцлер из литературного агентства «Райтерс Хаус» был первым, кто положил глаз на мою книгу и у кого появилось желание что-нибудь с ней сделать. Они оба были невероятно добры ко мне, а Дэн — так тот просто заслуживает медали.

Моя любовь ко всему, что связано с Шерлоком Холмсом, имеет глубокие корни, но несколько исследователей необходимо выделить особо. Издание Уильяма С. Баринг-Гулда с комментариями явилось для меня бесценным исходным материалом: оно содержит многочисленные выдержки из работ светил, писавших о Шерлоке. Ответы на самые разнообразные вопросы я нашла также в «Новом Шерлоке Холмсе с комментариями» Лесли Клингера. Я очень благодарна ему за эрудицию, как и всем авторам, цитируемым в его работе.

Моя огромная благодарность Фонду наследия дейм Джин Конан Дойл, и особенно его представителю Джону Лелленбергу за их неоценимую

помощь. Для меня, давней поклонницы всего, что связано с Шерлоком Холмсом, благословение фонда — великая честь. Я питаю огромную любовь и уважение к персонажам сэра Артура Конан Дойла, поэтому поддержка фондом моего проекта значит для меня так много. Кроме того, я в долгу перед почитателями Шерлока Холмса во всем мире, чье великодушие и искренний энтузиазм не перестают изумлять меня. Они разделяют свою судьбу с моей — именно в этом заключается смысл сочинения новых историй о Великом Детективе. Как сказал Джон Ле Карре: «Никто не пишет о Шерлоке Холмсе без любви к нему».

Существует множество ученых, занимавшихся историей Джека Потрошителя. Я проработала их исследования, чтобы написать эту книгу, и они заслуживают много большего, чем мои благодарности. Если быть более конкретной (а точность здесь необходима), Стюарт Эванс — единственная причина того, что эта книга не содержит серьезных ошибок, а если какие-то огрехи и остались — это целиком моя вина. Мне очень помогли разобраться в этих все еще терзающих душу преступлениях Дональд Рамбеллоу, Мартин Фидо, Пол Бегг, Кит Скиннер, Филип Сагден, Стивен Найт, Филип Ролинз, Питер Андервуд, Питер Вронски, Скотт Палмер, Роджер Уилкс, Патриция Корнуэлл, Джеймс Мортон, Харольд Шехтер, Ян Бондесон, Колин Уилсон, Эндрю Мондер, Брайан Марринер, Пол Х. Фелдман, Мелвин Харрис, Пол Уэст, Питер Костелло, Натан Браунд, Максим Якубовски, Эдуардо Дзинна, а также архивные газетные отчеты с обширного сайта www.casebook.org

Я хотела бы поблагодарить служащих ресторана «Остерия Лагуна» в Нью-Йорке. Он воодушевлял меня и стал первопричиной целой серии событий, без которых я никогда не написала бы эту книгу.

И в заключение — моя благодарность Габриэлю. Ты вдохновляешь меня. Твоя готовность расширить сферу возможного заставляет меня бороться. Спасибо тебе за веру в эту книгу.

notes

Примечания

1

Сэр Артур Конан Дойл был так впечатлен величиим Рейхенбахского водопада, что сделал его декорацией к одной из самых эффектных сцен детективов о Шерлоке Холмсе. Здесь якобы погиб великий сыщик, врукопашную сражаясь с гением преступного мира, воплощенным злом — профессором Мориарти. Но, как мы знаем, к счастью, Шерлок Холмс остался жив. Рейхенбахский водопад услужливо предоставил ему свои уступы и не дал сорваться в водную пучину. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.)*

2

Группа уличных мальчишек, снабжавших Холмса информацией (*прим. автора*).

3

Ричард Оуэн (1804–1892) — английский зоолог и палеонтолог.

4

Большой концертный зал в Лондоне. Построен в 1867–1871 годах и назван в память принца Альберта (1819–1861), супруга королевы Виктории.

5

Образцовое здание, построенное из филантропических соображений в середине 1870-х на западной стороне проулка Джордж-Ярд.

6

Frying Pan Alley (*англ.*) — аллея в Восточном Лондоне.

7

Согласно христианскому вероучению, часть заповедей Иисуса Христа, произнесенных им во время Нагорной проповеди и дополняющих Десять заповедей Моисея.

8

Уильям Берк и Уильям Хейр продали в 1827–1828 годах трупы своих семнадцати жертв Эдинбургскому медицинскому колледжу. Следствием этих убийств стала легализация предоставления трупов медицинским учреждениям (*прим. автора*).

9

В то время комиссар лондонской полиции, чьи действия во время «Кровавого воскресенья» — беспорядков на Трафальгарской площади в 1887 году — вызвали осуждение либералов (*прим. автора*).

10

Она летит на собственных крыльях (*лат.*).

11

Мы только прах и тень (*лат.*) — Гораций, «Оды», IV, 7, 13–16, пер. А. Семенова-Тян-Шанского.

12

Бетлемская (Бедламская) королевская психиатрическая больница.
Основана в Лондоне в 1547 году.

13

Густой, загрязненный туман (*прим. автора*).

Месмеризм (животный магнетизм) — теория немецкого врача и астролога Фридриха Месмера, в настоящее время отвергнутая наукой. Френология — псевдонаука о связи психики человека и строения поверхности его черепа. Краниометрия — совокупность приемов измерения черепа, предназначенных для изучения вариаций его строения.

Жан-Мартин Шарко — французский невролог, чьи исследования гипноза и истерии проложили новые пути в быстро развивающихся направлениях психологии. Зигмунд Фрейд учился у него в 1885 году (*прим. автора*).

16

Площадь в западной части Лондона.

Книги написаны Карлом Вернике, Вильгельмом Гризингером и Рихардом фон Крафт-Эбингом соответственно (*прим. автора*).

18

В чьих интересах? (*лат.*)

С радостью отмечаю, что доктор Уотсон описал его в «Приключениях ноги дьявола» (1897) как «доктора Мура Эгера с Харли-стрит», чья врачебная практика в дальнейшем была весьма успешной (*прим. автора*).

Полосатая лента на обшлагe полицейского в течение долгих лет служила его отличительным знаком (*прим. автора*).

Шерлок Холмс усовершенствовал свою формулу определения уровня гемоглобина в тот же день, когда он был представлен доктору Уотсону их общим знакомым Стэмфордом. Холмс в то время искал кого-нибудь, с кем он мог бы на пару снять квартиру на Бейкер-стрит (*прим. автора*).

Сражение 12–13 сентября 1882 года в ходе англо-египетской войны в 83 километрах к востоку от Каира. Английские войска под командованием Гарнета Уолсли нанесли поражение армии египтян под командованием Араби-паши. На следующий день пал Каир, после чего было установлено английское господство в Египте.

23

Более известен под названием «формальдегид» (*прим. автора*).

Термин, придуманный Жаном-Ипполитом Мишоном в 1871 году. В Англии графология долгое время не изучалась (*прим. автора*).

25

Ничто не стоит у нас на пути (*лат.*).

Район на востоке Лондона.

Доктор Уотсон описывает обстоятельства этого дела в рассказе «Скандал в Богемии» (*прим. автора*).

Резник — человек, занимающийся ритуальным убоем скота у верующих евреев.

Ворота, которые в течение нескольких веков стояли на западной границе лондонского Сити. В 1878 году они были сняты, а в 1888 году вывезены из Лондона в Хартфордшир. В 1880 году на этом месте был поставлен памятник Темпл-Бар-Мемориал.

Мак снотворный (лат.).

В некоторых мусульманских странах — почетный титул, присваивавшийся особо отличившемуся военачальнику, герою-победителю, а также лицу, носившее этот титул.

Доктор Уотсон действительно участвовал в битве при Майванде и вернулся в Англию, получив в бою тяжелое ранение (*прим. автора*).

Названный по имени главы «Порохового заговора» Гая Фокса вечер 5 ноября, когда, по традиции, отмечают сожжением пугала Гая и фейерверком раскрытие заговора 1605 года — неудачной попытки группы английских католиков взорвать здание парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам и враждебного католикам короля Якова I.

Инспектор Фредерик Эбберлайн занимался расследованием преступлений Потрошителя и был назначен старшим инспектором в 1890 году (*прим. автора*).

В Англии и Австралии получение белого пера означает обвинение в трусости. Его обычно присылают людям, уклоняющимся от военной службы.

Описано доктором Уотсоном в повести «Этюд в багровых тонах»
(прим. автора).

О вкусах не спорят (*лат.*).

Способы лечения дамской истерии были разнообразны, но многие из них активно использовали особенности женской сексуальности (*прим. автора*).

Шекспир У. «Король Лир», IV, VI (пер. Б. Пастернака).

Table of Contents

Линдси Фэй Прах и тень
Пролог
Глава 1 Два преступления
Глава 2 Свидетельство
Глава 3 Мисс Мэри Энн Монк
Глава 4 Ужас Хэнбери-стрит
Глава 5 Мы обретаем союзника
Глава 6 Письмо Боссу
Глава 7 Рандеву в Уайтчепеле
Глава 8 Погоня за убийцей
Глава 9 Два события
Глава 10 Уничтожение улики
Глава 11 Митр-сквер
Глава 12 Темные письма
Глава 13 Мисс Монк проводит расследование
Глава 14 Лестрейд допрашивает подозреваемого
Глава 15 Лондонский монстр
Глава 16 Проблема Уайтчепела
Глава 17 Человек в униформе
Глава 18 Трофеи
Глава 19 Что должен был рассказать Стивен Данлеви
Глава 20 Нить
Глава 21 На волосок от гибели
Глава 22 Исчезновение Шерлока Холмса
Глава 23 Операция «Флит-стрит»
Глава 24 Ист-эндский филиал
Глава 25 Ночь костров
Глава 26 Ложь
Глава 27 Убийца
Глава 28 Охотничий отряд
Глава 29 Портсигар и сердце
Глава 30 Дар
Глава 31 С уважением от Скотланд-Ярда
Выражение признательности
Примечания

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)